

12102
7
904

С. Блэкловъ.

ЗА ФАКТАМИ и ЦИФРАМИ.

Записки Земскаго Статистика.

МОСКВА.

Типографія Д. И. Иноземцева, Арбатъ, домъ Каринской.
1894.

Le statisticien doit se faire une idée juste de la valeur de l'instrument dont il dispose, et quand il publie des résultats, il est de son devoir de faire connaître le degré de confiance que ces résultats méritent.

Levasseur.

Статистическій матеріалъ имѣеть какую-нибудь цѣну только въ томъ случаѣ, если онъ достаточно вѣренъ, а судить объ этомъ можно только ознакомившись съ приемами собиранія этого матеріала.

Подворная опись Козелецкаго уѣзда.

....Вѣдь въ этихъ-то толстыхъ скучныхъ книгахъ и сказана цифрами та „сущая“ правда нашей жизни, о которой мы совершенно отвыкли говорить человѣческимъ языкомъ, и нужно только разъ получить интересъ къ этимъ дробямъ, нулямъ, нуликамъ, къ этой вообще цифровой крупѣ, которою усѣяны статистическія книги и таблицы, какъ всѣ они, вся эта крупа цифръ, начнетъ принимать человѣческіе образы и облекаться въ картины ежедневной жизни, то-есть начнетъ получать значеніе не мертвыхъ и скучныхъ знаковъ, а напротивъ, значеніе самаго разнообразнѣйшаго изображенія жизни.

Г. И. Успенскій.

ЗА ФАКТАМИ И ЦИФРАМИ.

Записки земскаго статистика.

Земско-статистическія изслѣдованія пользуются у насъ доброю репутаціею. Добыто ими, дѣйствительно, не мало и добыча въ общемъ весьма хорошаго качества. Рѣдко кто изъ самихъ враговъ земской статистики рѣшается обвинять ее въ негодности данныхъ; больше кричатъ о тенденціозности ея направленія, о ненужности и бесполезности всей этой скучной груды сборниковъ для земскаго хозяйства.

Однако лестное мнѣніе большой публики о земской статистикѣ основано въ значительнѣйшей степени на вѣрѣ въ совершенство ея методовъ, а не на знаніи ихъ. Какъ добываетъ свои свѣдѣнія земскій статистикъ — это мало кому извѣстно, кромѣ небольшого кружка людей, такъ или иначе прикосновенныхъ къ земско-статистическому дѣлу. Правда, уже давно статистика пытается сойти съ своего узкаго проселка, протореннаго специалистами, на большую дорогу, по которой взадъ и впередъ снуютъ толпа всякаго люда и на которой заняли свои почетныя мѣста другія, болѣе популярныя и счастливыя науки. Попытки эти не безуспѣшны, но все-таки грузный, малопред-

ставительный, неблестящій, замкнутый видъ ея отпугиваетъ публику; къ ней относятся съ уваженіемъ, но находятъ, что она черезчуръ уже серьезна и скучна и лишь очень немногіе рѣшаются свести съ нею знакомство. Это знакомство, конечно, касается прежде всего обильныхъ и поучительныхъ результатовъ. О томъ, какъ добываются эти результаты, извѣстно только въ самыхъ общихъ чертахъ: экспедиціи на мѣста, агенты-специалисты, сплошной опросъ — вотъ что извѣстно о способахъ наблюденія. Въ литературѣ теперь уже не мало работъ, посвященныхъ статистическимъ вопросамъ, но такихъ, въ которыхъ описывались бы приемы наблюденій, можно указать весьма немного. Очень много интереснаго въ этомъ отношеніи можно найти въ статистическихъ сборникахъ, (наприм. въ саратовскомъ сводѣ, въ красноуфимскомъ и воронежскихъ сборникахъ и т. п.), но сборники читаются почти только одними специалистами или же мирно почіютъ въ земскихъ библіотекахъ. Да и то не разъ высказывалось сожалѣніе, что земскіе статистики слишкомъ умалчиваютъ о способахъ добыванія того или другаго ряда данныхъ.

А между тѣмъ дѣятельность, результатомъ которой является обстоятельное выясненіе положенія народнаго хозяйства, заслуживаетъ болѣе или менѣе подробнаго описанія. Важность самаго предмета обязываетъ къ этому.

Я и рѣшаюсь изобразить, насколько это въ моихъ силахъ, какъ нами производились земско-статистическія изслѣдованія, какія трудности намъ приходилось одолѣвать, какое отношеніе къ нашему дѣлу мы встрѣчали. Я не вдаюсь въ оцѣнку вообще земско-статистическихъ работъ, не хочу также сказать, чтобы практиковавшіеся мною и моими сотоварищами приемы были совершенными; напротивъ, въ нихъ можно найти много недостатковъ; я только показываю, какіе они были. Вмѣстѣ съ тѣмъ я собралъ нѣкоторыя впечатлѣнія, полученные мимоѣздомъ, во время долгихъ скитаній.

Какъ я исполнилъ свою задачу, судить, конечно, не мнѣ; я могу только сказать, что все изложенное или лично видѣно и испытано мною или же слышано отъ моихъ товарищей по работѣ.

«Отцы и братіе!—могу сказать при этомъ словами лѣтописца,—еже аще чесо не дописахъ или же переписахъ, чтите исправляя Бога для, а не кляните...»

Мнѣ пришлось работать по статистикѣ въ двухъ губерніяхъ. Губерніи эти весьма непохожи одна на другую и я поэтому вездѣ стараюсь проводить параллели. Одна изъ нихъ промысловая сѣверная, населенная великорусскимъ племенемъ; инородцы попадаютъ лишь изрѣдка. Я назову ее N-ской. Другая губернія — пусть она будетъ Z-скою — лежитъ на югѣ, подъ синимъ небомъ Украйны; ее населяютъ малороссы, въ громадномъ большинствѣ коренные «хлиборобы». Изъ своей практики по той и другой губерніи я беру только изслѣдованія крестьянскаго хозяйства, какъ болѣе мнѣ извѣстныя.

Наши приготовленія къ экскурсіи въ губернскомъ городѣ я пройду молчаніемъ; они носили черезчуръ дѣловой, кабинетный, даже канцелярскій характеръ, для посторонняго мало интересный и скучный. Скажу только, что еще въ губернскомъ городѣ мы старались по возможности познакомиться съ намѣченнымъ уѣздомъ и для этого, въ N. напримѣръ, мы выписывали, какія только могли найти, свѣдѣнія о землевладѣніи, промышленности и т. д. Пройду молчаніемъ также наборъ регистраторовъ, заготовку груды карточекъ и бланковъ и пр. Все это была очень скучная, черная работа, поглощавшая много времени и трудовъ...

Не буду описывать и нашего пребыванія въ уѣздномъ городѣ. Тамъ мы улаживали дѣла съ мѣстными властями, получали разныя разрѣшенія и удостовѣренія отъ исправника, крестьянскаго присутствія, земской управы. Все это, можетъ быть, весьма небезъинтересно для характеристики положенія земской статистики, но не стоитъ въ органи-

ческой связи съ намѣченной мною задачей. Начнемъ по-
этому съ того момента, когда передъ нами растворяются
врата въ обѣтованный уѣздъ, и мы вступаемъ туда на
добычу «за фактами и цифрами».

I. ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Передъ выѣздомъ изъ уѣзднаго города статистическій отрядъ раздѣлялся всегда на нѣсколько партій, по два-три человѣка. Каждая изъ нихъ брала себѣ для изслѣдованія извѣстный районъ уѣзда, состоящій изъ нѣсколькихъ волостей. Затѣмъ всѣ эти партіи разъѣзжались въ разные концы; иногда во время работы удавалось съѣзжаться, но часто только по возвращеніи въ губернскій городъ, черезъ полтора-два мѣсяца, приходилось увидѣться съ работавшими въ какомъ-нибудь отдаленномъ районѣ. Письмами мы однако извѣщали, по мѣрѣ возможности, другъ друга о ходѣ работъ.

Нашъ первый визитъ былъ въ волостное правленіе для ознакомленія съ подлежащей изученію волостью, для установленія порядка описанія различныхъ селеній ея, затѣмъ для переписи селенія, гдѣ находилось волостное правленіе.

Изъ нашихъ многочисленныхъ посѣщеній волостныхъ правленій я выберу первый пришедшій на память пріѣздъ въ одно изъ селъ Z—ской губерніи, дополняя при этомъ примѣрами изъ практики по другимъ селеніямъ, какъ Z—ской, такъ и N—ской губерній.

Мы втроемъ подъѣхали къ волостному правленію и вылезли изъ тарантаса, необыкновенно враждебно отнесшася къ нашимъ бокамъ во время утомительной многоверстной дороги; въ окнахъ волостнаго правленія на звонъ колокольчика высунулось нѣсколько любопытствующихъ головъ посмотрѣть, кого Богъ несетъ.

Войдя въ волостное правленіе, мы увидали недоумѣвающихъ лица.

— Здравствуйте, — сказалъ я, — кто тутъ изъ васъ старшина?

Отозвался одинъ изъ присутствующихъ, чище другихъ одѣтый.

— Мы земскіе статистики; пріѣхали сюда собирать свѣдѣнія; получили вы бумагу относительно нашего пріѣзда?

— Ни, не получали, — недоумѣло отвѣчалъ старшина, принимая растерянный видъ.

— Не можетъ быть этого; бумага отправлена уже давно и должна уже къ вамъ придти.

— Треба послать за писаремъ; онъ тутъ недалечко отлучився, — догадался наконецъ старшина.

За писаремъ устремился десятскій.

— Вы, вѣрно, неграмотный, — спросилъ я старшину.

— Точно что подписать фамилію могу, а чтобы бойко читать, этому не обученъ.

Хотя старшина былъ неграмотенъ, но говорилъ уже не какъ простой рядовой крестьянинъ, а старался выражаться возможно чище «по-руськи»; иные изъ такихъ совсѣмъ «по паньскому балакають», — «честь имѣю ракомендоваться» и прочія хитрыя слова.

Явился писарь, вѣжливо раскланялся и на вопросъ о бумагѣ бойко отвѣтилъ:

— Какъ же-съ, давно получена.

Старшина былъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи.

Привычнымъ жестомъ писарь взялся за кипу бумагъ въ шкафу и черезъ минуту отыскалъ нужную бумагу.

— Вотъ-съ. Ужъ педѣли двѣ, какъ получена.

Старшина растерянно взялъ бумагу и смотрѣлъ въ нее, ничего не понимая.

— Ну, намъ вотъ что нужно, — сказалъ я ему, — прежде всего укажите намъ квартиру, гдѣ-нибудь поближе.

Это вывело старшину изъ неловкаго положенія и онъ оживился.

— Это можно сею секундою. Семене! крикнулъ онъ десятскому, — бижи швыдче до Пилипенка, скажи, щобъ прибравъ хату.

Десятскій ушелъ. Пока чтó, я попросилъ листъ бумаги и написалъ, какія книги и документы намъ нужно получить.

Старшина во время этой процедуры счелъ необходимымъ вытащить свою цѣпь и надѣть ее себѣ на шею.

— Чого-жъ вы о бумагѣ ничего не сказали, Макарь Осиповичъ, — укоризненно прошепталъ онъ писарю.

— Я говорилъ, да вы во вниманіе не взяли, — нимаю не смущаясь, отвѣтилъ писарь.

Не всегда однако намъ приходилось заставлять врасплохъ главную волостную власть; большею частью оказывалось, что давно уже насъ ждутъ, квартира «обобрана», и даже сельскіе старосты извѣщены о томъ, что предстоитъ перепись.

Десятскій вернулся съ извѣщеніемъ, что квартира готова, я перелалъ старшинѣ списокъ, прося доставить требуемое на квартиру, и мы ушли изъ волостнаго правленія. Уходя, мы сказали еще старшинѣ, чтобы онъ немедленно извѣстилъ всѣхъ сельскихъ старостъ о готовящемся изслѣдованіи.

Первые день-два мы обыкновенно проводили на своей квартирѣ, дѣлая выписки изъ волостныхъ книгъ: рѣшеній волостнаго суда, общественныхъ приговоровъ, сдѣлокъ и договоровъ. Эти книги брались за послѣдніе три года; иногда, если позволяло время, и за болѣе ранній періодъ. Дѣлали мы также выписки различныхъ земельныхъ свѣдѣній, которыя не были сдѣланы раньше.

Изъ книгъ перечисленныхъ трехъ категорій мы выпи-

сывали, конечно, далеко не все сплошь. Выписывалось то, что такъ или иначе характеризовало хозяйственную жизнь населенія, особенности въ формахъ землевладѣнія, данныя для характеристики промысловъ, бытовые черты и т. п. Читающему любой статистическій сборникъ, гдѣ подлинныя выписки приведены въ примѣчаніяхъ, легко можно видѣть, какой матеріалъ мы могли извлекать. Несомнѣнно, что выборъ матеріала во многомъ зависѣлъ отъ личности статистика; вполнѣ опредѣленныхъ указаній, что слѣдуетъ выписать, что можно откинуть, невозможно дать при томъ разнообразіи матеріала, который дается волостными книгами; возможны были только общія desiderata; поэтому правиломъ было выписывать все, что хоть отчасти кажется интереснымъ,—потомъ уже можно будетъ разобратъ. Неопытные на первыхъ порахъ выписывали благодаря этому иногда много ненужнаго.

Новичку не легко иногда ориентироваться въ волостной книгѣ. Слогъ волостнаго писаря не даромъ пользуется столь заслуженною извѣстностью, не меньшею славою пользуется и писарскій почеркъ. Иногда, едва раскроешь книгу, какъ испустишь невольный вздохъ: написано съ такими завитушками и кудряшками, что нелегко узнать скромныя буквы русской азбуки въ этомъ замысловатомъ узорѣ. Погружаясь же въ изученіе документа и понемногу осваиваясь съ почеркомъ, видишь, что и смыслъ принесенъ часто въ жертву краснорѣчію. Такіе артисты иногда вызывали крайнюю досаду; по нѣкоторымъ признакамъ видишь, что, на примѣръ, судебное дѣло весьма интересно, но увы! и мотивы проступка и мотивы рѣшенія и даже ясность въ изложеніи обстоятельствъ дѣла, — все это тонетъ въ потокѣ писарскаго пустословія. Къ счастью, краснорѣчивые писаря все-таки исключеніе; большинство пишетъ такъ, что ихъ писаніями можно пользоваться. Трудности чтенія являлись иногда также благодаря рожимъ, разбавленнымъ водою волостнымъ черниламъ, отъ которыхъ болѣли глаза.

Несмотря на все это, мы довольно скоро научались быстро справляться съ волостными книгами. Всѣ волостныя записи пишутся по общему шаблону, поэтому достаточно взглянуть, на прим., на начало рѣшенія волостнаго суда, чтобы видѣть предметъ дѣла; въ концѣ же находится постановленіе суда; такой же шаблонъ есть и въ другихъ записяхъ. Опытный статистикъ поэтому и не читаетъ всей книги, а перелистывая ее, скользитъ глазами по страницамъ, останавливаясь только на интересныхъ дѣлахъ и выписывая ихъ. При такомъ способѣ дѣло быстро подвигается впередъ. Выписывали мы сокращенно, только суть дѣла, стараясь однако сохранить характерныя выраженія.

Въ это же время одинъ изъ насъ, захвативъ списокъ селеній данной волости и карту, отправлялся въ волостное правленіе, чтобы составить со словъ старшины и писаря планъ дѣйствій и маршрутъ.

Приблизительное число дворовъ въ селеніи намъ было извѣстно; тѣмъ не менѣе мы считали иногда полезнымъ провѣрять эти свѣдѣнія, чтобы не наткнуться на какойнибудь сюрпризъ вслѣдствіе возможной ошибки. Болѣе же важнымъ являлись указанія старшины или писаря, въ какомъ порядкѣ удобнѣе совершать объѣздъ селеній. Въ южной полосѣ Россіи рѣдко приходилось отступать отъ того маршрута, который представляется наиболѣе удобнымъ по картѣ. Далеко не всегда можно было то же сдѣлать на сѣверѣ, гдѣ дороги часто отличаются совершенно допотопнымъ характеромъ. Тамъ не разъ случалось, что составишь заранѣе прекраснѣйшій маршрутъ, но когда изложишь его передъ волостными властями, неожиданно окажется серьезнѣйшее препятствіе.

— Тутъ у васъ маленько неладно, — говоритъ старшина, легонько касаясь мизинцемъ карты, — изъ Борокъ въ Мократино вамъ прямикомъ никакъ не проѣхать.

— Почему такъ? На картѣ между ними всего версты двѣ-три.

— Это дѣйствительно, что такъ. А между прочимъ надо всячески сдѣлать вѣрныхъ верстъ тридцать, а то и всѣхъ сорокъ.

— Отчего же?

— Болотце тамъ есть,—съ сожалѣніемъ въ голосъ говоритъ обходительный старшина, словно извиняясь за существованіе такого непріятнаго болота въ его волости,—и черезъ него никакъ, ни пройти ни проѣхать, и придется уже вамъ, значить, въ объѣздъ.

Такой объѣздъ для насъ совсѣмъ непріятенъ и прекрасно составленный маршрутъ приходится передѣлывать.

Вообще съ путями сообщенія на сѣверѣ мы всегда должны были считаться. Да еще бы не считаться, когда существовали такія палестины, какъ знаменитая Оршинская дача. Эта дача находится въ одномъ изъ уѣздовъ Н—ской губерніи и имѣетъ около тридцати тысячъ десятинъ. Середину ея занимаетъ огромное озеро, окруженное обширными болотами и выпускающее изъ своихъ нѣдръ небольшую рѣчку; болѣе или менѣе сухія мѣста заняты лѣсомъ. На озерѣ лежатъ два островка, на которыхъ расположено село и двѣ деревушки. Зимой, когда морозъ заковываетъ и озеро и болота, черезъ село проходитъ почтовый трактъ, но весной, лѣтомъ и осенью попасть въ описываемыя селенія весьма нелегкая задача. Только хорошо знающій мѣстность туземецъ можетъ провести лодку черезъ эти дебри. Вообще же болѣе полугода сношенія этихъ островитянъ съ внѣшнимъ міромъ крайне рѣдки; притомъ инициатива сношеній принадлежитъ самимъ островитянамъ, если они того захотятъ; внѣшній же міръ иногда, несмотря на всѣ старанія, никакъ не можетъ достать неприступныхъ обитателей озерныхъ нѣдръ.

Островитяне въ базарные дни пріѣзжаютъ въ уѣздный городъ. Для этого имъ нужно проѣхать въ лодкѣ изъ озера въ рѣчку; рѣчка течетъ крайне извилисто, въ болотистыхъ берегахъ; незнающій мѣстности, навѣрное, заблудится въ лабиринтѣ болотъ, протоковъ и заливовъ и

подвергнется весьма серьезной опасности погибнуть. Поэтому-то и съ этой стороны островитяне недоступны. По рѣчкѣ путники вступаютъ въ другую большую рѣку и ѣдутъ нѣсколько верстъ до уѣзднаго города.

Въ «доброе старое время» уѣздная администрація пользовалась для своихъ цѣлей этими путешествіями островитянъ въ городъ. Нужно, положимъ, чтобы какой-нибудь Иванъ Петровъ, вслѣдствіе какой-то провинности, предсталъ передъ ясныя очи становаго. Достать требуемаго Ивана Петрова, хотя бы этого желалъ не только становой, но и самъ его превосходительство, прямымъ путемъ нѣтъ никакой возможности. Уѣзднымъ властямъ явилась однако блестящая мысль сдѣлать весьма оригинальное примѣненіе круговой поруки. Становой приказывалъ своимъ исполнителямъ заарестовать перваго попавшагося въ городѣ островитянина и пригласить еще нѣсколько человѣкъ для нѣкотораго сообщенія. Попадался, положимъ, Иванъ Михайловъ. Становой засаживалъ его въ клоповникъ, прочихъ же милостиво отпускалъ, заявивъ, что, когда явится настоящій преступникъ—Иванъ Петровъ, невинно сидящій заложникъ Иванъ Михайловъ будетъ выпущенъ. Островитяне плыли домой, дома собирали сходку и міръ постановлялъ, чтобы Иванъ Петровъ немедленно отправлялся для воспріятія должнаго. Иванъ Петровъ, зная, что «міръ великъ человѣкъ» и съ нимъ нечего разговаривать, покорно бралъ мѣшокъ съ сухарями, плылъ въ городъ и являлся къ становому, который послѣ отеческаго внушенія отдавалъ его на сѣденіе клопамъ на опредѣленный срокъ. Иванъ же Михайловъ въ это время уже весело плылъ домой, радуясь возвращенію свободы и добродушно прощая клопамъ всѣ непріятности, которыя они ему причинили.

Говорятъ, что въ настоящее время цивилизація уже вытѣснила этотъ патріархальный обычай.

Въ озерной приходѣ духовное начальство ссылаетъ также провинившихся поповъ, но тѣ, по рассказамъ, живутъ

тамъ весьма сносно, ибо къ скукѣ одиночества сельскому попу не привыкать, прочія же условія существованія не такъ ужъ плохи, и островитяне приносятъ нескудныя дани.

При изслѣдованіи, статистикъ, отправившійся въ эти дебри, перенесъ не мало трудностей, прежде чѣмъ добрался до цѣли своихъ странствій. Онъ поѣхалъ лодкою, которою управляли два хорошо знающихъ дорогу крестьянина. Пришлось и грести и отпихиваться и наконецъ, попавши въ какую-то жидкую кашу, наполняющую длинный бездонный протокъ, тянуть бичевою. Для этого проводники выѣзли на трясущіяся окраины протока и, зацѣпивъ лодку веревками, потянули ее, перепрыгивая съ кочки на кочку. Какъ только на кочку ступалъ тяжелый сапогъ мужика, она, шипя, начинала подаваться подъ его тяжестью, но въ это время мужикъ перепрыгивалъ уже на слѣдующую кочку. Вскорѣ оказалось возможнымъ опять сѣсть въ лодку и грести...

Въ Z—ской губерніи есть тоже три села, отдѣленные отъ внѣшняго міра большою рѣкою и болотами. Послать кого-нибудь весною или осенью въ село Яшники значить обречь человѣка на наказаніе. Обыватели этихъ селъ насмѣшливо относятся къ попыткамъ проникнуть къ нимъ и иногда, чтобы отвадить непрошенныхъ гостей, устраиваютъ имъ купанье не по сезону. Черезъ болото можно ѣхать только въ телѣгѣ; что же помѣшаетъ словно нечаянно „трохи покупаты его благородіе“ при такомъ способѣ передвиженія!

— Разбойникъ народъ! — жаловался мнѣ съ горечью одинъ мѣстный дѣятель, — что ты съ ними подѣлаешь? Жизнь всякому дорога, а къ нимъ поди—доступись!...

Возвратимся однако къ нашимъ занятіямъ въ волостномъ правленіи.

Сообща мы выработали и утвердили маршрутъ. Теперь нужно было составить списокъ всѣхъ домохозяевъ.

Село, въ которое мы попали, громадное, поэтому со-

7357b
ставить нужный намъ списокъ было не особенно легко. Въ небольшихъ селеніяхъ мы обыкновенно составляли со словъ двухъ-трехъ крестьянъ. Въ большихъ же приходилось созывать до 20-30, иногда и болѣе, крестьянъ изъ разныхъ „кутковъ“. Пользоваться же готовымъ спискомъ, составивъ его заранее по страховымъ свѣдѣніямъ губернской управы, оказывалось неудобнымъ: всегда можно было рискнуть пропустить кого либо даже изъ домохозяевъ, не говоря уже о бездомовыхъ и постороннихъ; да и основанія составленія страховыхъ списковъ были иныя, чѣмъ у насъ. Поэтому-то, придя въ волость, я сказалъ старшинѣ, чтобы онъ собралъ съ разныхъ концовъ села нѣсколько домохозяевъ; при этомъ прибавилъ, чтобы дряхлые старики не призывались. Иногда, рѣдко впрочемъ, какой нибудь старшина, не понимая, что намъ нужно, распоряжался представить въ качествѣ выборныхъ, вѣроятно для пущаго эффекта и важности, наиболѣе удрученныхъ годами обитателей села. И вотъ когда собиралась компанія глухихъ, подслѣповатыхъ и шамкающихъ депутатовъ, давно уже избравшихъ печь своимъ главнымъ мѣстопробываніемъ, приходилось снова посылать десятскихъ за болѣе свѣжими представителями селенія.

Когда мы кончали нашъ маршрутъ, уже начали собираться крестьяне. Осторожно ступая огромными чоботами, помолвившись на образъ и поздоровавшись съ присутствующими обычнымъ: „здоровы булы!“ или „зъ понедилкомъ“ („зъ вивторкомъ“ и т. д., смотря по дню) будьте здоровы!“ новоприбывшій присаживался на лавкѣ къ прочимъ и спрашивалъ шепотомъ:

— По якому дилу народъ стоняють?

— Кто его знае, зачимъ воно треба, — отвѣчалъ сосѣдъ, — отъ побачымо.

Когда собралось челоуѣкъ пятнадцать-двадцать, уже можно было составлять списокъ. Я обратился къ крестьянамъ съ коротенькой рѣчью, въ которой сказалъ, что для губернскаго земства требуются свѣдѣнія о хозяйствѣ,

поэтому намъ нужно будетъ произвести перепись всѣхъ жителей, а для этой цѣли необходимо составить общій списокъ; поэтому - то я и прошу ихъ начать съ какого нибудь конца селенія, съ края, и говорить мнѣ имя и фамилію каждаго домохозяина, никого не пропуская, ни пана, ни духовнаго, никого другаго изъ постороннихъ, не говоря уже о крестьянахъ.

Въ началѣ моей рѣчи, когда я объяснялъ цѣль моего пріѣзда, собравшіеся глядѣли на меня, очевидно ничего не понимая, но когда я заговорилъ о способѣ составленія списка, лица прояснѣли и осмыслились. Вообще разъяснить на сходѣ крестьянамъ, особенно кореннымъ степовикамъ, мало развитымъ, что такое за штука эта „перепись“, или „повирка“, для чего она, что нѣтъ въ ней никакой каверзы, вещь крайне трудная; мнѣ удавалось это только въ немногихъ случаяхъ и въ мѣстностяхъ съ болѣе развитымъ населеніемъ. Гораздо лучше можно объяснить цѣль нашей работы какому-нибудь одному толковому крестьянину, на примѣръ хозяину нашей квартиры, вечеромъ за самоваромъ, а онъ, понявши въ чемъ дѣло, самъ уже по-своему гораздо удачнѣе можетъ объяснить своимъ односельчанамъ.

— Начинайте вы, Гапоны, свѣй кутокъ, — крикнулъ одинъ изъ крестьянъ другому.

Начало всегда идля всякаго трудно, поэтому приглашаемый нѣсколько конфузится.

— Та чи выкажу жъ?...

— Чого? Такъ прямо и начинай зъ Омелька, а потимъ все и йды по-надъ яромъ, якъ разъ дійдешъ до Стехы; видтиля вже нашъ кутокъ, — ободрилъ его сосѣдъ.

— Ничего, — сказалъ я, — ошибетесь, можно будетъ поправить.

Обитатель Гапонова кутка шагнулъ впередъ.

— Ну, такъ пишитъ—Омелько Прихидько...

— Записалъ; дальше.

— Павло Ворона...

— ...Ворона...

— Нычпоръ Гапонъ...

— Дальше.

— Теперечкы у его у другій хати еврей живе; цего якъ?

— И его показывайте, никого не пропускайте.

— Ну, цего хто его знае, якъ его зовутъ, Ицкой ма-
буть.

— Ну, хорошо,—Ицка; фамиліи не знаете?

— Хто его знае, кумедно якосъ (куръезно какъ-то).

— Дальше.

— Теперъ двое бративъ черезъ сини живутъ; якъ ихъ
писать?

— Хозяйство у нихъ особое?

— Та якъ вамъ сказаты? Ще не подиылысь зовсимъ,
якъ слидъ.

— Харчъ вмѣстѣ или особо?

— Харчъ наризно (отдѣльно).

— Такъ показывайте каждаго отдѣльно.

Мы записывали каждую отдѣльную семью - хозяйство,
ведущую свой особый столъ, хотя иногда живущую и въ
одной хатѣ съ другою семьею.

Такъ продолжалъ составляться списокъ; иногда кто-
нибудь изъ присутствующихъ выборныхъ съ того же кутка
вставлялъ свое замѣчаніе:

— А ты, Степане, помылився (ошибся).

— Якъ?

— А Гедзика не казавъ.

— О! и справди; запишеть, ваше благородіе, е въ
насъ ще одынъ чоловичокъ убогій (бѣдный).

Иногда возникалъ споръ, въ какомъ порядкѣ лучше
идти, но сообща быстро рѣшали этотъ вопросъ.

Кончивъ «выказывать» свой край села, говорившій
обтеръ полою кожуха потъ на лицѣ, выступившій отъ
непривычнаго умственного усилія, и отошелъ, говоря со-
сѣду:

— Теперь вашъ кутокъ...

— Ну, пишеть: Стекла Пархоменкова, вдова, чоловікъ торишне (прошрое) лито померъ, — началъ новый депутатъ.

Такъ мы прошли все село. Иногда составленіе списка, если село было очень велико, занимало, какъ мы ни быстро работали, часа два-три. Успѣшность работы зависѣла больше всего отъ того, насколько удаченъ былъ выборъ приглашенныхъ, а также отъ степени разбросанности селенія. Нѣкоторыя южнорусскія села имѣютъ такіе прихотливыя закоулки, что даже туземецъ легко можетъ запутаться. Несмотря на ранѣе заявленное условіе не пропускать и постороннихъ обществу лицъ, во время составленія списка не разъ приходилось повторять это, не разъ приходилось напоминать говорящимъ, чтобы они не забывали этого правила. Въ нѣкоторыхъ большихъ торговыхъ селеніяхъ число такихъ постороннихъ лицъ, особенно евреевъ, весьма велико и въ перечисленіи ихъ заключается главная трудность составленія списка. Одно время мы рѣшили было поэтому въ такихъ селеніяхъ призывать, кромѣ крестьянъ, и нѣсколько человѣкъ евреевъ; пользы отъ этого однако оказалось весьма мало. Призванные рѣдко знали хорошо мѣстожителство всѣхъ своихъ соплеменниковъ; крестьяне же въ такомъ случаѣ уже совсѣмъ не слѣдили за тѣмъ, чтобы кого-нибудь не пропустить: «нехай воны сами выкажутъ своихъ,» — рѣшали они. Поэтому послѣ двухъ-трехъ такихъ опытовъ, мы рѣшили не приглашать никого изъ постороннихъ. Оказывалось удобнѣе записать лицо безъ фамиліи по какому нибудь признаку (напримѣръ, «рыжій еврей въ хатѣ Панька Зачешила»), чѣмъ, гоняясь за именемъ, рисковать пропустить нѣсколько человѣкъ.

Кое-кто изъ выказавшихъ хотѣлъ было уходить, но я задержалъ, имѣя намѣреніе составить еще поселенный бланкъ.

Списокъ наконецъ былъ конченъ.

Такъ же составлялся списокъ хозяевъ и въ другихъ се-

леніяхъ, такъ онъ составлялся и въ N — ской губерніи. Отмѣчу здѣсь составленіе списка въ мѣстностяхъ хуторнаго характера.

Если вы посмотрите на не особенно большую карту Z — ской губерніи, то увидите, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ обширные районы словно густо усѣяны макомъ. Это многочисленные хутора, разсѣянные по «степу». Когда приходится ѣхать въ такой районъ, то, смотря по темпераменту, статистикъ-меланхоликъ вздыхаетъ, статистикъ-сангвиникъ бранится.

Одною изъ трудностей работы въ такихъ мѣстахъ является составленіе списка хуторовъ. Кажется, что можетъ быть легче, какъ составить списокъ населенныхъ мѣстъ въ данной волости. Да, если волость состоитъ изъ нѣсколькихъ крупныхъ селеній, то и говорить объ этомъ нечего. Когда же по ней, какъ изъ мѣшка, рассыпаны хутора, то это не такъ-то легко. Оффиціальныя списки или даютъ какое-нибудь общее названіе, на примѣръ хутора Ляшковскіе, Бузовскіе, Милодановы, намъ же нуженъ былъ каждый отдѣльный хуторъ; или же хотя и приводятъ перечень отдѣльных хуторовъ, но при провѣркѣ этотъ перечень часто оказывается невѣрнымъ. Поэтому-то мы составляли сами списокъ хуторовъ съ перечисленіемъ всѣхъ хозяевъ въ каждомъ. Для этого, собравши нѣсколько человѣкъ съ разныхъ хуторовъ, мы отправлялись отъ какой-нибудь извѣстной точки; на примѣръ, начинали съ крайняго Рыбалчина хутора и, одинъ за другимъ, записывали всѣ хутора по правую сторону шляха, потомъ переходили на лѣвую и т. д.; при этомъ то и дѣло приходилось дѣлать всевозможные зигзаги въ зависимости отъ расположенія хуторовъ.

Но что такое хуторъ, какъ отдѣльное населенное мѣсто? Обыкновенно хутора бываютъ расположены небольшими группами хатъ; каждая отдѣльная группа и носить свое особое названіе. Вотъ, на примѣръ, хуторъ Педининъ изъ шести дворовъ, отъ него въ $\frac{1}{4}$ версты хуторъ Биг-

даивъ изъ десяти хатъ, затѣмъ дальше, черезъ балку, хуторъ Бытакове Озеро изъ восьми дворовъ, а тамъ на пригоркѣ находятся три двора Муштина хутора. Мы и записываемъ хутора и хозяевъ въ такомъ порядкѣ. Но вотъ возникаетъ вопросъ, куда отнести дворъ Левка Баланды, который находится «трохы на одшыби» отъ другихъ, къ Муштину ли хутору или къ слѣдующему Киктеву хутору или же записать какъ отдѣльное населенное мѣсто — хуторъ Баландячій.

— Вы его какъ же считаете, къ какому хутору? — спрашиваетъ крестьянъ статистикъ.

— Та якъ вамъ угодно, ваше благородіе, намъ усе едино, — отвѣчаютъ крестьяне, — пишыть хочъ до Муштина.

— А то хочъ до Киктивъ припишыть, — соглашаются другіе.

Вообще разграничить хутора, точно опредѣлить, какіе дворы относятся къ одному, какіе къ другому, далеко не всегда было легко. Разстояніе точно опредѣлить иногда бывало довольно трудно. Часто приходилось допускать извѣстный произволъ, извѣстную натяжку. А въ нѣкоторыхъ козачьихъ обществахъ хутора считаются десятками.

Если въ селѣ составленіе списка представляло большое удобство для переписи, какъ мы это сейчасъ покажемъ, то еще болѣе слѣдовало это сказать о спискѣ хуторянъ. Съ этимъ спискомъ мы не пропускали ни одного изъ разсѣянныхъ по степи дворовъ, безъ него же такіе пропуски были бы возможны.

Труда на списокъ полагалось не мало, но трудъ этотъ окупался многими выгодами. Помимо того, что списокъ представляетъ бѣольшую гарантію, что никто не будетъ пропущенъ во время переписи, имѣлась еще одна важная выгода. Мнѣ передавали работавшіе раньше меня въ З—скомъ бюро, что они прежде, при началѣ изслѣдованія губерніи, списковъ не составляли, а заказывали старостамъ призывать «всѣхъ подрядъ хозяевъ, никого не пропускаая»; при этомъ назначали приблизительное число

призываемыхъ. При такой системѣ легко могъ случиться пропускъ бездомовыхъ, затѣмъ призываемые являлись не въ порядкѣ, каждый рвался отдѣлаться поскорѣе, отчего происходила толкотня и суматоха; наконецъ, случались такіе сюрпризы, что какой нибудь староста, поусердствовавши, призывалъ черезчуръ много хозяевъ, такъ что статистикамъ приходилось сидѣть до поздней ночи; иногда же наоборотъ староста почему то рѣшалъ самъ: «гдѣ имъ съ такою силою управиться!» и звалъ менѣе назначеннаго; и вотъ часамъ къ четыремъ - пяти неожиданно оказывалось, что некого переписывать; приходилось кончать раньше обычнаго и терять дорогое время непроизводительно. Поэтому-то Z—скіе статистики вскорѣ прибѣгли къ составленію списковъ и были тогда уже вполне господами своего положенія.

При предварительномъ составленіи списка часто можно было также дѣлать небезполезныя помѣтки о нѣкоторыхъ хозяевахъ со словъ выборныхъ.

Списокъ мы составляли на отдѣльномъ листѣ, а потомъ уже переписывали фамиліи домохозяевъ на подворныя карточки; каждое отдѣльное хозяйство занумеровывалось и въ списокъ и на карточкѣ.

Въ такомъ порядкѣ опять-таки была своя выгода.

Во время переписи намъ часто приходилось справляться по этому списку, приходилось вносить пропущенныхъ, которые хотя рѣдко, но все-таки иногда оказывались, приходилось иногда отыскивать, по какому нибудь случаю, кого нибудь изъ домохозяевъ; на примѣръ, Панько Косогубъ, записанный подъ № 5, показывалъ, что онъ владетъ олейницею сообща съ Михайломъ Лыхошерстомъ; нужно и тому и другому поставить въ карточки по $\frac{1}{2}$ олейницы и, во избѣжаніе пропуска, немедленно же сдѣлать это и на карточкѣ Лыхошерста. Искать его въ массѣ карточекъ было бы очень долго, по списку же быстро оказывается, что онъ записанъ, положимъ, подъ № 324, и карточку подъ этимъ номеромъ намъ уже не стоитъ

никакого затрудненія найти въ лежащей рядомъ грудѣ положенныхъ въ порядкѣ номеровъ карточекъ. Такихъ поводовъ къ справкамъ въ списокъ можно было бы привести десятки.

Затѣмъ, помѣщеніе списка на отдѣльномъ листѣ гарантировало отъ ошибокъ при составленіи его; иногда могла быть опасность, что какой-нибудь «кутокъ» будетъ «выказанъ» два раза: выказавшіе его ранѣе ушли, а явившіеся потомъ, по незнанію, начинаютъ, зайдя съ другой стороны села, опять повторять уже разъ записанное; если писать фамиліи домохозяевъ прямо на карточкахъ, такую ошибку трудно усмотрѣть; при отдѣльномъ же списокѣ все село является какъ на ладони. Хотя переписка фамилій крестьянъ на карточки и отнимала нѣкоторое время, но все-таки выгоды перевѣшивали неудобства.

Въ мелкихъ селеніяхъ можно было однако смѣло записывать домохозяевъ непосредственно на карточки, что мы и дѣлали для сокращенія труда.

Теперь предстояло составить еще поселенный бланкъ. Долгая процедура составленія списка, видимо, довольно сильно наскучила крестьянамъ и они уже безъ интереса слѣдили за происходящимъ. Поэтому я сказалъ:

— Завтра мы и будемъ по этому списку призывать домохозяевъ и спрашивать о хозяйствѣ; васъ же я могу спросить, если хотите, сегодня, такъ что завтра вы будете свободны.

— Це чого и лучче! Сдѣлайте таку милость! Ще трошки потрудитьця! — заговорили мнѣ въ отвѣтъ.

Возможность сегодня же развязаться и вполне располагать завтрашнимъ днемъ по своему усмотрѣнію сильно подбодрила уставшихъ крестьянъ.

— Для этого еще нужно часъ или полтора подождать, а у васъ кое-что спрошу, а тамъ буду и переписывать.

Крестьяне охотно согласились на такую надбавку и я приступилъ къ составленію поселеннаго бланка. Объ этой важной части нашей работы я подробно расскажу ниже. По окончаніи бланка я переписалъ всѣхъ выборныхъ.

— Ну, господа, вотъ вы видѣли, въ чемъ дѣло, — обратился я къ старшинѣ и старостамъ, — такъ сегодня же вы и «загадайте», чтобы завтра рано утромъ собрался народъ...

Я поискалъ въ списокѣ.

... Начиная съ края и до Корнія Полуляха, загадайте, чтобы приходили съ самого утра, а отъ Корнія до Трохима Чмыхала, чтобы собирались такъ съ полдня и т. д.

Я раздѣлилъ всѣхъ призываемыхъ на нѣсколько группъ и каждой назначилъ свой особый срокъ, чтобы нѣкоторымъ не пришлось терять даромъ много времени въ ожиданіи своей очереди.

— Слушайте жъ вы, — счелъ своею обязанностью обратиться къ старостамъ и повторить имъ сказанное мною старшина, очевидно считавшій себя гораздо сообразительнѣе своихъ подчиненныхъ.

Старосты кивали головами и бормотали:

— Це вже звистно! Щобъ, значить, усихъ чисто! Це мы теперъ же загадаемо.

— Такъ що часамъ къ десяти, — замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пораньше; чтобы къ семи часамъ уже былъ народъ; мы начинаемъ рано.

По лицамъ старшины и старость было видно, что они совсѣмъ не предполагаютъ возможности, чтобы господа такъ рано начинали работу.

— Та воно можно й такъ, — съ вѣжливою уклончивостью хохла отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Непремѣнно такъ; объ этомъ особенно позаботьтесь. Мы рано встаемъ.

Я собралъ бумаги и ушелъ домой, гдѣ мои товарищи давно уже ждали меня къ обѣду, нетерпѣливо поглядывая въ окна.

Вечеромъ того же дня мы закончили всѣ выборки изъ волостныхъ книгъ. Не всегда удавалось заканчивать эту работу до переписи; иногда мы принуждены бывали по вечерамъ, послѣ переписи, часъ-два заниматься этимъ успокоительнымъ чтеніемъ на сонъ грядущій, пока окончательно не отдѣлаемся отъ этой кропотливой работы.

II. ПОДВОРНАЯ ПЕРЕПИСЬ.

На другой день, около шести часовъ утра, были мы уже на ногахъ. Въ экскурсіи мы привыкали вставать рано, иногда приходилось вставать и въ четыре часа. Какъ только начиналась перепись, городской привычки залеживаться какъ не бывало. Въ пять шесть часовъ словно кто-нибудь толкнетъ во время сна; какъ бы мало ни спалъ, быстро вскочишь, весь подъ впечатлѣніемъ предстоящей работы.

Самоваръ, о которомъ мы распорядились еще съ вечера, уже шумѣлъ за дверями въ сѣняхъ. Мы наскоро позавтракали и къ семи часамъ отправились въ волость. Въ первый день переписи мы особенно старались явиться къ назначенному нами сроку, зная, что, если опоздаемъ, то этимъ сами разрушаемъ свое требованіе собрать народъ пораньше.

Въ волостномъ правленіи никого не было, только сторожъ подметалъ комнату.

— Гдѣ же народъ? Гдѣ же старосты? — спросили мы.

— Мабутъ на село побиглы, — равнодушно отвѣчалъ сторожъ.

— А старшина?

— Ще не приходывъ.

— Отправляйтесь за нимъ, скажите, что намъ его нужно.

— Вы вже извиняйте; дѣйствительно, мы трошки промахнулись.

Наконецъ начали появляться «люди». Староста, какъ только появились первые, немедленно напустился на нихъ:

— Де вы доси булы? Хиба такъ можна! И не стыдно тобі, Панасію, чи тобі тричы загадувати? Ще й учора казали.

— Та, ей же Богу, никого не було; оце якъ тильки почувъ, заразъ и пишовъ.

— Бреешь, я й самъ ходывъ и десяцькій бигавъ..

Власти и народъ еще нѣкоторое время перекорялись.

Передъ нашими столами стояла уже порядочная толпа. Крестьяне съ любопытствомъ разсматривали невѣдомыхъ пріѣзжихъ, призвавшихъ ихъ для какихъ-то непонятныхъ разспросовъ. Кое-гдѣ въ толпѣ слышался шопотъ.

— Панасъ учора казавъ, що обо всимъ пытаются; бачъ, скільки дитей, скільки земли, свиней, курей...

— Видкиля воны, зъ губерни?

— Може й дали.

Мы въ рѣдкихъ случаяхъ начинали перепись, пока не соберется достаточно народа, развѣ ужъ очень запоздають. Спрашивать отдѣльныхъ хозяевъ съ разныхъ концовъ села, какъ ихъ зовутъ, выбирать ихъ карточки изъ груды заготовленнаго матеріала крайне неудобно. Работа теряетъ при этомъ свою стройность; только что явившійся крестьянинъ не успѣлъ еще осмотрѣться, путается въ показаніяхъ, ошибается; переписывающій самъ теряетъ при этомъ хладнокровіе, спѣшитъ и иногда долго потомъ не можетъ найти необходимое равновѣсіе. Бывали еще другія неудобства. Спросили вы, напримѣръ, какого-нибудь Ивана Галайду съ Галайдина кутка въ то время, когда переписывались разрозненные обитатели разныхъ кутковъ; затѣмъ начинаете спрашивать уже въ извѣстномъ порядкѣ, и Галайдинъ кутокъ не попадаетъ въ число первыхъ. «Галайды», прождавши нѣкоторое время, начинаютъ смущаться, не понимая, въ какомъ порядкѣ идетъ работа.

Сторожъ подумалъ, почесалъ голову, почесалъ спину, медленно взялъ шапку и палку и отправился съ нашимъ порученіемъ.

Въ первый день переписи въ волостномъ селѣ обыкновенно такъ и бывало; въ такихъ селахъ народъ собирается гораздо неисправнѣе и волостнымъ властямъ приходится принимать гораздо больше мѣръ, чтобы созвать домохозяевъ. Кромѣ того и сами власти не такъ уже ретиво стараются быть точными и аккуратными, зная, что объемъ требованій со стороны разныхъ наѣзжающихъ въ волость персонъ далеко не соотвѣтствуетъ степени необходимости въ ихъ точномъ исполненіи, зная прекрасно, что собравшемуся народу часто приходится долго «лежать на брюхѣ» на лужку передъ волостнымъ правленіемъ и развлекаться разговорами, ожидая пробужденія персоны.

Явился нѣсколько сконфуженный старшина; можетъ быть, въ первый разъ за свою старшинскую службу ему приходилось встрѣчаться съ такимъ неожиданнымъ фактомъ, что «чиновники», назначивши въ семь часовъ перепись, какъ разъ въ семь часовъ и были на мѣстѣ и не застали его на своемъ посту. Онъ сталъ извиняться («такой у насъ народъ, что ничего съ нимъ не подѣлаешь»), послалъ откуда-то явившихся десятскихъ созывать домохозяевъ и общалъ, что все будетъ готово «сею минутою».

Мы начали пока приготовляться къ работѣ. Всѣмъ тремъ дѣйствовать въ одной комнатѣ было бы очень неудобно, поэтому одинъ изъ насъ выбралъ себѣ сосѣднюю небольшую комнату; двое же остались въ большой, за двумя отдѣльными столами. Всѣ необходимыя приготовленія сдѣланы, карточки разсортированы, но нѣтъ еще никого и приходится изучать разные циркуляры и отношенія, развѣшанные по стѣнамъ, или же погрузиться въ сосредоточенное куреніе.

Наконецъ явился одинъ изъ старостъ и объявилъ, что «люди заразъ будутъ, десяцьки женуть». Явился и старшина и подтвердилъ это, прибавивъ:

— Що це насъ такъ довго не гукать? Оце й Вороны выказалы свій кутокъ, а воны одъ насъ неподалечку.

— Эге! та вашъ кутокъ вже давно выказанъ,—очень кстати замѣчаетъ какой-нибудь сосѣдъ, опять-таки по-своему понимающій ходъ работы.

— Ну! удивляются Галайды,—хто жъ це ёго выказавъ?

— А Иванъ; я самъ чувъ (слышалъ).

— Що жъ намъ теперь, бѣратци, чи до дому йти, чи тутечкы зоставатысь? — задаются вопросомъ о своемъ положеніи Галайды.

— А вже жъ до дому; що вамъ тутъ робыты? — подтверждаетъ сосѣдъ,—васъ вже минулы.

И вотъ Галайды, потоптавшись еще нѣсколько времени, помявшись, рѣшають, что здѣсь имъ «робыты» нечего, надѣвають шапки и уходятъ домой.

Дошелъ чередъ до Галайдина кутка, напрасно выкликаете одного, другаго, третьяго,—нѣтъ никого.

— Гдѣ же они? спрашиваете старосту.

— Ну й люде жъ у насъ!—въ крайней досадѣ восклицаетъ староста,—оце жъ самъ ихъ сюды прививъ, а воны изнову чортъ зна куды повіялысь.

Отправляется за Галайдами десятскій и пройдетъ не мало времени, пока онъ ихъ соберетъ. пока явятся Галайды, заявляющіе съ недоумѣніемъ: «та думка була, що насъ вже не треба».

Наконецъ собралось достаточно народа и можно было начинать перепись. По предварительному уговору перепись начиналъ одинъ изъ насъ.

— Кто съ Гапонова кутка, подходите ближе къ столу,—возгласилъ я начало переписи.

Гапоны начали протискиваться впередъ.

— Омелько Приходько,—вызвалъ я перваго въ списокъ.

— Ось,—отозвался вызванный.

— Какъ отца звали?

— Чого?

— Отца какъ звали?

— Чиёго?

— Вашего.

— Батька твого якъ звали? Чуешь?—вступился было одинъ изъ сосѣдей, но я его остановилъ.

— Нычыпоръ,—отвѣтилъ наконецъ Приходько, понявши, о чемъ его спрашиваютъ.

— Кто вы, козакъ или крестьянинъ?

— Паньскій.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Кто жъ ёго знае, ваше благородіе, — безпомощно развелъ руками Приходько.

— Вы должны знать.

— Та годъ може зъ сорокъ, а може й усихъ пятьдесятъ.

— Такъ нельзя, припомните лучше.

Начинается припоминаніе, въ которомъ участвуютъ и сосѣди; указываются такіе рѣшающіе факты, какъ напр.: «ты тоди оженився, якъ дядька Хведора въ солдаты взято, а цему пишовъ вже двадцать пятый рікъ». Наконецъ установили, что Омелько Приходько имѣетъ сорокъ семь лѣтъ; съ неменьшимъ затрудненіемъ добыты свѣдѣнія о лѣтахъ его «жинки».

Такъ постепенно я разспросилъ Омелька обо всемъ, что мнѣ было нужно и, когда я отпустилъ его, у бѣдняги весь лобъ былъ усѣянъ крупными каплями пота.

Омелько Приходько отвѣчалъ такъ туго вовсе не потому, чтобы онъ былъ глупъ. Онъ, можетъ быть, далеко не изъ послѣднихъ по уму, но все дѣло въ томъ, что онъ первый подвергался опросу.

Первые изъ опрашиваемыхъ крестьянъ часто бываютъ крайне смущены и растеряны, иногда не понимая самыхъ простыхъ вопросовъ. Иной изъ первыхъ вызванныхъ только перебѣгалъ недоумѣвающими глазами съ одного «пана» на другаго и не могъ почти ничего отвѣтить. Если опросъ шелъ сейчасъ по составленіи поселеннаго бланка, какъ вчера, то дѣло обстояло нѣсколько лучше. Во время

составленія бланка крестьяне уже болѣе или менѣе осваивались съ обстановкою работы и не терялись при индивидуальномъ опросѣ. Сегодня же такого благопріятствующаго условія не было. Поэтому — то ясный и отчетливый опросъ однимъ изъ статистиковъ и былъ такъ полезенъ для послѣдующей работы. Если бы мы начали всѣ трое вмѣстѣ, то перебивали бы другъ друга, и крестьяне не знали бы, кого слушать въ нашемъ тріо.

Въ бойкихъ мѣстностяхъ, какъ на примѣръ въ нѣкоторыхъ промысловыхъ уѣздахъ N—ской губерніи, крестьяне, конечно, не смущались и не конфузились такъ при опросѣ, болѣе привыкнувъ имѣть дѣло съ разными посторонними людьми.

Второй домохозяинъ отвѣчалъ уже болѣе сносно.

— Вы слышали, — сказалъ я послѣ него крестьянамъ, — что отъ васъ требуется; такъ мы и будемъ спрашивать каждого изъ васъ; вы и подумайте каждый, что вамъ придется отвѣчать, сообразите, сколько у кого дѣтей, сколько лѣтъ каждому изъ нихъ, сколько разной худобы, сколько посѣяно и все другое, что спрашиваютъ. Выказывайте скорѣе, не путаясь, и мы васъ долго не задержимъ.

— Чуете? Щобъ кожный у себе все перечисывъ, щобъ, значить, не утруждатысь, — скрѣпилъ мою рѣчь одинъ староста.

— А теперь я буду переписывать домохозяевъ съ начала до Петра Барила; вонъ, за тѣмъ столомъ, мой товарищъ будетъ переписывать съ Петра Барила до Степана Ковбана, а которые дальше Степана, тѣ идите въ сосѣдную комнату.

Началось перемѣщеніе. Мы всегда дѣлили созванныхъ на группы по числу переписывающихъ. Однимъ изъ наиболѣе удобныхъ дѣленій, если составъ жителей села былъ довольно пестрый, являлось дѣленіе на сословныя группы; для этого ранѣе, со словъ старостъ, мы дѣляли на карточкахъ отмѣтки о принадлежности хозяевъ къ тому

или другому сословію; потомъ одинъ изъ насъ бралъ козаковъ, другой крестьянъ, третій остальныхъ обывателей, если такихъ было много. При такомъ дѣленіи никакой путаницы уже не происходило; каждый безошибочно направлялся къ своимъ, и какая-нибудь захудалая дворянка, тоже явившаяся на перепись, спросивши съ достоинствомъ у старосты: «который здѣсь дворянскій столъ?» присоединялась, по его указанію, къ толпѣ всякихъ разночинцевъ, группировавшихся около «дворянскаго» стола, и давала свѣдѣнія о своемъ хозяйствѣ рядомъ съ какимъ-нибудь мѣстнымъ коммерсантомъ.

Въ другихъ случаяхъ мы просто разбирали между собою разные кутки.

Между тѣмъ крестьяне, отчасти благодаря усердію десятскихъ, отчасти движимые любопытствомъ при облетѣвшемъ селеніе слухѣ о переписи, все прибывали и скоро все волостное правленіе было запружено толпою чающихъ переписи; порою становилось тяжело дышать удушливымъ воздухомъ, отдававшимъ свой кислородъ такой массѣ легкихъ.

Въ комнатѣ стоялъ неясный гулъ голосовъ тихо переговаривающихся крестьянъ, среди котораго отчетливо слышались наши возгласы.

Необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу языка опрашиваемой массы. Малорусскій языкъ, какъ извѣстно, далеко не представляетъ чего-нибудь однообразнаго; Z—ская губернія даетъ множество мѣстныхъ особенностей, и почти въ каждомъ новомъ уѣздѣ мы находили много новыхъ реченій. Кромѣ того повсюду сказывается сильное вліяніе русскаго языка. Только въ глухихъ степныхъ хуторахъ мнѣ приходилось слышать чистѣйшую малорусскую рѣчь безъ малѣйшей примѣси. Въ бойкихъ же торговыхъ мѣстечкахъ часто можно было встрѣтить многихъ крестьянъ, вполне усвоившихъ русскую рѣчь и только сохранившихъ характерную южнорусскую интонацію и нѣкоторые мѣстные обороты; и въ массѣ осталь-

наго населенія этихъ мѣстечекъ можно было видѣть сильное вліяніе господствующаго русскаго языка во многихъ заимствованныхъ, иногда сильно перековерканныхъ, словахъ. Вообще же хохлы-крестьяне прекрасно понимаютъ русскую рѣчь и всю бесѣду съ ними можно удовлетворительно вести на чистомъ великорусскомъ нарѣчій, конечно съ употребленіемъ мѣстныхъ терминовъ; такъ и поступали нѣкоторые изъ Z-скихъ статистиковъ, не желавшіе измѣнять своему великорусскому происхожденію; другіе, главнымъ образомъ мѣстные уроженцы, вели бесѣду по-малорусски. Конечно, при этомъ условіи сговориться и понять другъ друга оказывалось всетаки легче. Кто можетъ говорить на языкѣ массы, тотъ имѣетъ одинъ лишній шансъ. При составленіи поселеннаго бланка это было еще не особенно важно, ибо и отвѣчали наиболѣе развитые и смѣтливые изъ крестьянъ, и бесѣда вообще не носила характера особенной спѣшности; на нѣкоторыхъ явленіяхъ приходилось останавливаться подолгу. Далеко не такъ шло дѣло при подворномъ опросѣ, который не могъ имѣть характера неспѣшной бесѣды. Статистикъ, который не сумѣлъ бы опрашивать иначе, какъ повторяя одинъ и тотъ же вопросъ нѣсколько разъ и не умѣя придать ему лаконическую и понятную форму, и самъ быстро измучился бы и крестьянъ вогналъ бы въ тоску. Поэтому-то ясный и краткій вопросъ на родномъ для крестьянъ языкѣ оказывается крайне полезнымъ при подворной переписи. Особенно слѣдуетъ это замѣтить о тѣхъ случаяхъ, когда опрашивались женщины, далеко не такъ хорошо въ общемъ понимающія русскую рѣчь, какъ мужчины. При вопросахъ по-великорусски иногда бывали такіа quiproquo:

— Сколько сыновей?

— Е одна свыня та пидсвынокъ маненькій...

— Что такое? — въ полномъ недоумѣніи спрашиваетъ статистикъ.

— Я жъ кажу, тильки свыня...

— Да я не о свиньяхъ спрашиваю, а сколько сыновей. Сы-но-вей?

— Про сынивъ пытаются,—помогаетъ сосѣдъ.

— Ой, батечки,—конфузится понявшая баба,—четверо, четверо, а я думала, що про свыней пытаете...

Слушатели смѣются, неизвѣстно надъ кѣмъ больше, надъ промахнувшеюся ли бабою или надъ получившимъ неожиданный отвѣтъ статистикомъ.

Или вы спрашиваете какую-нибудь женщину, желая знать численность ея семьи:

— Сколько человѣкъ у васъ въ семьѣ?

— Нема ни одного, вси хлопци,—отвѣчаетъ женщина и она по-своему совершенно права, ибо у малороссовъ «чоловикомъ» называется только женатый, а всѣ ея сыновья еще холостые.

Это пустяки и мелочи, скажетъ кто-нибудь; пусть такъ, но это отнимаетъ время и портитъ стройность переписи, какъ одна фальшивая нота портитъ хорошо исполняемую въ общемъ пьесу.

Повторяю, что можно болѣе или менѣе удовлетвори-тельно вести перепись и не прибѣгая къ мѣстному нарѣчію. Несомнѣнно необходимо только одно: это вполнѣ понимать мѣстной говоръ. Даже при составленіи поселен-наго бланка непониманіе мѣстной рѣчи ведетъ къ излиш-нимъ разспросамъ и сильно роняетъ статистика въ глазахъ населенію:

— Прыйихало, Богъ ёго знае, шо воно таке; наче бѣ то й не нимци, а по нашому не розуміють,—насмѣшливо отзываются о такихъ чужакахъ туземцы.

Въ началѣ моей статистической дѣятельности со мною иногда бывали забавныя исторіи благодаря незнанію мно-гихъ малорусскихъ выраженій.

— Есть еще что-нибудь? —спросилъ я какъ-то одну женщину, переписавши ея скотину.

— Дастьбигъ,—отвѣчала она.

Я погрузился въ полное недоумѣніе, что эта за жи-

вотное «дазьбигъ», и такъ какъ другаго выхода не было, то рѣшился спросить:

— Это что-жъ такое?

— Що?

— Дазьбигъ-то?

— Я жъ кажу, що бильшь ничего нема, дастьбигъ...

Тутъ я понялъ, что это ничто иное, какъ «дасть Богъ» и постарался замять разговоръ. А что если бы я спросилъ: «сколько ему лѣтъ?» или «это что же, теленокъ что ли?» Воображаю хохотъ публики.

Въ виду возможности такихъ промаховъ я поставилъ себѣ за правило, каждый разъ, какъ встрѣчалось незнакомое мнѣ выраженіе, спрашивать, что оно значитъ, прибавляя, что «я не здѣшній и въ нашихъ мѣстахъ такъ не говорятъ». Это откровенное признаніе оказывалось вполне достаточнымъ, чтобы не попасть въ неловкое положеніе и добыть требуемое свѣдѣніе. И въ Великороссіи мы старались при началѣ изслѣдованія новаго уѣзда усвоить всѣ хозяйственные термины, употребляемые въ немъ, чтобы не подчеркивать нашимъ незнаніемъ ихъ нашей слабой связи съ изслѣдуемою мѣстностью.

Здѣсь кстати упомянуть еще о корелахъ, встрѣчающихся въ Н—ской губерніи. Конечно, изучать корельскій языкъ было бы черезчуръ большимъ требованіемъ отъ статистика, тѣмъ болѣе, что сплошнаго и многочисленнаго населенія корелы не представляютъ. Они говорятъ по-русски, хотя и неправильно, но довольно хорошо, и очень рѣдко встрѣчается какое-нибудь затрудненіе въ бесѣдѣ съ ними. Являлось другое обстоятельство, неудобное для насъ. Корелы часто преспокойно сговаривались передъ нами на своемъ тарабарскомъ нарѣчій о томъ, какъ надуть при опросѣ; уловить хоть что-нибудь для статистика было рѣшительно невозможно и иногда онъ оказывался въ крайне глупомъ положеніи; требованіе, чтобы они говорили по-русски, мало помогло бы; если бы корелы и исполнили его, то два-три корельскихъ слова,

словно ненарочно оброненныя, прекрасно достигали бы цѣли, напоминая отвѣчающему объ общемъ уговорѣ утаить что-либо или подсказывая ему какой нибудь изворотъ. Да и какъ предъявлять такое требованіе, доказывающее безсиліе требующаго, помимо его несообразности само по-себѣ?

Одинъ изъ изслѣдователей нашелъ однако средство: онъ заучилъ нѣсколько коротенькихъ фразъ по-корельски и, садясь за перепись, словно ненарочно произносилъ ихъ, обращаясь къ сходу. Это производило свое впечатлѣніе; простодушные, малоразвитые корелы выводили изъ этого, что господа знаютъ корельскій языкъ, и уже болѣе или менѣе воздерживались отъ коварныхъ заговоровъ. Это простое средство статистики употребляли съ большимъ успѣхомъ, и нѣкоторые изъ нихъ, не трудясь надъ заучиваніемъ фразъ, запоминали иногда какое-нибудь одно корельское слово, напримѣръ «эняммяльди» (громче) и это «эняммяльди», кстати употребленное, иногда было очень полезно. Особенно же важно было знать корельскія числительныя, чтобы догадываться объ ихъ уловкахъ при отвѣтѣ. Иногда при этомъ корелы высказывали, что вотъ, молъ, какіе теперь чиновники пошли и по-нашему понимаютъ; на это статистики важно отвѣчали, что нельзя безъ этого, всякій языкъ пригодится.

Наша подворная карточка заключала въ себѣ цѣлый циклъ вопросовъ, касающихся каждой отдѣльной семьи. Мы уже знаемъ, что на каждой подворной карточкѣ писались имя и фамилія главы семьи. Кстати объ этомъ. Въ Малороссіи каждый крестьянинъ носитъ фамилію, а иногда сверхъ этого прозывается еще «по-уличному». Малороссы издавна славятся оригинальностью своихъ фамилій. Дѣйствительно, въ моей записной книжкѣ заключается богатый выборъ самыхъ замысловатыхъ фамилій: есть и Товчигречка, и Цобѣрябый, и Убійвовкъ, и Неіж-каша, и Сторчоусъ, и Неііппива, и Нагнибіда, и Вернигора, и много другихъ, иногда совсѣмъ неудобныхъ въ

печати; встрѣчаются, повидимому, чистокровные хохлы съ иностранными фамиліями; такъ есть Келембѣтъ, Окшимура, Барлѣтъ, Штѣмпель, Фѣгель, Нимантъ, Божуръ; тутъ и татары, и нѣмцы, и французы, Богъ знаетъ, откуда явившіеся. Есть фамиліи, представляющія тѣ же имена, но съ перенесеніемъ ударенія или съ какимъ-нибудь другимъ видоизмѣненіемъ: Сѣменъ, Рѣманъ, Штѣфанъ, Ярмола, Еврашко.

Уже одна оригинальность фамиліи оттъняла индивидуальность домохозяина и часто заставляла долго помнить его. Какъ въ самомъ дѣлѣ не запомнить какого-нибудь Гната Кицю (кошечка), или Ничипора Метелыка (мотылекъ), носящихъ такія ласкательныя фамиліи, особенно если наружность ихъ рѣзко противорѣчитъ нѣжному характеру фамилій, или Демяна Мехеду съ его испанскимъ звукомъ фамиліи. И дѣйствительно, прошло уже немало времени съ тѣхъ поръ, какъ я занимался земскою статистикою въ Малороссіи, а передо мною какъ живые стоятъ многіе изъ крестьянъ, остановившихъ вниманіе прежде всего какимъ-нибудь любопытнымъ характеромъ своей фамиліи.

Всякому понятно, конечно, какъ трудно запомнить кого-либо по имени изъ нѣсколькихъ тысячъ прошедшихъ передо мною статистическихъ объектовъ, съ каждымъ изъ которыхъ бесѣда велась въ теченіе какихъ-нибудь десяти минутъ по заведенному шаблону.

Когда я переѣхалъ въ Великороссію, я попалъ въ страну Ивановъ Петровыхъ, Сидоровъ Матвѣевыхъ, Ефимовъ Михайловыхъ; въ спискахъ встрѣчались только различныя комбинаціи именъ и развѣ случайно присоединялась какая-нибудь фамилія, но увы! совсѣмъ не оригинальная. И несмотря на то, что я производилъ перепись въ Великороссіи позже, я не помню почти ни одного изъ крестьянъ по имени; многихъ я запомнилъ по разнымъ обстоятельствамъ, но рѣдко чье имя сохранилось въ памяти.

Переименованные по хохлацки имена часто также останавливали внимание; какъ въ самомъ дѣлѣ не остановиться на такихъ, какъ Бельметъ (Далматъ), Хваралитъ (Филаретъ), Олефиръ (Елевферій), Винтинъ (Антонъ), Левендыкъ (Венедиктъ), или на женскихъ, какъ наприм. Намнына (Неонила), Хотына (Фетинья), Великацаца (Фелицата) или другихъ неожиданныхъ превращеніяхъ.

Пока идетъ наша перепись, я расскажу въ послѣдовательномъ порядкѣ о заполненіи вопросныхъ пунктовъ подворной карточки; при этомъ беру и Z—скую и N—скую карточки.

Вопросы объ отчествѣ спрашиваемого, принадлежности его къ извѣстному сословію или сельскому обществу не представляли никакой трудности.

Вопросы о семейномъ составѣ видоизмѣнялись смотря потому, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло. Если отвѣчалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, самостоятельный хозяинъ, то непосредственно спрашивалось: сколько сыновей? сколько дочерей? При этомъ тутъ же узнавалось и о возрастѣ каждаго. Женаты ли или вдовъ опрашиваемый домохозяинъ, это выяснялось уже попутно, ибо вслѣдъ за вопросомъ о его возрастѣ спрашивалось: «а женѣ сколько лѣтъ?» и вдовый отвѣчалъ: «нема, сховавъ».

Смотря по возрасту сыновей предлагался вопросъ, женаты ли они, есть ли дѣти, сколько имъ лѣтъ. Затѣмъ спрашивалось, кто еще есть въ семьѣ, и тогда оказывался «батько старый» или «титка» или еще кто-нибудь.

Если представителемъ переписываемой семьи являлся старикъ, то, предлагая вопросы въ такой же формѣ, нужно было еще слѣдить, чтобы онъ не причислилъ къ своей семьѣ отошедшихъ отъ него сыновей или выданныхъ на сторону замужъ дочерей; поэтому мы время отъ времени повторяли, чтобы не упоминались отдѣлившіеся члены. Старики довольно часто путались въ показаніяхъ, поэтому иногда какой-нибудь изъ нихъ, видя усилія сво-

ихъ сѣдыхъ сверстниковъ перечислить свои семьи, по-
стоявъ и подумавъ, уходилъ со словами:

— Ни, пійду до дому, пошлю сына, нехай винъ говоре,
а мени ніякъ не выказать, у мене ихъ, слава Богу, чи-
мало (довольно много).

Бывали случаи, когда требовалась помощь сосѣдей.
Какой-нибудь запутавшійся въ показаніяхъ старецъ обра-
щался къ стоявшимъ рядомъ:

— Такъ воно... якъ ёго... у Хведора Охримъ та Па-
насъ.... ще хто? Да, Параска! Скильки жъ ій годъ, сѣ-
мый рікъ (годъ) пишовъ, чи що?

— Де тамъ воно сѣмый,—выскакивала изъ толпы ка-
кая-нибудь бойкая молодица,—що це вы, диду, таке го-
ворите! Пишыть, панычу...

И она быстро перечисляла всѣхъ внуковъ и правну-
ковъ старика, который только недовольно ворчалъ:

— А вже-жъ це ихъ жиноцьке дило, имъ лучче знаты.
Де ихъ усихъ згадаешъ; хіба (развѣ) мало!

— Наплодывъ дидъ стильки, що й не переличиты (пе-
ресчитать),—насмѣшливо замѣчали окружающіе.

Новорожденные часто считались не стоящими записи.

— Еще никого у васъ нѣтъ? — спрашивалъ я послѣ
долгаго перечня.

— Та, мабуть, що ни...

— А у Веклы ще е хлопчишка,—подсказывала какая-
нибудь баба; бабъ вообще больше всего и больше дру-
гихъ занимали вопросы популяціонистики.

— О! невже жъ и такихъ писаты?

— Отчего же нѣтъ?

— Та воно, — весело говорилъ мужикъ, — нестоюще
дило, ще таке мале, нема ще й тыжня (недѣли).

Если на вызовъ являлась женщина, то всегда прихо-
дилось прежде всего удостовѣряться, вдова ли она; на
карточкѣ могло стоять имя ея мужа, сына или какого
нибудь другаго родственника. Иногда и при наличности
хозяина-мужчины на карточкѣ стояло женское имя.

Однажды въ глухой деревушкѣ В—го уѣзда N—ской губерніи, когда я вызвалъ нѣкую Акулину Петрову, къ моему столу подошелъ какой то полуидіотъ, отъ котораго я съ трудомъ могъ добиться какихъ-нибудь отвѣтовъ, да и то при помощи другихъ.

— Кто же это ему Акулина, мать что ли? — спросилъ я крестьянъ.

— Нѣтъ, жена.

— Такъ отчего же вы записали ее, а не его?

— Да вишь, какой онъ хозяинъ-то, несовершенный умомъ; такъ у насъ Акулина вездѣ за хозяина и орудуетъ.

Оказалось, что Акулина и домомъ правила и на сходкѣ имѣла голосъ за своего мужа. На перепись она не пришла потому, что куда-то отлучилась.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ отвѣту являлся какой-нибудь безусый юноша, нужно было удостовѣриться, онъ ли это записанъ на карточкѣ или же пришелъ за отсутствіемъ главы семьи; въ послѣднемъ случаѣ начиналось съ вопроса: «батькови скильки годъ?» и т. д.

Молодой хозяинъ, недавно женившійся, обыкновенно чувствовалъ себя нѣсколько смущеннымъ въ своей еще непривычной роли главы семьи.

— Жена есть?

— Есть, — и счастливый супругъ улыбается.

— Дѣти?

— Ще (нѣтъ еще), — отвѣчаетъ онъ, конфузливо усмѣхаясь.

— Ще тильки гнздо заводить, — покровительственно замѣчаетъ одинъ изъ рядомъ стоящихъ солидныхъ пожилыхъ отцовъ семьи.

Какъ я уже сказалъ, вопросъ о возрастѣ каждаго члена семьи предлагался попутно при перечисленіи: сыновей сколько? — трое; — старшему сколько лѣтъ? — двадцать; — среднему? и т. д. Ранѣе я уже привелъ случай, какъ затруднился крестьянинъ показаніемъ своихъ лѣтъ. И

такой случай совсѣмъ не единичный. Иногда отвѣты крестьянъ о лѣтахъ были совсѣмъ несообразны. Не разъ и не два случалась папримѣръ такая сценка:

— Сколько вамъ лѣтъ? спрашиваетъ статистикъ бабу.

— Тридцать...

— Дѣтей сколько?

— Дви дочкы...

— Старшей сколько лѣтъ?

— Двадцать....

— А вамъ тридцать; значить, вы ее десяти лѣтъ родили...

Баба поражается очевидною несообразностью своего отвѣта, а слушатели смѣются: «ичъ яка вона швыдкая!»

— Та ни....—упавшимъ голосомъ говоритъ баба.

— Такъ сколько-жъ вамъ лѣтъ?

Оказывается, что «швыдкой» бабѣ уже сорокъ съ хвостикомъ.

Старики иногда любили щегольнуть высокимъ возрастомъ.

— Годовъ мнѣ не мало,—вѣско отвѣчаетъ какой-нибудь почтенный старецъ-великороссъ.

— Сколько же?

— Да такъ что будетъ годовъ подъ сто, — и старикъ важно смотритъ на статистика: вотъ, молъ, господинъ, доживи-ка до моихъ.

— Коли такъ, значить, французскій годъ помните.

— Ну гдѣ! меня тогда еще и на свѣтѣ не было.

— Значить, и не сто лѣтъ...

Величіе старца значительно понижается и послѣ двухъ-трехъ справокъ оказывается, что ему всего какихъ-нибудь семьдесятъ лѣтъ.

— Прибавилъ тоже нашъ старичекъ-то, на двухъ хватить,—злорадно замѣчаетъ какой-нибудь изъ деревенскихъ насмѣшниковъ.

— Извѣстно, мы народъ темный; живешь, а Богъ его знаетъ, сколько, — ворчитъ старикъ, недовольный тѣмъ, что онъ такъ помолодѣлъ.

Бывали случаи, что какой-нибудь малосообразительный и малоразвитый субъектъ прямо заявлялъ на вопросъ о возрастѣ кого-нибудь изъ членовъ семьи:

— Не могу знать.

— Какъ такъ? Кто же знаетъ?

— Такъ что, ежели бъ я былъ человѣкъ грамотный, такъ тогда бъ записалъ, а теперь, значить, это неизвѣстно.

Такому бѣднягѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ идти къ себѣ домой наводить справки у бабы, у родичей.

Бывало также, что иногда какой-нибудь крестьянинъ-малороссъ, перечислившій всѣхъ членовъ семьи, помявшись еще немного, говорилъ тихимъ голосомъ:

— Хотивъ я вамъ, пане, ще щось казаты...

— Что такое?

— Дочка у мене старша, звыняйте, покритка... Ну, и у йїи, бачите, дитынка маленька, хлопчикокъ... Якъ ёго теперъ — писаты, чи ни?

— Конечно писать, никого не слѣдуетъ пропускать.

— Воно я къ тому й говорю, — дѣловито кончалъ отвѣчавшій.

Когда всѣ члены семьи были перечислены, мы задавали послѣдній повѣрочный вопросъ, сколько всего душъ въ семьѣ; при этомъ иногда обнаруживались пропуски. Въ началѣ переписи этотъ вопросъ многихъ затруднялъ и отвѣчали не сразу, но потомъ, приготовившись, уже не запинались.

По вопросу объ исчисленіи населенія можно держаться того заключенія, что наличное населеніе регистрировалось все въ точности; могли быть какіе-нибудь случайные промахи, могъ, пожалуй, кто-нибудь забыть показать одного изъ ребятъ, но такія неточности были настолько рѣдки, что даже на итоги даннаго селенія не могли бы чувствительно вліять, не только на какіе-нибудь порайонные выводы.

Въ точности же возрастной регистраціи далеко нельзя

быть такъ увѣреннымъ. Помимо того, что крестьяне довольно часто путались и затруднялись, нужно сказать, что и бойко отвѣчавшіе о своихъ годахъ были склонны давать «круглыя» цифры: «лѣтъ сорокъ пять», «пятьдесятъ», «пятьдесятъ пять», «шестьдесятъ» и т. д., — это слышалось гораздо чаще, чѣмъ промежуточные величины. Я не скажу, чтобы это было общимъ правиломъ, чтобы крестьяне такъ-таки совсѣмъ и не давали точной цифры своихъ лѣтъ, но все-таки сказанная тенденція была настолько распространена, что ея нельзя не имѣть въ виду.

Чѣмъ развитѣе опрашиваемое крестьянское населеніе, тѣмъ болѣе точны отвѣты о возрастѣ и тѣмъ менѣе затрудненій въ добываніи требуемыхъ цифръ.

Большинство статистическихъ бюро держится крупныхъ повозрастныхъ рубрикъ, какъ, на примѣръ, отъ восемнадцати до шестидесяти лѣтъ; въ эту рубрику свободно входятъ всѣ мужчины рабочаго возраста и такимъ образомъ послѣдствія неточности возрастной регистраціи значительно уменьшаются, можно сказать, сводятся даже до минимальной величины.

N—ское земство придавало особенное значеніе подробнѣйшему расчлененію населенія на возрастныя группы, поэтому мы записывали при опросѣ въ карточкахъ возрастъ cadaго отдѣльнаго лица, съ тѣмъ чтобы потомъ сгруппировать населеніе по пяти-десятилѣтіямъ. Конечно, такая группировка, при сказанномъ условіи, иногда можетъ не совсѣмъ точно выражать дѣйствительность; увлекаться ею и строить на основаніи ея какія-нибудь рѣшительныя заключенія я бы поостерегся.

Скажу тутъ же о постороннемъ и отсутствующемъ населеніи. Постороннее населеніе, не принадлежащее къ данному крестьянскому обществу, переписывалось такъ же какъ наличное приписное, и никакой специфической неточности въ счетѣ его не могло быть. Совсѣмъ не то съ отсутствующимъ. Въ Z—скомъ бюро мы его совсѣмъ не касались, въ N—скомъ регистрировали особо. Мы записы-

вали эти свѣдѣнія со словъ мѣстныхъ крестьянъ. Они были весьма неточны. О многихъ семьяхъ, давно уже покинувшихъ родину, крестьяне могли сказать развѣ только: «живутъ въ Питерѣ» или «сдается, быдто въ Москвѣ». О другихъ давались свѣдѣнія, но относительно количества дѣтей часто слышалось: «нужно полагать, что пятерка, а впрочемъ Господь ихъ знаетъ». Иногда возникали споры; одинъ утверждалъ, что у живущаго въ Москвѣ Семена Петрова семеро ребятъ, а другой ручался, что только четверо; статистику оставалось иногда только пегадать на пальцахъ. Затѣмъ все, что касалось возраста членовъ семьи, ихъ занятій, грамотности,—все это представляло еще больше неточности; о хозяйствѣ же крайне рѣдко, почти никогда, можно было что-нибудь узнать, да и то самыя общія указанія.

Поэтому-то разрабатывать эти данныя возможно было только отдѣльно; смѣшивать же отсутствующее населеніе съ наличнымъ можетъ только незнакомый съ характеромъ собранныхъ свѣдѣній, не подозревая, что въ бочку меда прибавляетъ ложку дегтя. А ложка эта во всякомъ случаѣ порядочная и можетъ сильно попортить общій вкусъ бочки, если по нѣкоторымъ уѣздамъ число отсутствующихъ семей достигаетъ 10⁰/₀ и болѣе.

Какъ въ Z—скомъ, такъ и въ N—скомъ бюро собирались свѣдѣнія объ убожествѣ, при чемъ писался и родъ убожества. Свѣдѣнія эти, хотя и отличались числовою точностью, но качественное разграниченіе ихъ было, конечно, весьма примитивно; иначе и быть не могло; этотъ вопросъ требовалъ изслѣдованія специалистовъ для болѣе точной и вѣрной характеристики.

Вопросы объ убожествѣ предлагать было иногда неловко въ виду того, что убожество считается Божьимъ наказаніемъ за грѣхи.

— Нѣтъ-ли въ семьѣ у васъ какихъ-нибудь убогихъ, слѣпыхъ, хромыхъ?—спрашиваетъ статистикъ.

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, — съ неудовольствіемъ въ голосѣ отвѣчаетъ крестьянинъ.

Кое-когда съ вопросомъ объ убожествѣ приходилось «налетать». Стоитъ передъ столомъ статистика крестьянинъ въ разстегнутомъ кожухѣ, правую руку заложилъ за поясъ, длинный лѣвый рукавъ спущенъ и недвижимъ; статистикъ, приглядываясь къ нему, заключаетъ, что крестьянинъ однорукий.

Начинаются вопросы объ убожествѣ; крестьянинъ отвѣчаетъ, что въ семьѣ его убогихъ нѣтъ.

— А вы ничѣмъ не страдаете? подбирается ближе статистикъ.

— Слава Богу, кажись, совсѣмъ здоровъ.

— Ну, а лѣвая рука то у васъ, что же это? — рѣшается наконецъ статистикъ, думая, что крестьянинъ забылъ о своемъ убожествѣ.

— Рука? Рука ничего, какъ слѣдуетъ, — и къ смущенію статистика длинный лѣвый рукавъ поднимается и крестьянинъ съ недоумѣніемъ смотритъ на заподозрѣнную руку.

Кое-кто изъ крестьянъ усмѣхается, и статистикъ спѣшитъ замаять разговоръ о рукѣ новымъ вопросомъ.

Утаиваній убожества, я думаю, однако, не бывало. Напротивъ иногда статистикъ забывалъ предложить этотъ вопросъ, и крестьянинъ самъ, вздохнувъ, говорилъ:

— Вотъ старшенькая-то дочка кривоножка, такъ запишите, господинъ.

Однажды, пріѣхавъ на Саловскіе хутора Кр—го уѣзда Z—ской губерніи, я замѣтилъ въ числѣ крестьянъ слѣпца лѣтъ тридцати пяти; кромѣ слѣпоты онъ имѣлъ еще одно калѣчество: правая нога у него была отнята ниже колѣна, и онъ ходилъ на деревяшкѣ. Дошла очередь до него; оказалось, что онъ слѣпъ отъ рожденія; ногу же потерялъ подросткомъ, попавши благодаря своей слѣпотѣ подъ возъ. Жена у него глухонѣмая, изъ нѣсколькихъ дѣтей одно или два, не помню именно сколько, тоже калѣки.

— Однако у васъ чуть не вся семья калѣки, — замѣтилъ я, удивленный такимъ собраніемъ убогихъ.

— Такъ Богъ судывъ, — отвѣтилъ слѣпой глава этой семьи.

— Какъ же это такъ вамъ пришлось жениться на глухонѣмой?

— А яка жъ друга за мене пійде?

— Це вже у насъ такъ заведено, — замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ, — що калику зъ каликою ривняемо.

Съ подобнымъ же сочетаніемъ убогихъ мнѣ потомъ еще нѣсколько разъ приходилось встрѣчаться. Вотъ своеобразный искусственный подборъ! Неудивительно, что въ такихъ семьяхъ часто встрѣчаются и дѣти калѣки, при томъ уходѣ, который могутъ дать имъ убогіе родители.

Свѣдѣнія о грамотности собирались или при перечисленіи различныхъ членовъ семьи, попутно, или потомъ, отдѣльно, задавался вопросъ: кто въ семьѣ грамотенъ, кто учится? Грамотнымъ считался всякій, умѣющій сколько-нибудь читать; искусство писать вообще является уже нѣкоторою роскошью, особенно въ Малороссіи. Нѣкоторые однако, какъ, напримѣръ, нашъ старшина, заявляли, что писать умѣютъ, а читать развѣ только буквы разбираютъ. Искусство такихъ писаекъ ограничивалось однако умѣніемъ нацарапать свою фамилію въ видѣ уродливыхъ гіероглифовъ.

Количественная точность свѣдѣній объ учащихся была въ сильной зависимости отъ времени изслѣдованія. Наиболѣе удобнымъ временемъ для этого слѣдуетъ считать зиму. Далеко не такъ удобны другія времена года; собирая свѣдѣнія весною или лѣтомъ можно еще условиться заносить въ число учащихся всѣхъ ходившихъ въ школу въ теченіе послѣдней зимы. Осенью же, когда уже начинается ученье, этого сдѣлать нельзя, ибо при отвѣтахъ будутъ путаться и смѣшивать ходившихъ прошлую зиму съ начинающими учиться въ данномъ году. Сами

крестьяне осенью часто затрудняются отвѣтить на нашъ вопросъ.

— Изъ сыновей учится кто-нибудь у васъ?

— Да думаю одного мальчонка отдать въ школу, вотъ какъ только управимся по хозяйству.

Записывать «учащимся» такого еще нельзя, но очень возможно, что черезъ мѣсяцъ онъ дѣйствительно будетъ учиться. Обученіе въ школахъ грамотности особенно подвержено всякимъ случайностямъ и часто начинается гораздо позже ученія въ официальныхъ школахъ. Поэтому-то перепись въ началѣ учебнаго періода не даетъ всего числа учащихся и представляетъ много условнаго.

За то зимняя перепись давала такія точныя свѣдѣнія о числѣ учащихся, какихъ не могли доставить никакіе другіе источники; въ перечень учащихся попадали и учащіеся въ официальныхъ школахъ, и въ школахъ грамотности, и дома, у родственниковъ; послѣдняя форма обученія встрѣчается еще рѣдко, но кое-гдѣ, въ бойкихъ уѣздахъ Н—ской губеніи, уже приходится регистрировать обучаемыхъ отцомъ, братомъ или кѣмъ-нибудь еще изъ своихъ.

Какихъ-либо попытокъ къ умышленно-невѣрнымъ отвѣтамъ относительно грамотности мнѣ никогда не приходилось встрѣчать.

На передней же сторонѣ подворной карточки, вмѣстѣ съ вопросами о населеніи, находились еще свѣдѣнія о занятіяхъ членовъ семьи. Эти свѣдѣнія было бы удобнѣе, собственно говоря, собирать послѣ всѣхъ вопросовъ, когда имущественное положеніе семьи уже выяснилось. Такъ иногда и дѣлали, но тогда приходилось лишній разъ переворачивать карточку; при массѣ опрашиваемыхъ этотъ ничтожный, повидимому, оборотъ отнималъ все-таки въ общемъ порядочно времени, да иногда при такомъ порядкѣ можно было и забыть объ этомъ вопросѣ. Помѣстить же его на другой сторонѣ карточки, въ концѣ, было неудобно, ибо свѣдѣнія о занятіяхъ мы записывали противъ каж-

даго члена семьи, чтобы потомъ можно было, между прочимъ, сгруппировать промышленниковъ по возрастамъ.

Поэтому о промыслахъ мы спрашивали обыкновенно тотчасъ за грамотностью.

О промыслахъ не всегда было легко узнать. Не скажу, чтобы часто, но все-таки бывали случаи, когда крестьяне пытались скрывать свои подсобныя занятія. Возникала въ такихъ случаяхъ своеобразная борьба, оканчивавшаяся однако большею частью побѣдою статистика. Въ другомъ мѣстѣ я упомяну о тѣхъ стратегическихъ уловкахъ, которыя мы употребляли, чтобы за нами установилась выгодная репутація всезнайства. Независимо и отъ этого, узнать нѣкоторыхъ ремесленниковъ было не трудно по внѣшнему виду. Я не стану уже говорить о красильщикахъ, синія руки которыхъ всегда ихъ выдавали, о сапожникахъ съ ихъ характернымъ видомъ мастераго; можно было узнавать и ткачей, и плотниковъ, и портныхъ. Особенно легко было узнать ремесленника-малоросса среди типичныхъ «хлѣборобовъ»; въ Великороссіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ почти каждый крестьянинъ знаетъ какое-нибудь ремесло, это было гораздо труднѣе, ибо типичныя черты ремесленника уже не такъ бросались въ глаза.

Очень трудно точно опредѣлить, за исключеніемъ указанныхъ болѣе типичныхъ промышленниковъ, какія характерныя черты принадлежатъ одной профессіи, какія другой, но часто приходилось безошибочно угадывать.

— Вы ткачъ?

Да такъ, тчу потроху, — уклончиво отвѣчаетъ спрашиваемый.

Уклончивость хохла часто сказывалась даже при отрицательномъ отвѣтѣ:

— Знаете мастерство какое-нибудь?

— Да такъ деколы колочокъ у визъ затесаты умію...

Другой говорилъ:

— Иноди биля воза полагажу, а то ничего...

Такихъ «майстровъ», умѣвшихъ развѣ только кое-что поправить по своему хозяйству, не приходилось, конечно, заносить въ число промышленниковъ.

Въ Z — ской губерніи женщины во многихъ мѣстахъ занимаются ткачествомъ. Интересно, что повсюду «ткали» давали одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ на вопросъ о мастерствѣ.

— Тчете?

— Та якъ принесутъ, то ѣ вытчу.

Я не помню, чтобы хотя одна «ткаля» прямо и опредѣленно отвѣтила мнѣ «тчу». Уклончивая формула умаляла, по ихъ мнѣнію, важность факта занятія ремесломъ.

Иногда и кожевникъ какъ-будто стѣснялся:

— Та ремество мое таке...

— Сказывайте.

— Не чепурне...

— Ну какое же, говорите же.

— Та кожи деру... Що тамъ и писаты!...

Тамъ, гдѣ извѣстный промыселъ представляется распространеннымъ и господствующимъ, не приходилось встрѣчать утаиваній. Ни одному сапожнику въ районѣ сапожнаго промысла не приходило въ голову скрывать, что онъ сапожникъ; смѣло исповѣдывали свое ремесло и плотники, и шерстобиты, если этимъ промысломъ всѣ занимались, и другіе ремесленники. Утаивались второстепенные промыслы, которыми занимались два-три человека. Не боязно ли въ самомъ дѣлѣ оказаться слесаремъ, когда никто больше въ селѣ этимъ не занимается, или единственнымъ кожевникомъ на цѣлую округу!

Бывали впрочемъ случаи, когда все селеніе предпочитало держать языкъ за зубами.

Я какъ то пріѣхалъ въ одну довольно большую деревню N — ской губерніи. На вопросъ о профессиональных занятіяхъ крестьяне поголовно отвѣчали отрицательно, но я вспомнилъ, что мнѣ раньше говорили о нихъ, какъ о специалистахъ по выдѣлкѣ грабель.

— Гдѣ тамъ грабли намъ дѣлать! — хоромъ завѣряли крестьяне, — раньше дѣлали, а теперь ужъ забросили, сами грабли покупаемъ.

Однако чувствовалось что-то неладное въ этомъ утвержденіи; такъ же отнеслись крестьяне и къ вопросу о льнотрепаніи, но это уже было завѣдомою неправдою, ибо въ деревнѣ, какъ мнѣ было извѣстно изъ волостныхъ данныхъ, находилось нѣсколько льнотрепаленъ, и вообще въ этой мѣстности трепаніе льна было сильно развито. Я сталъ спорить и торговаться, но долгое время безуспѣшно. Наконецъ, нѣкоторые изъ крестьянъ начали подаваться.

— Скажите имъ, пожалуйста, — обратился я къ одному болѣе другихъ развитому крестьянину, земскому гласному, все время молчавшему во время нашего спора, — что никакого имъ убытка не будетъ, если они перестанутъ за-пираться; вѣдь вы гласный, вы должны знать, что мы собираемъ свѣдѣнія не для обложенія.

— Такъ-то такъ, — осторожно отвѣтилъ онъ мнѣ, — это мнѣ извѣстно, да вотъ только они опасаются...

Слово за словомъ, оказалось, что незадолго до меня въ деревнѣ былъ одинъ мѣстный чиновникъ, пріѣзжавшій съ фискальными цѣлями.

— Да тотъ-то господинъ тоже говорилъ: не сумлѣвайтесь, молъ, а потомъ, глядимъ, листъ, тамъ другой... Кто васъ разберетъ послѣ этого... Онъ тоже баринокъ ласковый былъ...

Такъ до самаго конца крестьяне и показывали неохотно; зарегистрировать занимающихся мнѣ удалось, но описаніе промысла совсѣмъ не вышло.

Пропуски, конечно, могли быть; особенно въ земледѣльческихъ районахъ; получая постоянно отрицательный отвѣтъ на вопросъ о промыслахъ, иной статистикъ перестаетъ его наконецъ даже задавать и, только переписавши десятокъ-другой дворовъ, опять для очистки совѣсти спросить двухъ-трехъ; въ эти промежутки и можетъ проскочить какой-нибудь «кравецъ» или «кушниръ». Впрочемъ, истые «за-

можные «хлиборобы», дѣйствительно, очень рѣдко занимаются какимъ-нибудь ремесломъ, малоземельныхъ же обязательно всегда спрашивали объ этомъ.

Я думаю, что свѣдѣнія о промыслахъ мы собирали при помощи подворной переписи достаточно точныя; по крайней мѣрѣ несравненно чаще приходилось, разбирая свѣдѣнія, находить, что мы записали много до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстнаго, чѣмъ констатировать какой-нибудь пропускъ; это послѣднее бывало, но очень рѣдко; въ общемъ процентъ пропущенныхъ промышленниковъ, я увѣренъ, былъ крайне незначителенъ.

Въ связи съ вопросомъ о профессиональных занятіяхъ былъ вопросъ о хожденіи на дальніе земледѣльческіе заработки. Это встрѣчается главнѣйшимъ образомъ въ южной Россіи. Каждую весну отправляются тысячи рабочихъ рукъ «у Таврію», «на Донушину», «на Линію» (Кубанская область). Какихъ-либо умолчаній объ этомъ мнѣ не приходилось встрѣчать.

Мы собирали также свѣдѣнія о доходности различныхъ занятій; особенно на это было обращено вниманіе въ Н—скомъ бюро. Къ этимъ свѣдѣніямъ нужно относиться очень осторожно. Заработную плату въ теченіе извѣстнаго періода можно было узнать достаточно точно и изъ показаній того или другаго крестьянина о себѣ и изъ общихъ бесѣдъ при описаніи промысла. Но чистая выручка, опредѣленіе того, «сколько принесъ домой», вещь очень проблематическаго характера. И въ дѣйствительности колебанія высоты чистой выручки очень значительны. Помимо же этого были и другія причины, препятствовавшія опредѣлить ее достаточно точно по личнымъ показаніямъ. Одному было «зазорно» передъ сосѣдями, что онъ мало принесъ и онъ привиралъ; другой оказывался человекомъ осторожнымъ и находилъ лучшимъ сократить размѣры своего заработка; такихъ было болѣе. Отцы особенно были расположены относиться пессимистически къ «присыламъ»

отъ сыновей, зарабатывающихъ на сторонѣ, что впрочемъ часто оправдывалось на самомъ дѣлѣ.

— Что прислалъ? — ворчливо говорилъ какой-нибудь старикъ, — страшно говорить...

— Ну, а все-таки жъ сколько?

— Да за цѣлый годъ красненькую... Пишетъ: «больше не могу, больно велики расходы въ Питерѣ». Кто его знаетъ! Нонче, баринъ, не очень-то родителейъ уважаютъ эти добышники. Иной отецъ ждетъ отъ сына помощи, думаетъ: «вотъ поправлюсь»... а сынокъ, глядь, и самъ на липовомъ пароходѣ (пѣшкомъ въ лаптяхъ) припутешествовалъ; принимайте, молъ, тятенька, сапожки въ Питерѣ оставилъ для легости...

Если на лицо былъ такой сынъ, то онъ, конечно, совсѣмъ не былъ расположенъ открывать тайну своихъ финансовъ.

И никакого несомнѣннаго контроля вы не могли бы найти.

О многихъ промысляющихъ «въ Питерѣ», затруднительно узнать со словъ родныхъ, даже какъ велика заработная плата, а иногда и чѣмъ занимаются; «не пишетъ, сами не знаемъ», — былъ одинъ отвѣтъ.

Поэтому-то возможность подвергнуть точному статистическому учету, какъ велика вся чистая выручка, добываемая всѣми крестьянами даннаго уѣзда отъ всѣхъ подсобныхъ занятій, для меня довольно сомнительна.

Гораздо болѣе точныя свѣдѣнія о томъ, сколько можно выручить отъ извѣстнаго промысла, можно было добыть при описаніи его. Бесѣдуя, напримѣръ, съ группою валяльщиковъ, всегда можно было узнать какъ валовую выручку, такъ и сколько въ среднемъ приносить домой валяло. Можно, конечно, пользоваться этими данными и помножить среднее на число всѣхъ валяльщиковъ, чтобы получить общую сумму ихъ заработка, но это ужъ совсѣмъ не то, что цифра непосредственнаго прямаго учета.

Мы подошли къ одному изъ главнѣйшихъ вопросовъ статистической регистраціи — къ вопросу о землевладѣніи.

Для каждого статистика этот вопрос пробный камень умѣнья и ловкости.

Это особенно слѣдуетъ сказать о подворной Россіи, и я главнымъ образомъ и коснусь способовъ собиранія свѣдѣній въ Малороссіи при подворномъ владѣніи.

Подворное владѣніе отличается чрезвычайно развитою мобилизаціею земельной собственности. Козаки, истые подворники, то и дѣло перепродаютъ и покупаютъ участки различной величины. Землевладѣніе иного козака представляетъ пеструю мозаику различныхъ кусковъ, доставшихся по наслѣдству, купленныхъ, вымѣненныхъ.

— Сколько у васъ земли?—спрашиваешь какого-нибудь козака.

— Такъ думаю, що десятинь зъ сорокъ,—съ нѣкоторымъ затрудненіемъ отвѣчаетъ спрашиваемый.

— По наслѣдству досталась или куплена?

— Е всяка. Ось слушайте,—говоритъ козакъ, загибая пальцы, — видъ батька зосталось пѣтнадцать десятинь, та материзны дви, та дядькивськой висемь. Окримъ того ще й самъ прыдбавъ: пѣть десятинь купывъ, вже буде годъ зъ тридцять, потимъ того у Степана Турчака купывъ симъ десятинь у Липовомъ Гаю та дви десятины на Вересочи... Це скильки жъ буде усѣго?

— Тридцать девять.

— Воно, мабуть, такъ и е. Да, ще трохи не забудь: у Двоноса купывъ пивторы, ще купця не свершена.

— Теперъ все?

— Та думка така, що усе.

Для провѣрки показаній домохозяевъ намъ служили такъ называемыя экспликаціи, т.-е. межевыя книги, въ которыхъ перечислены всѣ владѣльцы каждой межевой дачи, единоличные и коллективные, съ показаніемъ, сколько принадлежитъ каждому. Въ Z—ской губерніи специальное межеваніе закончилось незадолго до нашихъ изслѣдованій, и по нѣкоторымъ уѣздамъ мы имѣли свѣжія данныя. Это значительно облегчало нашу задачу; перелистывая лежа-

шую передъ нами экспликацію и находя въ спискѣ земле-
владѣльцевъ опрашиваемаго домохозяина, мы не допускали
возможности дать неточныя свѣдѣнія. Если, напримѣръ,
козакъ Климъ Макознакъ показывалъ, что у него двад-
цать десятинъ, въ экспликаціи же за нимъ стояло двад-
цать пять, то немедленно являлся вопросъ, куда дѣвались
пять десятинъ; выяснялось, что они проданы или отчу-
ждены другимъ какимъ-нибудь способомъ. Такимъ обра-
зомъ уклоненія отъ записаннаго въ экспликаціи выясня-
лись вполне.

Далѣе, едва ли не важнѣйшимъ результатомъ находже-
нія въ нашихъ рукахъ экспликаціи являлось то, что у
крестьянъ пропадала всякая склонность давать невѣрныя
свѣдѣнія.

— Ни, тутъ вже не збрешешъ; имъ у кнызи усе видно,
— дѣлали выгодное для насъ заключеніе крестьяне послѣ
нѣсколькихъ удачныхъ обличеній умышленной или неумы-
шленной невѣрности. Это заключеніе, что намъ «по кни-
гамъ все видно», имѣло вліяніе не только на точность свѣ-
дѣній о землѣ, но и на цѣлый кругъ другихъ вопросовъ.

При указанномъ благопріятномъ условіи, свѣжести экс-
пликаціи, отвѣты по землевладѣнію были вполне точны.

Далеко не такъ хорошо шло дѣло, если мы изслѣдовали
давно обмежеванный уѣздъ, и въ наши руки попадали уста-
рѣвшія экспликаціи. Иногда ими почти уже нельзя было
пользоваться.

— Сколько десятинъ? — спрашиваю какого-нибудь козака.

— Двадцать четыре.

— Кого искать въ экспликаціи, васъ что ли?

— А вже жъ мене, Василя Гуску.

Роюсь въ книгѣ и никакого Василя Гуски найти не могу.

— Шукайте, пане, Пархома Гуску; це дядько ёго, винъ
умисти зъ Васылевымъ батькомъ у кнызи записанъ, а Ва-
сылъ тоди ще бувъ хлопцемъ, — говоритъ наконецъ одинъ
старикъ, со всею основательностью малоросса сообразив-

ний, что нужно дать это указаніе, уже тогда, когда я немало времени потратилъ на напрасные поиски.

Оказывается, что Пархомъ Гуска записанъ не только вмѣстѣ съ братомъ, но въ цѣлой компаніи другихъ совладѣльцевъ и выдѣлить его долю нѣтъ возможности благодаря цѣлому ряду переходовъ земельныхъ участковъ между компаньонами. Кромѣ того отецъ Васыля Гуски купилъ еще земли со стороны да за женою взялъ столько-то десятинъ. Проверить это по документамъ нельзя, но Васыль Гуска твердо стоитъ на томъ, что у него двадцать четыре десятины, хотя всѣхъ переходовъ земли и не можетъ припомнить.

Приведенный мною случай, можетъ быть, наименѣе сложный и запутанный; разъ самъ хозяинъ твердо зналъ, сколько у него земли, и не было никакихъ сомнѣній въ точности его показаній, мы имѣли всѣ основанія довѣрять его словамъ.

Часто однако земельныя отношенія были гораздо запутаннѣе и осложнялись еще тѣмъ, что и самъ хозяинъ уклончиво показывалъ: „може тридцать, а може й тридцать пять десятинъ“; тутъ уже приходилось перетряхивать всю его память, записывать всѣ мелочные случаи пріобрѣтенія земли, вычитать случаи отчужденія и т. д.

Хотя бы и сильно устарѣвшая, экспликація все-таки помогала; такая экспликація, на столѣ передъ нами, все-таки придавала болѣе внушительный видъ опросу, ибо степень ея пригодности была неизвѣстна опрашиваемымъ. Совсѣмъ плохо было дѣло, когда ни въ волостномъ правленіи ни у старосты мы не находили никакой экспликаціи. Въ этомъ случаѣ все основывалось на отвѣтахъ, и при такомъ условіи могла, конечно, встрѣчаться умышенная или неумышенная неточность въ показаніяхъ. Часто бывало такъ:

— Сколько у васъ десятинъ?

Спрашивается хуторянинъ - степовикъ, недалекій, но

хитроватый. Зачѣмъ панамъ потребовалось знать, сколько у него земли? И безъ того окладной листъ совсѣмъ не-пріятная вещь, а тутъ еще этотъ подозрительный вопросъ. Если не знаютъ, сколько именно у него земли, такъ лучше и не болтать.

— Кто жъ его знае, сколько у мене десятинъ; хибавона миряна?—рѣшается онъ самымъ смиреннымъ тономъ отвитьнуть отъ отвѣта.

— Перестаньте пустое говорить, вамъ это хорошо извѣстно. Ну, сколько же?

— Та може тридцать, а може й усихъ пятьдесятъ.

— Ого, какой богатырь! И двадцать лишнихъ десятинъ для васъ нипочемъ.

— Де жъ це намъ знаты, мы люде темни...

— Ну, подъ усадьбою сколько?

— Та, ей же Богу, не умію казаты, — совсѣмъ плачевнымъ голосомъ отказывается отъ отвѣта хуторянинъ. Что тутъ съ нимъ подѣлаешь? Начинается длинная торговля, во время которой я доказываю ему всю нелѣпость и невозможность его отвѣта для добраго хозяина. Иногда это помогало и хуторянинъ сдавался. Нерѣдко однако приходилось предлагать ему „подумать“ и вызывать вторично, спустя короткое время, для новаго опроса. Иногда добрую услугу оказывалъ какой-нибудь болѣе воспріимчивый и совѣстливый сосѣдъ:

— Та годи тобі, Грыцьку, ка зна що балакаты, кажи правду.

Съ козаками - хуторянами всегда было очень много возни; рѣдко видя постороннихъ людей, рѣдко выѣзжая изъ своихъ захолустій („деколы на ярмарокъ“), они отличаются вообще малою развитостью, замкнутымъ и подозрительнымъ характеромъ. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, затрудняются подсчитать въ умѣ все, что мы спрашивали, путаются въ отвѣтахъ, забываютъ; другіе разъигрываютъ простаковъ по закоренѣлой привычкѣ.

Хотя не особенно часто, но встрѣчаются изъ этихъ

хуторянъ субъекты, способные вогнать въ тоску, измучить и истерзать несчастнаго статистика. Я до сихъ поръ хорошо помню двухъ братьевъ Срибныхъ съ одного глухаго хутора Х—го уѣзда; это были такіе непоколебимые столпы упорства, о которые разбивалось все: увѣщанія, просьбы, угрозы, насмѣшки. Вся сборня, задерживаемая изъ-за нихъ, тоже выражала свое негодованіе на почтенныхъ братцевъ, но и это не дѣйствовало; пока наконецъ, чуть не въ десятый разъ, мнѣ удалось выцарапать отъ нихъ сколько-нибудь сносныя свѣдѣнія, я и впадалъ въ уныніе, и бѣсился, совсѣмъ лишившись необходимаго хладнокровія.

Однако и въ такихъ случаяхъ можно было все-таки, въ концѣ концовъ, одержать побѣду, лишь бы не падать духомъ и не терять терпѣнія. Иногда, одолѣвши послѣ долгихъ усилій трехъ четырехъ неподатливыхъ субъектовъ, мы производили этимъ выгодное для себя впечатлѣніе на толпу, внушали ей этимъ убѣжденіе, что отъ насъ все равно не отдѣлаешься, какъ ни вертись, только даромъ и себя и другихъ задерживаешь, и перепись шла потомъ болѣе или менѣе гладко.

Несмотря однако на одержанную побѣду, статистикъ бывалъ радъ-радешенекъ оставить этихъ дѣтей степной природы и уѣзжалъ страшно усталый и злой.

Когда добыто общее количество земли, спрашивалось распредѣленіе ея по угодьямъ. Это впрочемъ не строго соблюдалось и нѣкоторые сперва спрашивали количество отдѣльныхъ угодій. За основу принималось экспликаціонное распредѣленіе, если была подъ руками экспликація, но исправлялось сообразно съ измѣненіями за послѣднее время.

Когда рѣчь шла объ усадьбѣ, многіе любили съострить. Какой нибудь небогатый козакъ на вопросъ о томъ, велика ли его усадьба, пресерьезно отвѣчалъ:

— А велька.

— Сколько же? — спрашиваетъ статистикъ, пригото-

вляясь записать въ соотвѣтствующую графу „леваду“ въ нѣсколько десятинъ.

— А якъ собака ляже, то голова на своёму, а хвистъ вже на чужому, — невозмутимо отвѣчаетъ, къ великому удовольствію присутствующихъ, острякъ, и только въ усахъ змѣится усмѣшка.

Данныя о распредѣленіи земли по угодьямъ, добыты ли они ранѣе или послѣ общаго количества земли, служили однимъ изъ средствъ контроля этого послѣдняго количества и сами имъ контролировались. Часто при первомъ сравненіи обнаруживалась ранѣе сдѣланная невѣрность, ибо итогъ показанныхъ угодій не соотвѣтствовалъ общему количеству земли. Если козакъ неумышленно ошибся, то обыкновенно у насъ начиналось мирное совѣщаніе о томъ, гдѣ можетъ заключаться ошибка, и довольно быстро все улаживалось. Если же совѣсть козака была не особенно чиста, то обыкновенно онъ приходилъ въ замѣшательство, вытиралъ полою обильно выступавшій потъ и бормоталъ:

— Ичъ воно якъ!... Гм!... Кто жъ его знае, якъ его тутъ... Оце воно и е, що мы люде темни...

Въ концѣ концовъ однако сдавался и говорилъ:

— Та е ще три десятинки зруба; це я забувъ...

Происходила опять повѣрка и т. д. Затѣмъ слѣдовали вопросы о томъ, гдѣ какая земля куплена, за сколько, когда, и иногда оказывались еще какія-нибудь „пивдесятинки“.

Количество пашни контролировалось весьма точно. При господствующей трехпольной системѣ двѣ трети пашни должны были отойти подъ посѣвъ; площадь посѣва и должна равняться этимъ двумъ третямъ, плюсъ арендованная пашня. Я имѣлъ привычку послѣ землевладѣнія переходить немедленно къ арендѣ, хотя эти вопросы и не стояли рядомъ на карточкѣ; затѣмъ спрашивалъ о количествѣ посѣва различныхъ хлѣбныхъ растений. Тотчасъ же производилось сопоставленіе своей и арендованной пашни съ общою площадью посѣва; благодаря привычкѣ,

это дѣлалось быстро въ умѣ, несмотря иногда на обиліе дробей. Если совпаденія не получалось, если напримѣръ площадь посѣва оказывалась больше суммы аренды и двухъ третей своей земли, то мы искали ошибки въ перечисленіи арендованной земли.

— Невѣрно, — объявлялся результатъ провѣрки, — у васъ должны быть еще полторы десятины пашни.

— Неначе бъ то й нема, мабуть усе выказавъ...

— Что-нибудь забыли, у кого-нибудь еще брали пашню.

— А! це я ще у Ляшенка бравъ, оце я его и не выказавъ, — соображалъ наконецъ хозяинъ.

Если же аренда вся была вѣрно перечислена и въ количествѣ посѣвной площади тоже не было ошибки, тогда ее слѣдовало искать въ количествѣ собственной пашни. Происходило совѣщаніе и иногда выяснялось еще какое-ни будь обстоятельство.

— Воно и справди, е ще у мене зъ цивдесятины неродючої земли, я тамъ ничего и не сіявъ, самый бурьянъ росте.

— А вы ее въ пашню зачислили?

— А въ пашню жъ.

Слѣдовало имѣть также въ виду и возможность сдачи домохозяиномъ части своей земли въ аренду; если площадь посѣва оказывалась менѣе двухъ третей своей пашни и арендованной, то задавался, между прочимъ, и этотъ вопросъ.

Словомъ, такъ или иначе, все землепользованіе даннаго хозяина вполне выяснялось, и иногда, послѣ тщательнаго разспроса, статистикъ съ чувствомъ полного удовлетворенія видѣлъ, что этотъ важнѣйшій отдѣлъ подворнаго опроса сдѣланъ вполне какъ слѣдуетъ. Бывали, конечно, промахи, ошибки, неточности, но ихъ не было такъ много, чтобы они могли идти въ счетъ.

При этой системѣ взаимно контролируемыхъ вопросовъ умышленная или неумышленная невѣрность показаній обнаруживалась, какъ я уже сказалъ, весьма скоро. Надо за-

мѣтитъ, что если какой-нибудь козакъ изъ различныхъ соображеній и рѣшался соврать, то провести систематически свое вранье черезъ этотъ строй вопросовъ былъ не въ состояніи; онъ не могъ уловить ихъ взаимной связи, не могъ приспособить всѣ свои отвѣты такъ, чтобы гдѣ-нибудь не промахнуться; иногда даже элементарнѣйшая провѣрка при разспросѣ объ угодьяхъ уже открывала невѣрность, не говоря уже о дальнѣйшей, болѣе сложной.

Даже при отсутствіи трехпольной системы всетаки можно было практиковать эту провѣрку.

Количество другихъ угодій, сѣнокоса и лѣса, уже нельзя было подвергнуть такому строгому контролю, и въ распределеніи ихъ могло быть болѣе неточностей. Въ южной полосѣ Россіи лѣсовъ однако такъ немного, особенно у поселянъ, что крупныя ошибки едва ли когда-нибудь возможны. Иногда изъ нѣсколькихъ сотенъ домохозяевъ только у двухъ-трехъ можно было зарегистрировать небольшія жиденскія рощицы, и это совершенно соотвѣтствовало дѣйствительности, въ чемъ можно было убѣдиться, выѣзжая изъ селенія и видя передъ собою широкій просторъ распаханыхъ полей; сѣверянинъ и не удостоилъ бы названія лѣса тѣ отдѣльные небольшіе «гайки» изъ нѣсколькихъ десятковъ деревьевъ, которые заносились въ рубрику лѣсныхъ угодій со словъ крестьянъ.

Я взялъ козачье землевладѣніе, какъ представляющее наибольшую трудность. У крестьянъ-собственниковъ дѣло шло гораздо легче; мы производили опросъ, вооружившись уставною грамотою, и весьма быстро находили въ ней искомое. Въ уставныхъ грамотахъ при подворномъ владѣніи надѣлъ записанъ за каждымъ хозяиномъ, получившимъ землю при выходѣ на волю. Измѣненія не трудно было прослѣдить. Если на примѣръ за Иваномъ Лихтаремъ записано 4 дес. 1855 сажень, а его сынъ Есыпъ говоритъ, что онъ получилъ $\frac{2}{3}$ «батькивщины», а $\frac{1}{3}$ отошла къ двоюродному брату, то вычислить Есыпово количество земли совсѣмъ не было затруднительно. Не представляла особен-

наго труда и купленная земля, ибо встрѣчалась она не у каждаго крестьянина и не въ большихъ количествахъ. Движеніе же земельной собственности среди крестьянъ не можетъ и идти въ сравненіе съ козачьимъ.

Въ селеніи казенныхъ крестьянъ, получившихъ землю въ общинное владѣніе, мы пользовались владѣнною записью, гдѣ записано количество всей земли за селеніемъ, и безъ труда вычисляли, сколько приходится на душевой надѣлъ. Это уже типъ изслѣдованія землевладѣнія великорусскихъ крестьянъ; центръ тяжести переносится въ поселенный бланкъ.

Крестьяне Z-ской губерніи въ общемъ гораздо развитѣе, доврчивѣе и смѣтливѣе козаковъ, хотя они уступаютъ послѣднимъ въ зажиточности и хотя имъ пришлось больше вытерпѣть за прежнее время.

Особенно благопріятное впечатлѣніе производятъ казенные крестьяне; попадая изъ козацкаго района въ селеніе казенныхъ крестьянъ, мы словно переселялись за много, много верстъ и часто отдыхали за опросомъ ихъ послѣ тяжелой работы среди козаковъ. Показанія давались казенными крестьянами въ общемъ охотно и непринужденно.

И по своему типу крестьяне и козаки представляютъ большую разницу; даже не особенно опытный глазъ легко можетъ почти безошибочно указать, кто козакъ и кто крестьянинъ въ толпѣ стоящихъ передъ столомъ статистика. Сравненіе по виѣшности далеко не въ пользу крестьянъ. Въ козакахъ характерный малорусскій типъ выступаетъ гораздо рѣзче, опредѣленнѣе и законченнѣе; иной субъектъ по своей типичной наружности такъ и просится на полотно. Въ крестьянахъ типичныя черты тусклѣе и слабѣе, пожалуй и то же овальное лицо съ слегка выдавшимися скулами, тотъ же прямой тупой носъ, тѣ же густые брови и каріе глаза, тотъ же длинный усъ, но все это уже то, да не то, не такъ характерно; среди крестьянъ развѣ только очень рѣдко встрѣчаются такіе красавцы, какихъ можно встрѣтить среди козаковъ. Наконецъ изъ крестьянъ мно-

гіе носять бороду, что уже совсѣмъ отдаляетъ ихъ отъ козаковъ, среди которыхъ у иного подбородокъ уже весь густо заросъ щетиною, но къ празднику несомнѣнно будетъ выголенъ. Эта старая козацкая привычка брить бороду крѣпко держится и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ козаки перемѣшаны съ крестьянами.

Говоря о контролѣ данныхъ по землевладѣнію, мы упомянули о связи ихъ со свѣдѣніями по арендѣ и земледѣлію. Скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ. Аренда выгона, какъ общественная, писалась, конечно, въ поселенныхъ бланкахъ, а въ подворныя карточки заносились свѣдѣнія объ арендѣ пашни и сѣнокоса. Въ Z—ской губерніи, гдѣ населеніе ведетъ счетъ на десятины, почти вся аренда выражалась въ этой мѣрѣ; только относительно сѣнокоса не всегда можно было узнать количество десятинъ, а записывалось количество накошенныхъ копицъ; этого послѣдняго количества нечѣмъ было провѣрить, ибо одна арендная цѣна еще не могла служить для контроля. Относительно аренды пашни собирались свѣдѣнія о числѣ десятинъ подъ озимъ и ярь, условіяхъ аренды, званіи арендатора, качествѣ земли; въ арендѣ сѣнокоса тоже отмѣчались условія, званіе, качество.

Въ N—ской губерніи далеко не всегда можно было записать аренду въ десятинахъ, а часто ее можно было выразить только въ видѣ сѣмки земли подъ посѣвъ столько-то мѣръ такого то растенія; напр.: «взято подъ 4 мѣры ржи за 2 руб.».

Разспрашиваніе объ арендѣ занимало порядочно времени, и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ съ очень развитою арендой приходилось густо исписывать уголокъ, отведенный на карточкѣ для этого отдѣла. Въ подворныхъ карточкахъ подробно записывалась только единоличная аренда, товарищеская же отходила въ поселенный бланкъ, и на карточкахъ мы отмѣчали только участіе извѣстнаго хозяина въ этой арендѣ на столько-то паевъ. Товарищескія аренды были для насъ очень удобны, ибо требовали подробнаго

описанія только одинъ разъ; кромѣ того при существованіи ихъ единоличныя аренды были меньше развиты; такимъ образомъ работа шла гораздо быстрее.

Изъ ранѣе указанной связи между землевладѣніемъ, земледѣліемъ и арендою уже видно, что число арендуемыхъ десятинъ показывалось точно; что касается цѣнъ, то иногда встрѣчались попытки нѣсколько увеличить цѣну. Это далеко не было однако общимъ правиломъ и, при сравненіи съ другими цѣнами, довольно легко замѣчалось. Статистикъ начиналъ допытываться, отчего цѣна высока, и если никакихъ причинъ къ возвышенію не оказывалось, крестьянину волей-неволей приходилось признаваться, что онъ хватилъ немножко черезъ край. Я думаю, что незамѣченныхъ случаевъ оставалось немного и погрѣшности въ оцѣночныхъ свѣдѣніяхъ не были велики. Повторяю, что не такъ ужъ часто это и встрѣчалось. По этому вопросу мы приведемъ еще нѣкоторыя данныя въ слѣдующей главѣ.

О посѣвахъ можно сказать еще очень немного; возможность контроля этихъ свѣдѣній уже выяснилась; прибавлю, что въ N-ской карточкѣ мы писали отдѣльно посѣвъ на надѣльной, купленной и арендуемой землѣ; этого раздѣленія однако не всегда можно было достигнуть, и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ приходилось писать, по невозможности разграничить, общую сумму посѣва, съ оговоркою; это было тамъ, гдѣ крестьяне арендуютъ землю уже очень давно и она тѣсно связана съ надѣльною. Въ Z-ской карточкѣ сразу записывалась вся сумма посѣва.

Въ нѣкоторыхъ статистическихъ карточкахъ нѣтъ графа для посѣва; я думаю, въ виду сказаннаго, что это существенный ущербъ въ смыслѣ описаннаго контроля, не говоря уже о томъ, что вычисленная посѣвная площадь совсѣмъ не такъ точна, какъ подсчитанная по прямымъ свѣдѣніямъ; площадь яровыхъ особенно нельзя точно раздѣлить безъ этого опроса, ибо количества въ высѣвѣ того или другаго яроваго растенія у разныхъ хозяевъ не

всегда одинаковы. Вообще площадь распредѣленія культуръ инымъ путемъ, помимо подворнаго опроса, по моему мнѣнію, не можетъ быть точно опредѣлена даже при общинномъ владѣніи; при подворномъ же это совершенно невозможно.

Въ Z—ской губерніи посѣвъ мы записывали въ десятинахъ, въ N—ской это можно было сдѣлать только въ мѣрахъ. Не всегда однако и въ Z—ской губерніи употреблялось слово «десятина»; при мелкихъ количествахъ крестьяне гораздо чаще отвѣчали «опругъ», что равно почти вездѣ четверти десятины, «два, три опруга, пивъ-опруга»; говорили также «день», что равняется полдесятинѣ или нѣсколько больше, — площадь, которую можно выорать за день, смотря по качеству земли. Чему именно равняется «опругъ» или «день» въ данномъ районѣ, всегда нужно было узнать въ самомъ началѣ переписи; мѣры эти однако настолько постоянно, что часто во всемъ уѣздѣ почти повсюду «опругъ» былъ одинаковъ; то же слѣдуетъ сказать и о «днѣ».

Я уже говорилъ, что мы часто спрашивали не въ томъ порядкѣ, какъ стояли вопросы въ карточкѣ. Это зависѣло отъ того, кто какъ привыкъ, кому какъ удобнѣе казалось. Я почти всегда задавалъ вопросы о скотѣ уже тогда, когда выяснились землевладѣніе, аренда и земледѣліе; прежде всего такимъ образомъ хозяйственная сила домохозяина была для меня уже болѣе или менѣе ясно видна, затѣмъ, доказавши на предыдущихъ вопросахъ, что меня нелегко провести, я менѣе рисковалъ встрѣтить умышленно невѣрные показанія.

Свѣдѣнія о скотѣ были изъ тѣхъ, которыя крайне трудно провѣрить. Еще въ Великороссіи, сопоставивши количество скота съ величиною семьи, съ величиною обрабатываемой площади, можно было бы увидать грубое несоотвѣтствіе въ числѣ рабочаго скота. Но въ Малороссіи весьма зажиточный хозяинъ можетъ держать какую-нибудь пару воловъ; если вы ему замѣчаете, что это че-

резчуръ мало по его хозяйству, онъ вамъ можетъ отвѣтить, что онъ «спрягается» съ сосѣдомъ, и вы ничего не можете возразить противъ этого; это ужъ его дѣло предпочитать такой способъ обработки. Поэтому наибольшую гарантію точности свѣдѣній я считаю нашу репутацію знатоковъ, при которой наиболѣе лукавые остерегались попасться.

Могутъ быть, конечно, какія нибудь случайныя условія, позволяющія контролировать показанія крестьянъ о числѣ скота, но какого-нибудь постоянного контроля я не знаю.

Въ нѣсколькихъ волостяхъ К-л-го уѣзда N — ской губерніи намъ пришлось отдѣлать, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, составленіе поселенныхъ бланковъ отъ подворной переписи. Бланки мы составляли весною, перепись была произведена осенью. Съ цѣлью имѣть возможность контроля при составленіи бланковъ мы условились узнавать число скота со словъ старосты или пастуха. Оказалось однако, что этотъ способъ не годится никуда. Призывать съ поля пастуха мы не рѣшались; слишкомъ много было бы хлопотъ и непріятностей для крестьянъ; такимъ образомъ отъ пастуха мы могли узнать о количествѣ скота только тогда, когда онъ подъ вечеръ придетъ въ селеніе, гдѣ и мы оставались ночевать; за день же мы иногда посѣщали до восьми мелкихъ деревень; въ семи такимъ образомъ мы пастуха не могли видѣть. Старосты же, къ нашему разочарованію, далеко не точно могли показать, сколько въ деревнѣ скота, не точнѣе, чѣмъ любой другой крестьянинъ. Они показывали приблизительныя числа: «чередовъ ¹⁾ сто двадцать будетъ...» Пробовали мы заставлять собравшихся крестьянъ перечислять весь скотъ по списку домохозяевъ. Выходила та же подворная перепись, съ тою разницею, что выборные, показывая за другихъ, путались и ошибались, особенно въ мелкомъ скотѣ; вре-

¹⁾ Чередъ — единица разверстки платы пастуху.

мени на это тратилось не мало, а все-таки если деревня была большая, результаты были не особенно блестящие. Въ южнорусскихъ же селахъ, при ихъ громадности и большей обособленности крестьянъ, этого способа совсѣмъ уже нельзя примѣнить.

Если между составленіемъ поселеннаго бланка и производствомъ подворной переписи лежитъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, какъ въ нашемъ примѣрѣ цѣлое лѣто, то могутъ произойти весьма значительныя измѣненія въ количествѣ скота въ томъ или другомъ селеніи, и осеннее число далеко не будетъ совпадать съ весеннимъ. Позднею осенью начинаютъ шибко распродавать скотъ, съ чѣмъ необходимо считаться. Я уже не говорю вообще о томъ, что отдѣленіе составленія поселеннаго бланка отъ подворной переписи имѣетъ свои очень существенныя неудобства.

Мое личное впечатлѣніе въ пользу того, что свѣдѣнія о скотѣ въ общемъ не менѣе точны, чѣмъ и другіе отдѣлы, на которые можно положиться; что гораздо больше приходится принимать во вниманіе сезонныя колебанія въ количествѣ скота, умышленно же невѣрныя показанія едва ли оказываютъ существенное вліяніе. И среди работавшихъ въ однихъ уѣздахъ со мною были скептики, которые утверждали, что свѣдѣнія о скотоводствѣ весьма приблизительны. Я думаю, что въ нихъ сильно говорила привычка къ недовѣрчивости. Статистикъ стремится все подвергать контролю, влагать персты свои во всѣ раны, а тутъ вдругъ такую важную статью, какъ скотоводство, приходится до извѣстной степени принимать на вѣру. Если бы стремленіе утаивать скотъ сказывалось въ крестьянахъ болѣе или менѣе сильно, несомнѣнно, часты были бы случаи обнаруженія этихъ попытокъ. Можно попасться въ просакъ разъ-два, но вѣчно попадаться можетъ только ужъ черезчуръ довѣрчивый человѣкъ, а статистикъ всегда насторожѣ и довѣрчивостью не отличается. Кромѣ того не такіе ужъ ловкіе и прожженные лгуны и обманщики

наши крестьяне, чтобы надувать так ловко, что надуваемый и не подозревает своего глупаго положенія.

Я помню случаи ошибокъ въ счетъ скота, помню поправки, помню, какъ возвращался уже описанный домохозяинъ и справлялся, не забылъ ли онъ показать какого-нибудь «бузивка». Но за всю свою практику я не могу вспомнить какого-нибудь непріятнаго открытія по окончаніи переписи, не помню, чтобы оказалось, что мнѣ кто-нибудь крупно «набрехалъ» относительно скота. Я не отрицаю, конечно, возможности этого, какъ единичнаго факта, но какъ общее правило отрицаю вполне убѣжденно.

Я говорю это, конечно, про извѣстныя мнѣ Z—скую и N—скую губерніи; въ другихъ, судя по нѣкоторымъ заявленіямъ, бываетъ и иначе; возможно, что населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей по какимъ-нибудь причинамъ расположено не говорить правды о своемъ скотоводствѣ.

Тонъ отвѣта добраго хозяина-хохла при показаніи количества скота того или другаго рода былъ далеко не одинаковъ.

Лошадь, несмотря на свою вѣрную службу и на то, что во многихъ мѣстахъ она уже вытѣснила традиціоннаго вола, далеко еще не заслужила себѣ уваженія въ Малороссіи. На вопросъ о числѣ лошадей часто слышался отвѣтъ:

— Е шкапа (кляча) поганенька та стрыжча (стригунъ) одно.

И въ голосѣ слышалась презрительная нотка.

Совсѣмъ иная нота была при отвѣтѣ о числѣ воловъ.

— Е пара волыкивъ, — говорилъ хозяинъ съ ласкою въ голосѣ.

Иногда это были совсѣмъ не «волыки», а громадныя, важныя и задумчиво-сосредоточенныя волы съ длинными крутыми рогами.

О коровахъ тоже отзывались съ видимою симпатією:

— Е коривка.

Для гулеваго рогатаго скота хохлы имѣютъ много тер-

миновъ: «теля, выпустокъ, ришняка, бузивокъ, третякъ» — все это служить для дробнаго подраздѣленія общей категоріи. Къ этому скоту хозяинъ относится пока выжидательно; еще неизвѣстно, что будетъ представлять какой-нибудь «бузивеля» (теленокъ на второмъ году).

Овцы пользовались снисходительнымъ покровительствомъ:

— Е овечокъ шестеро.

Иногда прибавлялось, чтобъ, умалить значеніе числа:

— Овечата якъ кошенята (котята).

Свинью тонкій и политичный хохоль считаетъ нѣсколько неприличнымъ животнымъ; иногда при вопросѣ о свиньяхъ кто-нибудь говорилъ, усмѣхаясь и съ легкимъ удивленіемъ:

— И свыней треба? Що воно таке?!

Въ Великороссіи часто подъ «свиньями» подразумѣваютъ безразлично представителей всѣхъ возрастовъ. Хохоль такой ошибки не сдѣлаетъ и точно отличаетъ «свыню», «пидсвынка» и «порося».

Заключительный вопросъ былъ: «нѣтъ ли еще чего?» и отвѣтомъ служилъ или «дастьбігъ», о которомъ я уже говорилъ, или же какой-нибудь острякъ серьезно говорилъ:

— Е собака старый та, може, вже здохъ, покы я тутъ ждавъ та одвичавъ.

Слушатели «реготали», а у остряка развѣ только дрогнетъ раза два длинный усъ да съюзятся глаза.

Была въ этомъ отвѣтѣ маленькая шпилька по нашему адресу: «на, моль, тебѣ, коли все хочешь знать, да людей держишь изъ-за овецъ да свиней....»

Въ N—ской губерніи есть такъ называемый «исполовой» скотъ, т. е. скотъ, взятый въ аренду однимъ крестьяниномъ у другаго; берутъ коровъ и овецъ на извѣстныхъ условіяхъ и пользуются годъ-два. Нѣкоторые богатые крестьяне промышляютъ тѣмъ, что держатъ большое количество коровъ и овецъ и раздаютъ ихъ другимъ. При опросѣ такіе скотовладѣльцы часто не упоминали объ от-

данныхъ въ аренду коровахъ, но это происходило отъ своеобразнаго пониманія вопроса, оттого, что отвѣчавшій полагалъ необходимымъ показывать только тотъ скотъ, которымъ онъ лично пользуется. Въ регистраціи такого спекулятивнаго скотоводства могли, такимъ образомъ, встрѣчаться пропуски, но обыкновенно существованіе крупныхъ скотовладѣльцевъ выяснялось изъ показаній берущихъ исполовыхъ коровъ и овецъ; кромѣ того мы по нѣскольку разъ повторяли, что нужно показывать каждому весь свой скотъ. Я думаю, что и въ описываемомъ случаѣ пропуски были не особенно часты и крупны.

Къ отдѣлу животноводства присоединяется и вопросъ о пчелахъ. Въ N—ской губерніи пчеловодство весьма незначительно, и мы только помѣчали въ поселенномъ бланкѣ, сколько въ данномъ селеніи пчеловодовъ и сколько у нихъ пчелъ; вводить этотъ вопросъ въ подворную карточку, чтобы записать одного-двухъ пчеловодовъ въ селеніи, а иногда не найти и совсѣмъ ни одного, было бы бесполезно. Въ Z—ской карточкѣ вопросъ о пчелахъ былъ, спрашивалось, сколько «пней». Въ статистической литературѣ указывалось кое-гдѣ, что крестьяне даютъ неохотно показанія о пчелахъ, вслѣдствіе господствующаго повѣрья, что пчелъ нельзя считать. Дѣйствительно, встрѣчались уклончивые отвѣты.

— Бджилъ?—переспрашивалъ крестьянинъ и, помолчавъ, добавлялъ, — такъ, пнивъ зъ пятьдесятъ або бильшь...

Сколько онъ при этомъ бралъ грѣха на душу, для статистика было бы очень трудно рѣшить.

Я не скажу однако, чтобы это повѣрье было вездѣ одинаково распространено. Встрѣчались нерѣдко мѣстности, гдѣ оно, видимо, уже ослабѣло и отвѣтъ слѣдовалъ безъ затрудненія. Затѣмъ, сколько могу судить, выказывали такую опасливость сами старики-пчеловоды. Если же отвѣчающимъ былъ какой-нибудь молодой членъ семьи, то часто равнодушно говорилъ:

— Батько занимаютьця бджолами.

— Сколько же?

— Такъ що пнивъ зъ триста буде...

Большей точности мы не имѣли возможности требовать, и весьма возможно, что съ десятокъ ульевъ, превышающихъ показанное число или недостающихъ до него, и представляли погрѣшность.

Чтобы не пропустить крупныхъ пчеловодовъ, мы при составленіи поселеннаго бланка, описывая условія пчеловодства въ данномъ селеніи, обыкновенно мимоходомъ узнавали, у кого есть значительное число ульевъ, а потомъ на переписи пользовались этими свѣдѣніями, какъ нѣкоторымъ контролемъ.

Остается уже немного вопросовъ нашей подворной карточки, вопросовъ второстепенныхъ. Большею частью никакихъ затрудненій они не представляли. Таковъ, напри- мѣръ, вопросъ о постройкахъ. Относительно промышленныхъ заведеній тоже не было пропусковъ, но какой-нибудь осторожный хозяинъ, показывая, что у него есть «млынъ» (мельница), прибавлялъ:

— Поганенькій, вже валитьця. Такъ, хибя колы-де-колы молоты трапляетьця (случается)...

Вопросъ о наймѣ работниковъ тоже не принадлежалъ къ числу острыхъ; развѣ только какой-нибудь черезчуръ опасливый хозяинъ, считая наемъ работниковъ признакомъ особой зажиточности, настойчиво утверждалъ, что хотя онъ и нанималъ, но это исключеніе, обыкновенно же онъ не держитъ; этого можно было и не оспаривать.

Во время переписи каждой семьи необходимо было помнить всю совокупность данныхъ, обрисовывающихъ ее, какъ отдѣльную хозяйственную единицу. На первыхъ порахъ это упускалось изъ вида, и иной новичекъ долго забывалъ соединять умственно въ одно цѣлое всѣ добытыя отдѣльныя части. Однако навыкъ наконецъ бралъ свое.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, говоритъ одна старая поговорка. Въ нашемъ дѣлѣ какъ разъ наоборотъ; рассказъ о способахъ составленія подворной карточки занялъ не мало времени, самое же составленіе карточки далеко не было такъ продолжительно. Время, потребное для составленія одной подворной карточки, различно, смотря по большей или меньшей легкости работы; въ среднемъ нужно пять-шесть минутъ для полного и обстоятельнаго разспроса; въ благопріятныхъ условіяхъ иногда нужно было и меньше времени; за то иногда на одну карточку приходилось тратить минутъ пятнадцать-двадцать и болѣе, когда судьба посылала какого-нибудь неподатливаго субъекта.

Мы работали часовъ до двухъ и потомъ сдѣлали обѣденный перерывъ. Передъ этимъ мы отпускали старостъ по очереди обѣдать, чтобы они, подкрѣпившись, могли дежурить во время нашего отсутствія и сдѣлать различныя приготовленія къ продолженію переписи, вызвать еще нѣсколько кутковъ, послать за неявившимися въ очередь отдѣльными домохозяевами и т. д. Изъ крестьянъ ушли обѣдать въ одно время съ нами весьма немногіе, ибо пришедшіе съ утра и переписанные уходили, какъ только освобождались; явившіеся же позже пришли болѣею частію уже послѣ ранняго крестьянскаго обѣда, поэтому почти всѣ остались насъ ждать, разсѣвшись и разлегшись на лужку передъ волостнымъ правленіемъ. Какой-то грамотѣй принесъ съ собою «Сиру кобылу» Иродчука и читалъ ее вслухъ; слушатели плотнымъ кольцомъ окружили его, и громкій хохотъ сопровождалъ особенно удачныя мѣста повѣствованія о знаменитомъ своею сообразительностью героѣ.

Послѣ краткаго перерыва мы опять возобновили перепись и работали часовъ до восьми. Позже мы рѣдко работали, развѣ только нужно было почему-либо спѣшить.

Уставали и мы, уставали и крестьяне; въ сборнѣ начинали раздаваться громкіе зѣвки и вздохи; иногда, вызвавъ какого-нибудь Петра Сарану, мы видѣли, какъ кто-нибудь толкалъ въ бокъ сидящаго на лавкѣ и дремлющаго вызываемаго.

— Чуешь, тебе гукуютъ; чого ты куняешь (дремлешь)!

Сарана вскакивалъ, какъ ошпаренный, подходилъ къ столу съ вытаращенными глазами и сразу не могъ понять вопросовъ.

Когда къ восьми часамъ мы отпустили послѣдняго изъ вызванныхъ на сегодня, и одинъ изъ старостъ испустилъ вздохъ облегченія:

— Шу, слава Богу, кончылы; отъ багацько було клопоту.

Мы назначили на завтра тотъ же ранній часъ. Оставалось уже немного, и по расчету двое изъ насъ могли кончить село къ обѣду; было рѣшено, что третій изъ насъ уѣдетъ раннимъ утромъ, взявши себѣ отдѣльный районъ. Поэтому мы распорядились, чтобы завтра рано утромъ была и подвода.

Вечеромъ мы распредѣлили работу въ такомъ расчетѣ, чтобы опять съѣхаться вмѣстѣ въ послѣднемъ селеніи и вмѣстѣ переѣхать въ слѣдующую волость.

На утро нашъ товарищъ уѣхалъ, а мы вдвоемъ опять отправились въ волость.

Работа закипѣла по вчерашнему, и къ тремъ часамъ мы уже опрашивали послѣднихъ. Послѣдними не всегда бываютъ одни записанные въ концѣ списка; къ нимъ присоединяются неявившіеся въ очередь и пропущенные. Какъ ни тщательно составлялся нашъ списокъ, но въ большомъ селеніи иногда двое-трое изъ бездомовыхъ, живущихъ въ чужихъ хатахъ, оказывались пропущенными. При общемъ созывѣ всѣхъ въ сборню шли и они, и такимъ образомъ пробѣлъ исправлялся.

Когда мы закончили всѣхъ и собирали исписанные карточки, еще нѣсколько человѣкъ чего-то дожидались.

— Что это за люди?—спросилъ я старосту, — что имъ нужно?

— Да хочуть, мабуть, щось спытаты.

Одинъ изъ ожидавшихся подошелъ къ столу и сказалъ:

— Подивытьця, пане, чи записано за мною пивдесятины, що мени прысуждено торикъ (прошлый годъ) одъ Лепотуна.

Почти послѣ каждой переписи являлось нѣсколько человѣкъ съ сомнѣніями и дополненіями. Одинъ справлялся, вѣрно ли записана его земля, другой полагалъ, что онъ забылъ упомянуть о «третьякѣ»; третій хотѣлъ, чтобы такихъ-то полдесятинки были помѣчены, какъ «полуудобная» земля, повергая и своею точностью и своимъ терминомъ въ изумленіе даже статистика; у четвертаго были еще кое-какія сомнѣнія.

Не особенно пріятно рыться въ грудѣ карточекъ въ то время, какъ работу мы считали уже поконченною, но дѣлать было нечего.

Наконецъ все покончено, въ хатѣ однѣ только давно уже соскучившіяся нашимъ пребываніемъ власти; мы общаемъ старшинѣ маршрутъ cadaго изъ насъ на случай, если бы въ волости было получено какое нибудь письмо изъ дома или отъ другой партіи, просимъ прислать черезъ полчаса подводу.

Заботливая хозяйка давно уже поджидала насъ и удивлялась: «чого це паны такъ опизнылысь?» Послѣ короткаго обѣда завязываемъ чемоданы, рассчитываемся съ хозяевами, усаживаемся въ телѣгу и движемся въ путь, въ другія селенія.

— Счасты Боже, — говорятъ намъ прощаясь хозяева.

Такъ идетъ работа изо - дня въ день въ продолженіе полутора-двухъ мѣсяцевъ.

Иногда припомнившіе разные пробѣлы догоняли насъ и за предѣлами своего селенія. Такъ какъ переписанныя карточки были уже уложены и связаны, то эти дополнительные отмѣтки приходилось дѣлать уже въ записной

книжкѣ; за экскурсію такихъ замѣтокъ иногда накоплялось немало.

Особенно памятенъ мнѣ нѣкій козакъ Омелянъ Сахно, человѣкъ, видимо, рѣдкой добросовѣстности, мысль котораго работала, однако, очень туго. По окончаніи переписи въ своемъ селеніи онъ сдѣлалъ какую то поправку. Затѣмъ онъ явился на другой день въ сосѣднее селеніе, гдѣ я былъ, и заявилъ опять, что онъ что-то запомнилъ. Я записалъ его показаніе и сказалъ ему:

— Смотрите, припоминайте теперь все получше, а то, пожалуй, опять окажется что-нибудь пропущеннымъ.

Слова мои были роковыми для бѣднаго Сахна; я уѣхалъ верстъ за восемь и дня черезъ два, переписавши одно село, выѣзжалъ изъ него. Какъ разъ при выѣздѣ въ поле съ нами повстрѣчался какой-то крестьянинъ, ѣхавшій въ телѣгѣ. Увидавъ насъ, онъ замахалъ рукою. Мы остановились и онъ слѣзъ и подошелъ къ намъ.

— Здравствуйте; чи це вы той самый чиновникъ, що у насъ въ Ерковцяхъ повірялы?

— Я самый, а вы Омелянъ Сахно? — сказалъ я, узнавши его.

— Та Сахно жъ.... Отъ изнову забувъ пивдесятины луга, ваше благородіе....

Опять пришлось записывать пропускъ, сидя на телѣгѣ. Мой подводчикъ весело ухмылялся, глядя на Сахна.

— Ну, теперь все въ порядкѣ?

— Та мабуть, що усе, — отвѣтилъ Сахно, почесывая чуприну.

— Спасибо, что сказали; прощайте.

— Ни, бильшъ ничего нема, — рѣшительно повторилъ Сахно.

Мы разстались и я, конечно, совсѣмъ уже не чаялъ еще видѣть Сахна. За три дня я сдѣлалъ порядочный кругъ и уѣхалъ верстъ за двадцать отъ Ерковцевъ. Однажды, когда я сидѣлъ за переписью, въ толпѣ началъ кто-то протискиваться къ моему столу. Пройдя съ большими за-

трудненіями густую толпу, этотъ кто-то обратился ко мнѣ:

— Здравствуйте, пане, це я...

Это былъ все тотъ же Сахно, весьма переконфуженный.

— Вы опять?—воскликнулъ я, удивленный.

Сахно только руками развелъ.

— Що мени робыты; шкода та й тильки! Це вже тричы; шукавъ-шукавъ васъ по селахъ, ледве тутъ знайшовъ.

Въ этой мѣстности Сахна уже не знали и съ любопытствомъ слушали нашу бесѣду. Послышался смѣхъ и замѣчанія.

— Крипка голова въ нашего брата козака,—говорилъ кто-то изъ молодыхъ.

— Воно й справди, хйба усе выкажешъ,—солидно отнесся кто-то изъ стариковъ.

Пропущенными оказались еще какія-то полдесятины, я ихъ записалъ, и Сахно со мною простился. Изъ этого селенія я уѣхалъ уже очень далеко, на другой конецъ уѣзда, и, можетъ быть, у Сахна такъ и осталось, къ его сокрушенію, еще что-нибудь неисправленнымъ.

Помнится еще одинъ случай. Была нами переписана небольшая деревня Жеребятинъ; затѣмъ мы сдѣлали большой кругъ по волости и должны были пріѣхать под-конецъ въ одно село по близости отъ этой деревни.

Бдучи по дорогѣ въ село, мы замѣтили въ сторонкѣ кучку отдыхавшихъ мужиковъ, человѣкъ шесть. Увидавъ насъ, они что-то оживленно заговорили и показывали въ нашу сторону. Дорога шла берегомъ небольшой рѣчки и намъ нужно было сдѣлать объѣздъ, чтобы переправиться на другую сторону. Когда мы переправились, то замѣтили, что крестьяне перешли неглубокую рѣчку по камнямъ и направились прямо по полю «навпростоць» наперерѣзъ нашему пути.

— А знаете что, — сказалъ мнѣ мой товарищъ, — я готовъ держать пари, что эти дядьки къ намъ идутъ.

Я посмотрѣлъ и согласился съ этимъ.

Медленно подвигаясь, мы наконецъ подѣхали къ кучкѣ,

которая ждала насъ. Послышались привѣтствія. Мы пріостановили лошадей. Одинъ изъ крестьянъ, сѣдой старикъ, медленно заговорилъ:

— Мы, пане, до васъ....

— Откуда вы?

— А изъ Жеребятина.

— Мы васъ уже переписали, развѣ вы были пропущены?

— Ни, мы усе выказалы, тильки трошки забулы. Е у насъ, пане, три десятины обчои земли, держимо нероздильно; отъ кожный изъ насъ думавъ, що товариши выкажутъ, да такъ ниhto и не выказавъ. Теперъ почулы мы, що ваше благородіе у сели будете, такъ и йдемо до васъ; запишыть, будьте ласковы, цю землю, щобъ часомъ хвальши не було.

— Ну, въ село вамъ нечего даромъ идти, я васъ тутъ запишу.

И середъ поля, на телѣгѣ, началась перепись. Оказалось, что тремя десятинами владѣютъ они не поровну, а «изъ половины сѣмая часть Ониську Прышви, три чети другои половины Олексію Норенку, а що зостанеться, то на Павла Чоботька, Харька Скибу и другихъ». Пришлось дѣлать разныя вычисленія.

Наконецъ все было записано, мы распрощались, и добросовѣстные товарищи опять медленно зашагали домой, опираясь на свои длинныя палки.

Такъ мы производили перепись повсюду; были нѣкоторыя уклоненія, мелкія различія, но общая основа оставалась та же.

Я живо представляю себѣ всѣ тѣ неудобства, весь тотъ громадный ущербъ для дѣла, которые явились бы, если бы собраніе свѣдѣній на сходѣ было замѣнено обходомъ, какъ въ началѣ существованія земской статистики коегдѣ дѣлали. Въ этомъ отношеніи я имѣю нѣкоторый опытъ. Въ Z-ской губерніи на статистическое бюро было возложено собраніе свѣдѣній для оцѣнки городскихъ недвижимыхъ имуществъ. И вотъ мы двинулись въ обходъ

по городамъ. Во многихъ уѣздныхъ городахъ Z-ской губерніи большую часть «городскихъ зданій» составляютъ обыкновенныя крестьянскія хаты и большинство улицъ какого-нибудь уѣзднаго захолустья ничѣмъ не лучше улицъ любого большого села; большую часть обитателей составляютъ крестьяне, занимающіеся хлѣбопашествомъ.

Вооруженный палкою, статистикъ входилъ во дворъ и прежде всего вступалъ въ отчаянную битву съ злыми украинскими псами, неистово нападавшими на него. Сірки, Рябки, Бровки выражали живѣйшее желаніе свести очень близкое знакомство съ икрами статистика и послѣднему нужно было не мало потратить усилій на искусное фехтованіе палкою, чтобы держать ихъ въ безопасномъ для себя разстояніи. На остервенѣлый лай и вой выходили изъ хаты хозяинъ или хозяйка, швыряли чѣмъ попало въ собакъ, кричали: «цытѣте, прокляты! У, не здохнете вы!...» Собаки, обиженные въ своихъ чувствахъ преданности, отходили, воя и скаля зубы, и статистикъ могъ, наконецъ, войти въ хату. Въ хатѣ нужно было прежде всего поздороваться съ присутствующими; затѣмъ статистикъ, поспѣшно доставая бланкъ изъ портфеля, говорилъ обычную формулу:

— Нужно свѣдѣнія собрать для губернскаго земства...

При помощи рулетки статистикъ измѣрялъ длину и ширину дома, измѣрялъ своею палкою, на которой были сдѣланы мѣтки, высоту комнатъ, записывалъ число оконъ, спрашивалъ о числѣ живущихъ, о квартирной платѣ, если были квартиранты, о числѣ и характерѣ надворныхъ построекъ, еще нѣкоторыя свѣдѣнія, клалъ бланкъ въ портфель и уходилъ, провожаемый хозяиномъ и безсильно злобнымъ лаемъ собакъ, забившихся отъ огорченія подъ сарай.

Иной неповоротливый хозяинъ все время визита статистика находился въ своеобразномъ гипнозѣ, остоленѣло смотрѣлъ на посѣтителя, машинально помогалъ держать ленту рулетки при измѣреніи и только, когда статистикъ,

уходя, уже заносилъ ногу за «перелазъ» въ плетнѣ или скрывался за калиткою, пришедшій въ чувство домовладѣлецъ недоумѣло кричалъ вслѣдъ:

— Такъ вы же хоть такіі будете? Чи не изъ полиціи?...

Оцѣночный бланкъ, въ отношеніи полноты, нельзя и сравнивать съ подворною карточкою. Кромѣ того многія свѣдѣнія добывались нами самими путемъ личнаго осмотра. А между тѣмъ на процедуру составленія бланка времени тратилось порядочно. И эта потеря зависѣла главнымъ образомъ отъ того, что мы заставляли домохозяевъ неприготовленными къ нашему визиту, не знающими, что намъ нужно. Затѣмъ много времени тратилось и на самый переходъ, не говоря уже о томъ, что ноги скоро начинали энергично протестовать противъ такого излишняго моціона; много времени тратилось и на отыскиваніе владѣльцевъ; иногда мы не заставляли никого въ какомъ нибудь дворѣ и приходилось черезъ нѣкоторое время заходить второй разъ. Результатомъ всего этого было то, что мы, при гораздо меньшей сложности оцѣночнаго бланка, никогда не могли, при самой усиленной работѣ, даже приблизиться къ обычной нормѣ дворовъ, переписываемыхъ на такъ называемомъ сходѣ¹⁾. Я уже не говорю, какъ затруднялся этотъ обходъ въ дурную погоду и какъ онъ часто былъ бы прямо невозможенъ зимою, когда снѣгъ заваливалъ улицы и иногда было трудно пробраться отъ хаты до хаты. Я воображаю, какъ бы мы бились, если бы вздумали заполнять посредствомъ обхода наши подворныя карточки.

Есть и другія, еще болѣе важныя выгоды переписи на сходахъ. Хотя вообще намъ приходилось въ бесѣдахъ съ крестьянами дѣлать много разъясненій, указывать на несообразность отвѣтовъ, иногда прямо «торговаться» изъ-

1) Те мнѣ „сходъ“ я употребляю въ его земско-статистическомъ смыслѣ; нашъ сходъ какъ можно видѣть, не имѣлъ ничего похожаго на обычный сельскій сходъ.

за какого-нибудь свѣдѣнія, добиваясь точности, но мы не имѣли возможности подолгу останавливаться на каждомъ отдѣльномъ субъектѣ. На это тратилась бы масса времени, масса энергіи, задерживались бы безъ пользы другіе, и безъ того иногда выражающіе неудовольствіе на какого-нибудь путающагося въ показаніяхъ крестьянина:

— Да что ты наконецъ, Господь съ тобой, плетешь такое! Говори ты скорѣе, развяжи и насъ и господина.

Затѣмъ, излишняя возня съ дающими неточныя показанія располагала бы и другихъ относиться поверхностно къ предстоящему опросу, тоже путать и иногда даже намѣренно усиливать несообразительность. Поэтому, когда мы видѣли, что крестьянинъ сбился съ толку, смутился или же имѣетъ какіе-то расчеты отвильнуть отъ дачи свѣдѣній, мы предлагали ему:

— Послушайте, какъ другіе отвѣчаютъ, и обдумайте все, что нужно; я черезъ полчаса опять вызову.

Такія «перезкзаменовки» давали хорошіе результаты; за полчаса сконфузившійся успѣвалъ оправиться и привести въ порядокъ свои мысли, путавшій же намѣренно, прислушиваясь къ отвѣтамъ другихъ и видя, что все равно не увильнешь, чаще тоже рѣшалъ въ пользу откровеннаго показанія. Претендовать на это никто не имѣлъ основаній; не держать же, въ самомъ дѣлѣ, другихъ въ ожиданіи, пока одинъ справится съ отвѣтомъ. Иногда крестьяне сами говорили какому-нибудь неудачнику:

— Пійды, Ныконе, подумай годину; описля лучше выкажешь.

Провалы чаще всего бывали въ началѣ переписи, когда крестьяне не освоились еще достаточно съ вопросами, не привели самимъ себѣ въ извѣстность весь свой семейный составъ и свое хозяйство. Я уже говорилъ, что въ началѣ переписи крестьяне съ любопытствомъ глазѣли на насъ. Иногда около самага стола помѣщался какой-нибудь молодой парень, широко раскрытыми, изумленными глазами смотрѣлъ, разинувъ ротъ, на невѣдомаго пріѣзжаго,

такъ быстро говорящаго и пишущаго, то и дѣло переводилъ глаза на какого-нибудь дядю Ѳедора или Ивана, являющихся въ невиданной роли докладчиковъ о своемъ хозяйствѣ; видимо, онъ не наблюдалъ сознательно, а только всеѣмъ существомъ созерцалъ происходящее передъ симъ, — «ртомъ смотрѣлъ», какъ мѣтко говорятъ N—скіе мужики. Иногда проходило не мало времени, пока этотъ созерцатель насытится впечатлѣніями и лицо его приметъ болѣе осмысленное выраженіе. Если случайно приходилось вызывать его въ такомъ состояніи, то онъ или не слышалъ съ перваго раза своего имени или же вздрагивалъ отъ неожиданности, терялся, путался.

Рѣчь о необходимости предварительной подготовки къ отвѣтамъ часто производила весьма слабое впечатлѣніе; только когда два-три человека проваливались и начинали готовиться къ отвѣту, а мы настойчиво напоминали остальнымъ о томъ же, и въ толпѣ еще не спрошенныхъ начиналась подготовка, загибались одинъ за другимъ корявые пальцы при перечисленіяхъ, шепотомъ дѣлались другъ у друга справки. Иногда дѣло послѣ этого такъ хорошо налаживалось, что уже никакихъ задержекъ не было и перепись шла быстро и гладко.

Чѣмъ глуше мѣстность, чѣмъ не развитѣе народъ, тѣмъ чаще были вторичные опросы; въ Великороссіи же встрѣчались цѣлыя волости, гдѣ не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь не отвѣтилъ въ свою очередь какъ слѣдуетъ.

Бывало въ Малороссіи иногда, что какой-нибудь подготовившійся къ отвѣту грамотѣй, когда его вызывали, подавалъ бумажку со словами:

— Ось подивытыця; тутечкы вже прописано...

Оказывалось, что онъ дѣйствительно написалъ всѣ главнѣйшія свѣдѣнія, слыша во время переписи, о чемъ спрашиваютъ. Статистикъ быстро провѣрялъ съ его словъ поданную вѣдомость, спрашивалъ то, чего не было въ запискѣ, отпускалъ грамотѣя, и онъ уходилъ, торжествуя и гордясь своею образованностью. Его примѣръ часто

вызывалъ подражаніе и въ другихъ; иногда и неграмотные просили грамотѣевъ написать за нихъ записку; иногда рядомъ, въ «кимнати», какой-нибудь охочій искусникъ, добывъ бумаги и нарвавъ ее на лоскутки, начиналъ свою предварительную переписку неграмотныхъ домохозяевъ по ихъ просьбѣ, и вскорѣ передъ столомъ въ толпѣ ждущихъ все больше и больше прибывало держащихъ небольшіе записки въ рукахъ. Иногда процентъ такихъ предварительно переписанныхъ достигалъ весьма крупной величины. Въ запискахъ, конечно, встрѣчались ошибки, пропуски, но нечего и распространяться о томъ, что подавшій такую записку уже настолько хорошо подготовился, что быстро и точно удовлетворялъ статистика. Встрѣчались такіе курьезы, что какой-нибудь увлекшійся своею переписью грамотѣй забывалъ самъ подготовиться къ отвѣту и, когда наступала его очередь, путался. Поднимался веселый смѣхъ; крестьяне замѣчали:

— Отъ-це, другихъ вызволявъ, а самъ попался!..

Вообще перепись на «сходахъ» единственная у насъ форма опроса, наиболѣе гарантирующая доброкачественность свѣдѣній. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго въ томъ, что она повсюду принята. Земская статистика никогда не достигла бы своего широкаго развитія, не добыла бы такихъ цѣнныхъ результатовъ, если бы выбрала иной способъ полученія свѣдѣній. «Дома и стѣны помогаютъ»; что пришлось бы дѣлать съ какимъ-нибудь недоувѣрчивымъ субъектомъ, вздумавшимъ уклоняться отъ отвѣтовъ, если бы опросъ происходилъ у него на дому? Затѣмъ громаднѣйшее психологическое значеніе имѣло еще одно обстоятельство: на сходѣ особенно подчеркивалось въ сознаніи каждаго, что перепись охватываетъ всѣхъ, всѣ равны передъ столомъ статистика, ни для кого не дѣлается никакого исключенія или послабленія. Такого сознанія не могло бы явиться въ крестьянахъ при подворномъ обходѣ. Каждый могъ бы думать, что сосѣдъ то-то утаилъ, а то-то «умаслилъ» статистика не запи-

сывать; отчего и самому не попытаться сдѣлать то же?
Какія неожиданныя осложненія могли бы явиться при
этомъ!

Все это непреложныя аксіомы, которыя уже слишкомъ
пятнадцать лѣтъ стали основаніемъ методовъ земской
статистики. Какой нибудь мой коллега только зѣвнетъ,
читая эти истины. Если я это и написалъ, то лишь для
незнакомыхъ съ нашимъ дѣломъ.

III. ПОСЕЛЕННЫЙ БЛАНКЪ.

Помимо регистраціи свѣдѣній о каждой отдѣльной семьѣ на особой подворной карточкѣ, мы составляли еще общее описаніе селенія, такъ называемый поселенный бланкъ.

Составленіе поселеннаго бланка являлось одною изъ серьезнѣйшихъ частей нашей работы. Новичокъ - статистикъ далеко не сразу приступалъ къ ней; а долженъ былъ болѣе или менѣе долго присматриваться и учиться, да и не всѣ опытные статистики умѣли удовлетворительно исполнять эту работу; встрѣчались прекрасные подворщики, которые только изрѣдка составляли поселенные бланки, и то въ мелкихъ селеніяхъ. Эта работа особенно требовала отъ статистика умѣнья наблюдать иногда крайне запутанныя и трудно поддающіяся объясненію явленія народной жизни; умѣнья ставить вопросы, интересовывать отвѣчающихъ къ подробному и откровенному изложенію порядковъ въ ихъ селеніи; среди знакомыхъ, иногда уже прискучившихъ формъ быта отличать блеснувшее новое и интересное и давать ему болѣе подробное описаніе.

Первый дебютъ обыкновенно бываетъ не изъ удачныхъ. При поступленіи на службу въ земство, я довольно долго ѣздилъ съ однимъ изъ нашихъ выдающихся земскихъ статистиковъ, не рѣшаясь взяться за составленіе поселеннаго бланка и только прислушиваясь къ тому, какъ со-

ставлялъ мой спутникъ. Только когда я изучилъ это, болѣе или менѣе, со стороны, я взялся описать одну небольшую деревню. Бланкъ вышелъ жиденькимъ и плохенькимъ и потомъ въ немъ нашлось два-три крупныхъ промаха. Только послѣ нѣсколькихъ такихъ пробъ дѣло пошло болѣе или менѣе удачно.

Начинающій обыкновенно составляетъ бланкъ черезчуръ долго, путается въ вопросахъ, ворочается къ пройденному уже, выпускаетъ изъ вида иногда очень существенное; эта неувѣренность и длиннота разспроса крайне утомляютъ крестьянъ и они начинаютъ зѣвать, отвѣчать односложно, крайне неохотно; замѣтивши это, составитель теряетъ, кое-какъ комкаетъ окончаніе бланка, вспотѣвшій, измученный, недовольный работою, откладываетъ его въ сторону и даже въ знакомой подворной регистраціи долго не можетъ возвратитъ себѣ необходимаго душевнаго равновѣсія.

Достоинствомъ хорошо составленнаго бланка является полнота содержанія при лаконизмѣ изложенія. Съ какою досадою при разработкѣ читаешь какой-нибудь мелко исписанный бланкъ, въ которомъ авторъ описанія употребляетъ сто словъ на то, что можно изложить въ десяти; сколько времени терялось иногда на извлеченіе свѣдѣній изъ такого описанія и сколько времени отнято у крестьянъ словоохотливымъ статистикомъ на одинъ только механическій процессъ писанія; какъ вздыхали они и легонько позѣвывали, прикрывши рукою ротъ, въ тѣ моменты молчанія, когда авторъ списывалъ цѣлыя страницы.

Если однако выбирать изъ двухъ золъ меньшее, то все-таки, пожалуй, лучше многословіе, чѣмъ коротенькіе, сухіе, писарскіе отвѣты, изъ которыхъ иногда весьма трудно извлечь что-либо для освѣщенія констатируемыхъ явленій.

Я впрочемъ нѣсколько увлекся и разсматриваю описа-

ніе селенія, какъ уже составленное, а мы къ этому еще и не приступали.

Я почти всегда составлялъ поселенный бланкъ сейчасъ по составленіи списка, ранѣе подворной переписи; если насъ было двое, то мы раздѣляли работу: одинъ изъ насъ отбиралъ нѣсколько человѣкъ для составленія списка, другой писалъ съ остальными бланкъ.

Когда мы только-что приступали къ работѣ, крестьяне большею частью относились къ ней съ интересомъ, съ ожиданіемъ, съ любопытствомъ; вниманіе ихъ не было утомлено. Эти условія были какъ разъ очень благопріятны для составленія описанія и ими слѣдовало пользоваться.

Далеко не то уже было по окончаніи переписи; крестьяне считали дѣло поконченнымъ, каждый изъ нихъ отвѣтилъ за себя, и интересъ его къ нашему опросу охладѣлъ; пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ ожиданіи очереди утомляло вниманіе; въ сборнѣ оставались только немногіе, отвѣчавшіе крайне неохотно, съ видимою скукою, съ видимымъ желаніемъ поскорѣе отдѣлаться отъ этого послѣдняго обязательства. Все это сильно отражалось на достоинствѣ бланка и онъ выходилъ большею частью весьма неудачнымъ.

Наконецъ составленіе поселеннаго бланка до переписи было полезно и потому, что знакомило самого статистика съ общею физіономіею селенія, указывало, на что онъ долженъ обратить особенное вниманіе при опросѣ отдѣльных домохозяевъ, знакомило и крестьянъ со статистикомъ, смягчало то выжидательно-осторожное отношеніе, которое весьма понятно въ крестьянахъ къ заѣзжему незнакомцу. Большею частью уже во время составленія поселеннаго бланка статистику удавалось завоевать себѣ довѣріе крестьянъ, что выгоднѣйшимъ образомъ отражалось потомъ и на переписи.

Да и самъ статистикъ былъ свѣжъ и полонъ интереса

къ дѣлу, а послѣ переписи онъ нерѣдко никуда не годился отъ усталости. Перепись носила въ себѣ больше механическаго характера, поэтому и истрепавшійся статистикъ могъ болѣе или менѣе удовлетворительно довести ее до конца; въ составленіи поселеннаго бланка механическаго отношенія нельзя было допустить, поэтому выгоднѣе было начинать его въ свѣжемъ и бодромъ состояніи. Если при такомъ порядкѣ и могли вкратѣ въ бланкъ какія-нибудь ошибки, ихъ легко было исправить впослѣдствіи.

Приходилось, конечно, иногда и отступать отъ правила составлять поселенный бланкъ раньше, но это зависѣло отъ какойнибудь случайности. Большинство работавшихъ со мною статистиковъ тоже держалось такого же правила, и находились только немногіе принципиальные защитники составленія поселеннаго бланка по окончаніи всей работы.

Съ нѣкоторыми свѣдѣніями нельзя было однако покончить, что называется, за одинъ присѣтъ; во время подворной переписи приходилось иногда спрашивать болѣе знающихъ, внушающихъ болѣе довѣрія домохозяевъ; во время переписи выяснялось также иногда что-нибудь пропущенное, новое, о чемъ было интересно разспросить по окончаніи болѣе подробно. Все это однако были детали, центръ же тяжести составленія бланка лежалъ въ работѣ до начала переписи.

Крестыанское общество или охватываетъ нѣсколько селеній, или совпадаетъ съ селеніемъ, или же составляетъ одну изъ его частей. Въ Великороссіи встрѣчается чаще первое; тамъ большею частью въ обществѣ насчитывается нѣсколько деревень, изъ которыхъ каждая представляетъ отдѣльную самостоятельную экономическую единицу—общину. На каждую такую общину и составлялся особый поселенный бланкъ. Селенія, состоящіа изъ нѣсколькихъ общинъ, встрѣчаются сравнительно рѣже. На каждую общину въ этомъ случаѣ можно было бы составить отдѣльный бланкъ; такъ нѣкоторые иногда и дѣлали, но это являлось уже искусственнымъ разрывомъ цѣлаго селенія на

нѣсколько частей; приходилось бесполезно повторять въ каждомъ бланкѣ много общихъ условій. Поэтому обыкновенно на такое селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ общинъ, составлялся одинъ общій бланкъ, но подъ непрерывнымъ условіемъ выдѣлять особенности каждой общины; отмѣчались всѣ особенности полученія надѣльной земли, расположенія угодій, формъ пользованія землею, условій скотоводства и т. п. Въ Малороссіи сплошь и рядомъ можно было встрѣчать селенія, состоящія изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ обществъ; иногда насчитывалось до 15 и болѣе этихъ обществъ. На такое селеніе тоже составлялся общій бланкъ, но съ тѣмъ же обязательнымъ подраздѣленіемъ. Такимъ образомъ съ административнымъ дѣленіемъ на общества бланкъ не совпадалъ. Однако, если общество состояло изъ нѣсколькихъ хуторовъ, бланкъ составлялся не на каждый отдѣльный хуторъ, а на все общество.

Первые вопросы, стоящіе въ заголовкѣ поселеннаго бланка, обыкновенно представляли весьма мало интереса и для спрашивающаго и для крестьянъ; это были различныя справочныя свѣдѣнія, сколько верстъ отъ даннаго селенія до того или другаго пункта, сколько въ селеніи лавокъ, различныхъ другихъ заведеній и т. п. По вопросу о разстояніяхъ слѣдуетъ замѣтить, что свѣдѣнія объ этомъ часто были крайне приблизительны; сколько верстъ отъ деревни до школы, больницы, волостнаго правленія крестьяне еще могли показать болѣе или менѣе точно; когда же дѣло касалось уѣзднаго города, станціи желѣзной дороги, рѣчной пристани, то большею частью давалась какая-нибудь «круглая» цифра; вслѣдствіе этого бывало такъ, что въ одной волости всѣ селенія лежали отъ уѣзднаго города въ сорока верстахъ, въ другой, болѣе дальней, въ пятидесяти и т. д. Эти свѣдѣнія иногда можно было провѣрить на основаніи оффиціальныхъ данныхъ; далеко не всѣ однако оффиціальныя данныя оказывались точнѣе; можно было, наконецъ, вычислить по картѣ, хотя этотъ

последній способъ даетъ черезчуръ прямолинейныя разстоянія.

Обыкновенно первые отвѣты давались крестьянами нѣсколько нерѣшительнымъ тономъ; чаще же всего эти показанія давались официальными представителями селенія — старостами, писарями. Это были все равно, что первые незначительные ходы на шахматной доскѣ, послѣ которыхъ уже открывалась настоящая игра; они заохочивали крестьянъ къ отвѣту, облегчали имъ возможность разговориться; если бы сразу, съ перваго же абцуга, задать какой-нибудь интересный вопросъ, весьма возможно, что весь его эффектъ пропалъ бы, впечатлѣніе было бы слабое.

Составлялся поселенный бланкъ обыкновенно со словъ тѣхъ же крестьянъ, которые собирались для составленія списка. Я держусь того мнѣнія, что чѣмъ больше выборныхъ, тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе являются показанія. Въ мелкихъ селеніяхъ мы часто составляли бланки со словъ всѣхъ домохозяевъ; въ крупныхъ этого нельзя, конечно, было сдѣлать, но тѣмъ паче нужно было захватить возможно больше представителей разныхъ степеней имущественнаго благосостоянія и обитателей всѣхъ, по возможности, «кутковъ» села. Другіе статистики полагали однако болѣе удобнымъ составлять бланкъ со словъ трехъ-четырехъ избранныхъ. При составленіи бланка нужно было слѣдить за тѣмъ, чтобы не отвѣчали все время однѣ и тѣ же личности, а высказывалось по возможности больше народа; иногда встрѣчались бойкіе, говорливые, разбитные крестьяне, почти не дававшіе другимъ вставить слово; эти ораторы не всегда были наиболѣе надежнымъ источникомъ полученія свѣдѣній. Ихъ нужно было легонько останавливать, «осаживать», и помогать и болѣе смирнымъ заявить себя.

Z — скій и N — скій бланки были существенно непохожи одинъ на другаго; въ первомъ изъ нихъ свѣдѣнія о землевладѣніи были весьма кратки. Земля была перенесена въ подворную карточку; тамъ она тщательно изслѣдовалась,

какъ мы уже видѣли. Въ поселенномъ же бланкѣ мы записывали изъ документовъ свѣдѣнія объ общемъ количествѣ земли даннаго селенія, но это было для справокъ, для сопоставленій. Обязательна была только одна цифра — количество выгона и другихъ земель, находящихся въ общественномъ владѣнн, ибо о нихъ мы не могли ничего узнать изъ подворной переписи. Въ N—скомъ бланкѣ, наоборотъ, общинная форма владѣнія землею требовала, чтобы всѣ свѣдѣнія о надѣльной землѣ были сосредоточены въ поселенномъ бланкѣ, въ карточкахъ же ставилось только число разверсточныхъ единицъ, падающихъ на каждаго домохозяина.

Я начну съ Z—скихъ порядковъ, а потомъ перейду къ N—скимъ и въ своемъ изложеніи ихъ и буду имѣть главнымъ образомъ въ виду.

Вопросу объ общественныхъ земляхъ въ Z—скомъ бланкѣ предшествовалъ вопросъ о мѣстоположеніи селеній; это былъ не особенно важный вопросъ, но уже онъ оживлялъ бесѣду. Кто-нибудь изъ крестьянъ указывалъ на неудобство возить снопы съ поля, другой говорилъ:

— Наша ричка одно названіе тильки; и жабамъ воды не хвата.

Третій приводилъ еще какую-нибудь особенность въ положеніи селенія.

Словомъ уже начинался, мало по малу, тотъ непринужденный перебой отвѣтовъ и замѣчаній, которые одни за другимъ рисовали для статистика картину даннаго явленія, оставалось обобщать и поскорѣе записывать.

Вопросъ о выгонѣ уже вызывалъ болѣе или менѣе оживленную бесѣду. Указывалось, кромѣ его пространства, на его качество, какъ пастбища, на право постороннихъ жителей пользоваться имъ бесплатно или на извѣстныхъ условіяхъ, на условія постановки на немъ «млыновъ».

Если, кромѣ выгона, была еще какая-нибудь общественная земля, то иногда возникалъ уже споръ; общественная земля всегда является нѣкоторымъ яблокомъ раздора;

способы пользованія ею часто встрѣчаютъ жестокую критику съ одной стороны и упорную защиту съ другой.

Такой споръ для статистика чистая находка; увлекаясь, крестьяне уже забываютъ политику осторожности и недо-вѣрчивости къ «пану», и иногда удается узнавать разные секреты изъ жизни села, о которыхъ многіе въ частной бесѣдѣ съ пріѣзжимъ, пожалуй, предпочли бы умолчать. Только какой-нибудь благоразумный и выдавшій виды староста, не увлекаясь общимъ настроеніемъ, пытается охладить крестьянъ:

— Та цытьте бо! Чого вы гомоните?—и обращаясь предупредительно къ статистику, добавляетъ, — А Боже ты мій! Що це за народъ у насъ!...

Однако общественныя земли вообще не часто встрѣчаются въ Малороссіи, поэтому иногда бесѣда долго не теряла своего выжидательнаго, осторожнаго характера. Иногда поэтому мы употребляли даже хитрость и, спросивъ кое о чемъ, выдвигали изъ другой области одинъ за другимъ какіе-нибудь вопросы, могущіе вызвать оживленіе.

Въ своихъ отвѣтахъ крестьяне часто уклоняются въ сторону, часто забѣгаютъ впередъ; требовать строго оформленныхъ отвѣтовъ невозможно, да и не удобно, ибо опять является осторожность, пропадаетъ оживленіе.

Итакъ начался говоръ; подъ этотъ говоръ очень удобно записывать; долгіе же интервалы молчанія между вопросами иногда убивали въ крестьянахъ живой интересъ къ производимой работѣ.

Затѣмъ слѣдовали вопросы о землѣ, купленной при помощи крестьянскаго банка, при чемъ мы записывали и условія и способы раздѣленія земли. Увы! только при недавнихъ, только-что совершившихся покупкахъ крестьяне были довольны, бодро и весело смотрѣли, давая показанія о купленной землѣ.

Если же покупка было уже нѣсколько лѣтъ, то крестьяне большею частью неохотно, съ неудовольствіемъ отвѣчали на вопросы. Часто при этомъ оказывалось, что они

уже успѣли накопить порядочную недоимку; кое-кто, пораспродавши разную «худобу» для внесенія доплаты, никакъ не можетъ оправиться, а иной такъ ужъ и совсѣмъ не выдержалъ и переуступилъ свой пай другому компаньону. При этомъ крестьяне почти всегда спрашивали:

— Чи не буде якого облегченія?

Дальше шли вопросы второстепеннаго характера, о способахъ перепродажи земли въ козачьей и крестьянской средѣ, объ опекунствѣ надъ малолѣтними и т. д. Относительно продажъ нужно замѣтить, что кто вздумалъ бы изучать движеніе земельной собственности въ Z-ской губерніи по даннымъ нотаріальнаго архива, тотъ пришелъ бы къ весьма неточнымъ выводамъ относительно его внутри сельскихъ сословій. Въ сельской средѣ, особенно между козаками, это движеніе въ высшей степени оживленное, но только меньшинство сдѣлокъ кончается купчею, большею же частью продажа свидѣлствуется въ волостномъ правленіи или же употребляется еще одинъ своеобразный способъ. Покупщикъ, какойнибудь Ярема Каракуця, получаетъ отъ продавца Свирида Куркуляки землю и уплачиваетъ ему извѣстную сумму; Куркуляка же даетъ ему вексель на эту сумму. Если Куркуляка вздумаетъ отобрать назадъ свою землю, то Каракуця предъявитъ вексель ко взысканію; наоборотъ, если бы Каракуця вздумалъ злоупотребить векселемъ, Куркуляка взялъ бы у него назадъ землю, имѣя документы на нее. Иногда же они нарочно по уговору устраиваютъ комедію взысканія съ должника, и искъ направляется на эту самую землю, которая по суду и остается за Каракуцею, и онъ уже является формальнымъ владѣльцемъ ея.

Въ виду того, что этотъ способъ обыкновененъ во многихъ мѣстностяхъ, мы его описывали изрѣдка.

Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ, нѣтъ ли въ данномъ селеніи общиннаго владѣнія землею, но этотъ вопросъ въ огромномъ большинствѣ селеній Малороссіи и не приходилось задавать при господствѣ подворнаго владѣнія.

Этимъ и заканчивались свѣдѣнія о землѣ въ Z—скомъ поселенномъ бланкѣ.

Въ N—скомъ поселенномъ бланкѣ земля представляла главнѣйшій предметъ изслѣдованія, которому было удѣлено весьма много мѣста.

Надо сказать прежде всего, что мы являлись въ деревню не съ пустыми руками по части землевладѣнія. Въ N—ской губерніи еще въ губернскомъ городѣ мы выписывали на особыя «карточки предварительныхъ свѣдѣній» по каждому селенію все, что могли найти въ документальныхъ данныхъ разныхъ официальныхъ учреждений; потомъ это дополнялось въ уѣздномъ городѣ и наконецъ въ волостномъ правленіи. Несмотря на это, мы обязательно спрашивали еще всѣ документы, какіе были въ деревнѣ, относительно надѣльной земли, особенно планъ, и сопоставляли данныя различныхъ источниковъ.

Казалось, планъ представляетъ наиболѣе достовѣрный документъ, которымъ можно было бы смѣло пользоваться. На самомъ дѣлѣ далеко не такъ. Прежде всего, идеально хорошо составленный планъ выражаетъ только то, что было въ моментъ его составленія; если же съ того времени много воды утекло, то дѣйствительность можетъ далеко не соответствовать плану. А затѣмъ не всегда планы могутъ быть названы хорошо составленными, иногда являются совсѣмъ неожиданные сюрпризы. Въ одномъ изъ уѣздовъ N—ской губерніи, на цѣлыхъ двѣ-три волости составлены нѣкимъ частнымъ землемѣромъ планы. Сначала мы крайне дивились тому, что ихъ данныя, хотя планы были свѣженькіе, совсѣмъ были не похожи на то, что мы получали по крестьянскимъ показаніямъ. Если бы вмѣсто прекраснаго мѣса крестьяне показывали плохенькій «пáростничекъ», это еще можно было бы объяснить, но когда количество пашни по плану оказывалось втрое-вчетверо больше вычисленной нами, то это была ужъ совсѣмъ странная вещь; притомъ и крестьяне нимало не были расположены, какъ явствовало изъ всѣхъ данныхъ,

показывать невѣрно. Они сами иногда только руками разводили, когда мы сообщали имъ результаты сопоставленія. Наконецъ въ одной деревнѣ объяснилась причина:

— Винцо больно любилъ землемѣръ-отъ нашъ; бывало, нальетъ глазки-те и пойдетъ мѣрять; ну, что онъ тамъ намѣрилъ, это ужъ одному Богу вѣдомо....

Это простое объясненіе потомъ подтвердилось. Такимъ образомъ, благодаря состоянію, не совсѣмъ удобному для точныхъ изысканій, получились весьма сомнительные планы; раскрашены они были за то прекрасно.

Такой случай, конечно, рѣдкое исключеніе, но тѣмъ не менѣе критика всегда была нужна; планъ всегда подлежалъ провѣркѣ, хотя его данныя служили чаще всего основаніемъ для распредѣленія земли по угодьямъ.

Прежде всего нужно было вычислить увеличеніе усадьбы земли отъ выселенія на край деревни новыхъ домохозяевъ. Съ этою цѣлью мы и узнавали, на сколько новыхъ душъ было отрѣзано изъ полевой земли подъ усадьбы съ извѣстнаго времени, именно со времени составленія плана; затѣмъ спрашивались ширина и длина отрѣзанной на души полосы и путемъ помноженія этой площади на число новыхъ душъ получался весь прирѣзокъ къ усадьбамъ.

Затѣмъ мы переходили къ пахотной землѣ. Прежде всего мы узнавали, сколько мѣръ ржи высѣвается на «душу»; положимъ, д. Новоселка высѣваетъ ржи 3 мѣры на душу. Мы дѣлаемъ предположеніе, что всѣ три клена засѣяны въ одно время рожью; потребовалось бы 9 мѣръ на душу; всѣхъ же душъ (разверсточныхъ единицъ) въ деревнѣ 50; стало быть всѣми домохозяевами во всѣхъ трехъ поляхъ было бы высѣяно 450 мѣръ ржи, выражающихъ такимъ образомъ всю пахотную площадь; теперь нужно эти мѣры перевести въ десятины. Путемъ разспроса крестьянъ, имѣющихъ купленную землю, путемъ разспроса, сколько высѣвается на извѣстной арендуемой площади, мы узнаемъ, сколько мѣръ сѣется на десятинѣ; оказы-

вается, положимъ, что въ среднемъ 10; такимъ образомъ отъ дѣленія 450 на 10 мы и получаемъ 45 десятинъ пашни.

Таковъ общій пріемъ. Какъ видите, рассказать его недолго, но далеко не такъ скоро въ дѣйствительности можно получить данныя. Иногда приходится очень долго возиться, пока выяснится высѣвъ на душу, пока добудешь высѣвъ на десятину.

Способъ вычисленія покоса въ общемъ похожъ на описанный; для полевого покоса, который связанъ съ пахотною землею и въ паръ не косится, мы тоже вычисляли площадь, узнавая укосъ на душу и предполагая, что вся площадь этого покоса выкошена въ данный годъ. Запольный покосъ, который косится ежегодно, мы узнавали, опредѣляя весь его средній укосъ. Для того и другаго пріема нужно было знать урожайность десятины покоса; для этой цѣли служили порайонныя среднія, данныя для которыхъ можно было добыть не въ каждой деревнѣ.

Серьезнѣйшимъ препятствіемъ въ этихъ вычисленіяхъ является то, что крестьяне въ сѣверной Россіи весьма рѣдко ведутъ счетъ на десятины; самая распространенная мѣра это «душа», которая можетъ быть и большою и маленькою и можетъ измѣняться въ величинѣ съ каждою новою деревнею. Поэтому-то часто приходилось прибѣгать къ массѣ всевозможныхъ окольныхъ вычисленій, чтобы получить въ концѣ концовъ общепринятую мѣру.

За лѣсомъ мы слѣдили большею частью по плану, спрашивая, цѣль ли еще указанный въ немъ лѣсъ или его повырубили, какую часть занимаетъ порубка и т. д.

Выгоны, какъ специально обособленные уголья, крайне рѣдко встрѣчаются въ N—ской губерніи, да о нихъ можно получить свѣдѣнія опять-таки по плану. Иногда впрочемъ въ планѣ выгона не значилось, но крестьяне отводили подъ постоянный выгонъ извѣстное количество земли, которую мы и ставили въ соотвѣтствующую рубрику.

Затѣмъ оставались еще кустарники, «омшарины» — мо-

ховыя болота, которые выяснялись безъ особеннаго труда. Неудобная земля бралась большею частью по плану.

Затѣмъ немедленно подводился итогъ, чтобы видѣть, сходятся ли сумма вычисленныхъ угодій съ извѣстнымъ уже общимъ количествомъ земли. Несовпаденіе заставляло провѣрять вычисленія и давало иногда возможность найти какую нибудь ошибку.

Нѣтъ сомнѣнія, что описанное вычисленіе распредѣленія земли по угодьямъ не обладаетъ тою точностью, какую даетъ прямое измѣреніе въ натурѣ. Я укажу хотя бы на то, что мы своими вычисленіями пашни получали, собственно говоря, посѣвную площадь, а не пахотную, ибо межки не попадали въ вычисленіе, а ихъ не мало на крестьянскихъ поляхъ. Но все-таки наши данныя являлись наиболѣе точными и, чаще всего, единственными о современномъ положеніи крестьянскихъ полей; они были во всякомъ случаѣ болѣе точны, чѣмъ устарѣвшія свѣдѣнія давно составленныхъ плановъ.

Замѣчу еще, что если планъ былъ недавній и наши вычисленные величины не много разнились отъ плановыхъ, мы относили это на разность методовъ и, признавая нашъ менѣе совершеннымъ, брали данныя плана.

Есть, пожалуй, болѣе точные способы и при употребленіи вычисленій, но они требуютъ такъ много времени, что мы не имѣли возможности ими пользоваться.

Ниже я приведу случаи, когда крестьяне затѣвали иногда умышленно показывать невѣрно; это уже крайне затрудняло статистика; но и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, при полномъ содѣйствіи крестьянъ, на вычисленія вообще тратилось много времени и иногда, только измаравъ много бумаги, нѣсколько разъ провѣривъ различныя данныя, сопоставивъ нѣсколько источниковъ, мы наконецъ приходили къ заключенію, что вычисленные величины болѣе или менѣе точно соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Поэтому-то составленіе экспликаціи надѣльной земли,

хотя мы работали всего надъ тремя-четырьмя параграфами, мы считали половиною работы. При составленіи экспликаціи мы попутно дѣлали также краткое описаніе лѣса и сѣнокоса.

А вотъ иногда бывала бѣда, когда не было ни плана, ни другихъ документовъ, когда даже въ карточкѣ предварительныхъ свѣдѣній одиноко стояла цифра удобной земли, взятая изъ земской окладной книги. Тогда трудности усугублялись во много разъ.

Всѣ сомнительные случаи мы обыкновенно условливались отмѣчать.

Нужно прибавить еще нѣсколько словъ о купленной землѣ въ N—ской губерніи. Для подробнаго описанія cadastral участка купленной земли служили такъ называемыя территоріальныя карточки, гдѣ приводились свѣдѣнія о мѣстонахожденіи участка, распредѣленіи по угодьямъ, физическихъ свойствахъ, продажной и арендной цѣнѣ и т. п. Если купленная земля принадлежала всему селенію или же по крайней мѣрѣ большому товариществу, охватывающему большую часть домохозяевъ, мы ее изслѣдовали немедленно за надѣльною землею по тому же типу. Принадлежащая мелкимъ товариществамъ и отдѣльнымъ собственникамъ описывалась или по составленію поселеннаго бланка или же во время подворной переписи. Въ поселенномъ бланкѣ отмѣчались обязательно главнѣйшія свѣдѣнія о купленной землѣ; это было удобно для послѣдующей разработки и являлось запаснымъ свѣдѣніемъ на случай утраты территоріальной карточки.

Крестьяне N—ской губерніи въ записи купленной земли видѣли нѣкоторое укрѣпленіе своихъ правъ на нее, поэтому показывали весьма охотно, и какія-нибудь затрудненія въ этомъ отношеніи встрѣчались развѣ только какъ исключенія. Весьма часто на вопросъ о купленной землѣ собственникъ ея вытаскивалъ изъ-за пазухи что-то завязанное въ платокъ; развязывался платокъ, развертывалась плотная сахарная бумага, развертывалась еще другая

бумага, болѣе тонкая, и наконецъ изъ всѣхъ этихъ оболочекъ являлась на свѣтъ Божій синяя кушчая или какой-нибудь другой владѣнный документъ; бережно расправляя, владѣлецъ предъявлялъ эту драгоценность статистику.

Наконецъ землевладѣніе закончено, статистикъ вздыхаетъ свободнѣе и переходитъ къ новому отдѣлу.

На очереди изслѣдованіе общиннаго землевладѣнія.

Читающій описаніе формы землевладѣнія въ извѣстной мѣстности, можетъ быть, иногда думаетъ, что эти интересныя данныя получаются довольно легко, что стоитъ только писать, въ то время какъ крестьяне начнутъ повѣтствованіе о своихъ порядкахъ. На дѣлѣ далеко не такъ. Крестьяне не умѣютъ излагать систематически, не знаютъ нашей классификаціи, нашихъ терминовъ. Кромѣ того, если бы они употребляли свои термины, но повсюду одинаково, то было бы не трудно понимать, чему они соотвѣтствуютъ въ литературномъ языкѣ; этого однако нѣтъ, и часто въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ одинаковый передѣлъ, положимъ, называютъ разнo. Затѣмъ является много переходныхъ формъ, иногда сильно сбивающихъ съ толку спрашивающаго и не поддающихся установленной классификаціи.

Въ Z—ской губерніи, какъ я уже сказалъ, случаи общиннаго владѣнія землею рѣдки; кромѣ того это по большей части уже застывшія въ одной формѣ общины. Поэтому навыка въ изслѣдованіи общины у Z—скихъ статистиковъ не было и бывали случаи, что опытный изслѣдователь, наткнувшись на общину съ недавнимъ передѣломъ, былъ въ крайнемъ затрудненіи и едва справлялся съ неожиданнымъ явленіемъ.

Въ N—ской губерніи мы встрѣчали почти вездѣ типичную сѣвернорусскую общину, во многихъ случаяхъ съ частыми передѣлами.

Первый опытъ изслѣдованія общины обыкновенно не легко дается. Я помню, что я чуть не три часа раз-

спрашивалъ крестьянъ нѣкой деревни Брыкина, гдѣ я въ первый разъ описывалъ общину, прибѣгалъ къ чертежамъ, переспрашивалъ по нѣскольку разъ объ одномъ и томъ же, пока наконецъ не уразумѣлъ дѣла вполне. Такъ было и съ другими статистиками; и другіе сначала долго трудились надъ роковыми тремя-четырьмя параграфами.

Для изученія данной общины необходимо узнать, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія свѣдѣнія: когда былъ послѣдній передѣлъ и какого онъ характера, общій или частный; сколько разъ производили общій коренной передѣлъ съ извѣстнаго времени, напримѣръ съ выхода на волю; на какую разверсточную единицу дѣлили землю при послѣднемъ передѣлѣ.

При спрашиваніи бываетъ не мало недоразумѣній. Спрашиваетъ, напримѣръ, крестьянъ начинающій статистикъ, дѣлили ли землю послѣ воли. Слѣдуетъ утвердительный отвѣтъ:

— Извѣстно, дѣлили; а то какже!

— Какъ же вы дѣлили?

— А, значить, пушали въ разнбой, чтобы, значить, на всѣхъ...

Статистикъ начинаетъ догадываться, что былъ общій коренной передѣлъ, и спѣшитъ записать драгоцѣнное свѣдѣніе.

— И давно дѣлили?

— Года три, должно, прошло.

— Это первый разъ съ воли?

— Какое первый! У насъ чуть не каждый годъ прежде было; вотъ только теперича позамялись малость...

Статистикъ нѣсколько спутался, но все-таки думаетъ, что вѣроятно общіе коренные передѣлы были черезъ сѣвооборотъ; записывается и это.

— И межи ломали при передѣлѣ?

— Нѣтъ. Зачѣмъ? Межь не трогали. Поди-ка, поломай ихъ, потомъ безъ хлѣба насидишься...

Ломка межъ, одинъ изъ признаковъ общаго кореннаго передѣла, оказывается, отсутствуетъ. «Что же, — разсуждаетъ статистикъ, — такія отступленія бываютъ.»

— Какъ же вы дѣлили, по работникамъ, что ли?

— Извѣстно, по работникамъ, какъ, стало быть, владѣемъ, такъ и дѣлили.

— У васъ теперь пятьдесятъ душъ, а раньше сколько было?

— И раньше одинаково.

— Что же, вы жребій бросали?

— Нѣтъ, жеребья не бросали, а такъ, стало быть, обошлись.

— Значить, каждый на своей полосѣ остался?

— Гдѣ тамъ! Иной эна куды съѣхалъ...

Статистикъ начинаетъ чувствовать, что туманъ все больше сгущается, и уже не знаетъ, какой еще вопросъ задать. Онъ молчитъ, молчать и крестьяне. Наконецъ, желая уяснить себѣ причины передѣла, онъ спрашиваетъ:

— По какому же случаю вы вздумали дѣлить землю?

— Какъ, значить, ихъ предѣлить некуда было.

— Кого ихъ?

— Души-те...

— Какія души?

— Да упавшія-то...

Такъ вы, стало быть, это упалыя души дѣлили?

— А то чтожъ? Мы тебѣ, баринъ, это и предъясняемъ.

Туманъ разсѣивается благодаря случайному удачному вопросу. Оказывается, вовсе не было общаго кореннаго передѣла, а нѣсколько душъ, сданныхъ въ міръ хозяевами, не могшими ихъ удержать, были разверстаны на всѣхъ остальныхъ, при чемъ хозяева нѣсколько сдвинулись съ полосъ; такія передвижки были много разъ и раньше; общаго же кореннаго передѣла съ воли совсѣмъ не было. И вотъ приходится перечеркивать все записанное.

Я взялъ первый попавшійся случай. Конечно, опытный статистикъ сейчасъ же придерется къ любому изъ при-

веденныхъ отвѣтовъ и разузнаеть, въ чемъ дѣло, но для новичка это не такъ-то легко. Кромѣ того, новички очень склонны вездѣ видѣть общіе коренные передѣлы, такъ что въ началѣ дѣятельности каждаго всегда есть нѣкоторый % невѣрныхъ описаній, которыя при разработкѣ откидываются; ихъ, обыкновенно, узнать не трудно даже по внѣшнему виду. Бланки новичковъ обыкновенно наполнены зачеркнутыми фразами, поправками, приписками; уже при бѣгломъ взглядѣ можно догадаться, что дѣло шло очень туго.

Опытный статистикъ не записываетъ, пока не выяснитъ себѣ вполнѣ положенія данной общины; бесѣда часто ведется съ отложеннымъ въ сторону перомъ, въ формѣ простаго разговора. Только когда все выяснилось, берется перо, и добытое быстро записывается.

Познакомившіеся раньше съ литературою объ общинѣ и поработавшіе подъ контролемъ опытныхъ, новые работники осваивались однако довольно скоро; три-четыре-пять неудачныхъ описаній являлись жертвами этого обученія, но дальше дѣло шло уже все лучше и лучше. Нѣкоторые, конечно, оставались всегда слабыми, но это было уже ихъ несчастіе, благодаря недостатку вдумчивости и наблюдательности и малому интересу къ своему дѣлу.

Итакъ, больше, чѣмъ-гдѣ либо еще при изслѣдованіи общины нужны навыкъ, привычка разбираться въ часто неясныхъ и сбивчивыхъ показаніяхъ крестьянъ.

Я затрудняюсь сказать, съ какого вопроса лучше начинать; это часто зависитъ отъ того, на что вы натолкнулись раньше, мимоходомъ, при другихъ разспросахъ. Такъ, напримѣръ, раньше, при вычисленіи различныхъ угодій, вы установили, что крестьяне разверстываютъ землю по силѣ, и вотъ вы отправляетесь отъ вопроса, давно ли они такъ разверстываютъ, какъ раньше разверстывали,—и постепенно выясняете себѣ всю исторію общины за извѣстный періодъ.

Мы обыкновенно брали три послѣднихъ десятилѣтій со времени послѣдней ревизіи; о болѣе раннихъ временахъ только въ какихъ-нибудь исключительныхъ случаяхъ можно было собрать весьма неполныя данныя. Весьма часто полезно было начинать съ вопроса объ «убылыхъ», «упавыхъ» или «выморочныхъ» душахъ и выяснять, какъ ими распоряжается община; часто онѣ даются подроставшимъ работникамъ; если же этого порядка нѣтъ, то вотъ уже является вопросъ, какъ удовлетворяются потребности подроставшихъ работниковъ—одинъ изъ коренныхъ вопросовъ общинной жизни. Словомъ, нужна была только прищипка, нужно было только схватить нитку, чтобы съ помощью ея размотать весь клубокъ.

Нашимъ правиломъ было не довѣрять терминамъ и названіямъ, а расспрашивать, что они значатъ. Напримѣръ, статистикъ спрашиваетъ, какова разверстка въ данной общинѣ.

— Какъ держите землю?

— По работникамъ; стало быть, какъ парню кончится восемнадцать, такъ и землю примаешь.

— И до сколькихъ держить? До шестидесяти что ли?

— Извѣстно, до шестидесяти; въ шестьдесятъ что за державецъ, пора и на покой, лежи на печкѣ, пушай другіе владають...

Такъ и бываетъ очень часто, но нерѣдко при дальнѣйшихъ разспросахъ оказывается далеко не то; оказывается, напримѣръ, что крѣпкій старикъ можетъ держать и «до смерти», что міръ при передѣлѣ давалъ землю и нѣкоторымъ вдовамъ, могущимъ держать надѣлъ; оказывается, что Логину Парфенову, напримѣръ, дали по постановленію міра не на трехъ работниковъ, какъ бы слѣдовало, считая его самого и двухъ взрослыхъ сыновей, а только на двухъ съ половиной, «потому больше не судержить», а Минѣ Петрову прибавили сверхъ положенія, «потому онъ хозяинъ сильный»; оказывается, что вообще землю дѣлили при послѣднемъ передѣлѣ скорѣе «глядя по двору», при-

нимая во вниманіе хозяйственную способность отдѣльных домохозяевъ и далеко не строго придерживаясь принципа рабочей разверстки. Такимъ образомъ, оказывается, что въ данномъ селеніи скорѣе разверстка «по силѣ», а не по работникамъ, какъ сначала показали крестьяне. Они, пожалуй, отчасти и правы въ своей терминологіи, ибо главный устой экономической мощи семьи составляетъ работникъ, могущій вести хозяйство, но намъ-то нужно различать эти двѣ разверстки.

Или же крестьяне отвѣтятъ, что они владѣютъ по ревизскимъ душамъ, а потомъ окажется, что, благодаря множеству частныхъ коренныхъ передѣловъ, практикуемая разверстка сильно уклоняется отъ ревизской.

Итакъ, «не вѣрить терминамъ» — этого правила мы должны были постоянно держаться, чтобы не попасть впросакъ.

Часто вопросы, касающіеся формы землепользованія въ данной общинѣ, были одни изъ жгучихъ въ ея быту. Напримѣръ, вопросъ о способахъ удовлетворенія потребностей подрастающихъ работниковъ часто вызывалъ цѣлую бурю. Требующіе земли на «неревизіонныхъ» сталкивались въ интересахъ съ своими противниками, стоящими за *statu quo*. Поднимался страшный споръ, крикъ и галдежъ. Здоровыя мужицкія глотки не давали никакой возможности вставить слово и приходилось ждать, пока улягутся страсти и галдящіе успокоятся, а тѣмъ временемъ въ шумѣ и гвалтѣ спора ловить указанія, иногда драгоцѣнныя. Это бывало тамъ, гдѣ давно уже назрѣла потребность въ передѣлѣ и вопросъ вотъ-вотъ долженъ былъ разрѣшиться.

Въ общинахъ, недавно сдѣлавшихъ передѣлъ, наоборотъ, были еще свѣжи раны.

— Обдѣляли дѣла, — недовольно замѣчалъ какой-нибудь солидный, чисто одѣтый крестьянинъ, — въ лучшемъ видѣ, что и говорить!..

— А что жъ, чѣмъ плохо? — раздавалось нѣсколько

бойкихъ голосовъ, — не все вамъ, толстошеямъ, землю владать; будетъ, повладали, пора и намъ...

— Горло-то у васъ широкое, такъ вы и орать здоровы...

— Да ты самъ разочти, — обращался кто-нибудь изъ болѣе умѣренныхъ къ обиженному богачу, — вотъ у тебя всего одинъ Ванятка, а у Лукьяна цѣлыхъ три сына, такъ нужно, братъ, и на нихъ...

— Да я за что же деньги-то платилъ? — гремѣлъ богачъ, — вы, гольтепа, гдѣ раньше были? Въ Питеръ уда-рились! А мы здѣсь отдувались, землю держали! А теперь вамъ подай!...

— Ну, держалъ, такъ и пользовался, а теперь и мы съумѣемъ деньги платить, тоже попользуемся, — насмѣшливо отражалъ кто-нибудь изъ толпы.

Недовольный консерваторъ угрюмо насупливался и замолкалъ.

Мнѣ раза два-три приходилось, пріѣзжая, заставить моментъ передѣла. Интересно, что настроеніе крестьянъ было обыкновенно пессимистическое. Такъ, я однажды пріѣхалъ въ нѣкую деревню Селище подъ вечеръ и остановился у одного крестьянина, имѣвшаго отдѣльную чистую избу.

— Гдѣ жъ вашъ хозяинъ? — спросилъ я хозяйку.

— Въ полѣ всѣ мужики-то наши, землю нонче дѣлятъ, — отвѣтила мнѣ она.

Оказалось, что все взрослое мужское населеніе деревни занято разрѣшеніемъ одного изъ насущныхъ своихъ вопросовъ.

Черезъ полчаса-часъ явились хозяинъ, староста и десятскій, явились потные, мрачные, измученные.

— Ну, какъ дѣла? Какъ вашъ передѣлъ? — спросилъ я послѣ первыхъ привѣтствій.

— Охъ, ужъ и не говорилъ бы! — мрачно отвѣтилъ, махнувъ рукою, десятскій, громадный, бородатый мужикъ.

— Одно слово, наказаніе съ нашимъ народомъ, — ото-

звался недовольно и староста, — развѣ съ нашими кашу сваришь? Галдятъ безъ толку, только и всего.

— Что жъ, вы нехорошо подѣлили, что ли?

— Какое тамъ хороштво? Можно сказать, битва! Сколько народу изобидѣли!

— Иному какъ разъ посередъ полосы-то межа, поди-ка побейся съ нею, насидишься безъ хлѣба...

— Который грабить ловокъ, тому хорошо, а кто по-смирнѣе, того и прижали, — жаловался и хозяинъ.

Неодобрительные отзывы о только-что оконченномъ передѣлѣ такъ и сыпались. Было уже поздно, я отпустилъ старосту и десяткаго, сказавъ, чтобы они собрали крестьянъ утромъ. На другой день я началъ работу и, когда спрашивалъ о передѣлѣ, то вчерашнихъ жалобъ почти совсѣмъ не было слышно. Оказалось, что передѣлъ былъ изъ очень удачныхъ и справедливыхъ; и староста и десятскій, въ числѣ прочихъ, толково рассказывали, какъ было дѣло, и по всему было видно, что они вовсе не противъ передѣла.

Дѣло очень просто. Цѣлый день шума, криковъ, спора, галдѣнія пошатнулъ даже крѣпкіе мужицкіе нервы; получилось впечатлѣніе безобразной суматохи, кутерьмы; при рассказѣ о свѣжемъ передѣлѣ вспоминались и лѣзли напередъ разные пробѣлы и недостатки; новый порядокъ, казалось, совсѣмъ не удался.

За ночь мужицкіе нервы однако отдохнули, впечатлѣнія потеряли свою остроту и мрачную окраску, мужики поразобрались въ сдѣланномъ ими переворотѣ; оказалось, что онъ принесъ гораздо больше пользы, чѣмъ вреда, и мелкіе несовершенства совсѣмъ уже не приходили на память.

Такъ было и въ другихъ случаяхъ. Если бы, въ моментъ недовольства, поразспросилъ мужиковъ какой-нибудь принципиальный противникъ общины, то онъ, конечно, усмотрѣлъ бы въ этихъ отзывахъ «гласъ народа», протестующій противъ страшнаго зла передѣловъ при общинномъ владѣніи; усмотрѣвши, возликовалъ бы при такомъ

блестящемъ доказательствѣ гибельности этой формы владѣнія. Сколько «мнѣній» разныхъ «свѣдущихъ людей», храбро судящихъ о крестьянской жизни, основано, вѣроятно, на такихъ коротенькихъ наблюденіяхъ.

Къ настроенію, къ тону крестьянъ мы вообще должны были чутко относиться. Минорный тонъ и мрачный взглядъ на свое положеніе вовсе не были рѣдкостью. Часто они были, дѣйствительно, какъ разъ умѣстны, часто въ жизни данной общины въ самомъ дѣлѣ было много неудобнаго; то врѣзалась и подошла къ усадьбамъ длинная полоса чужой земли, то чуть не половина надѣльной земли разсѣяна кусочками за тридевять земель, то скотину негдѣ выпасывать, то еще что-нибудь лежитъ тяжелымъ гнетомъ и не даетъ вздохнуть. Но въ интересахъ статистической правды все-таки необходимо было, и при такихъ условіяхъ, относиться критически къ тону и настроенію, ибо крестьяне иногда невольно увлекались этимъ настроеніемъ и начинали давать сплошь самые неутѣшительные отвѣты; почва оказывалась «одинъ песокъ», хотя иногда обнаруживалось, что только часть пашни песчаная; урожай — «хуже нѣтъ въ уѣздѣ»; онъ могъ быть, дѣйствительно, неважнымъ, но по сравненію съ другими сосѣдними мѣстностями онъ еще не послѣдній, и т. д. Это не было умышленное искаженіе, а только сгущеніе красокъ, неумѣніе безпристрастно взвѣсить свое положеніе. Задачею же статистика являлась эта именно безпристрастная оцѣнка, это объективное взвѣшивание. Статистикъ вообще часто долженъ вспоминать Пимена-дѣтописца и подражать ему въ безпристрастномъ изученіи крестьянской дѣйствительности, какова бы она ни была. Крайне ошибся бы тотъ, кто думалъ бы, что онъ достигнетъ полной откровенности со стороны крестьянъ, поддѣлываясь подъ ихъ тонъ; это и само по себѣ противно и невыгодно для дѣла. Напротивъ иногда слѣдовало немножко охладить: «будетъ вамъ Лазаря-то пѣть; не такъ ужъ у васъ плохо»...

Драгоценнымъ качествомъ обладаетъ тотъ, кто умѣетъ

во время сказать какое-нибудь мѣткое слово, остроумную шутку, вызывающую смѣхъ во всей сборнѣ, разомъ разсѣивающую скуку, утомленіе и уныніе и поднимающую общее настроеніе. Нѣкоторые думаютъ достигнуть такихъ результатовъ, прибѣгая къ балагурству, но расчетъ оказывается невѣрнымъ. Легкомысленное балагурство обыкновенно вызываетъ легкомысленное же отношеніе крестьянъ къ переписи. Лучше всего тонъ бодрой, веселой дѣловитости и во время подворной переписи и при составленіи поселеннаго бланка.

Не всегда, однако, можно было найти въ себѣ достаточно мужества для установленія этого бодрого тона. Встрѣчались нишія, разоренныя деревни, гдѣ крестьяне выказывали полную апатію къ своей судьбѣ. Въ сборнѣ царило какое-то сонное настроеніе; раздавался только голосъ статистика, предлагавшаго вопросы, и однообразные, вялые отвѣты крестьянъ. Нѣтъ зрѣлища болѣе тягостнаго, болѣе сжимающаго душу, какъ толпа изможденныхъ людей, въ которыхъ погасла искра надежды, которымъ не только все равно, что о нихъ пишутъ, но едва-ли не все равно, влачить постылую жизнь или разстаться съ нею. Есть такія «приконченныя» деревни, и каждый разъ посѣтившій ихъ уѣзжаетъ съ холоднымъ ужасомъ въ душѣ, съ уныніемъ и стыдомъ. Существованіе этихъ заживо похороненныхъ людей трагичнѣе, страшнѣе существованія постигнутыхъ самою великою бѣдою, самымъ потрясающимъ бѣдствіемъ.

Перейду теперь къ земледѣлію и начну ab ovo — съ почвы.

Вѣроятно, нельзя встрѣтить ни одного поселеннаго бланка, въ которомъ не было бы вопроса о почвѣ; въ то же время весьма рѣдко изслѣдованіе почвы поставлено надлежащимъ образомъ. Гдѣ не берутся образцы почвъ, гдѣ не производится анализовъ, гдѣ дѣло не въ рукахъ специалистовъ - почвовѣдовъ, тамъ результаты статистическаго опроса всегда очень сомнительны. Вопросъ о почвахъ такой, безъ котораго нельзя обойтись; нельзя описывать

уѣзда, не намѣтивши, хотя въ общихъ грубыхъ чертахъ, его почвенныхъ особенностей; поэтому - то мы должны были спрашивать о качествѣ почвы. При этомъ иногда весьма недурно выяснялись такія особенности почвы, какъ ея способность затвердѣвать и трескаться во время жары, вязкость и клейкость въ мокрое время, разсыпчатость, легкость или, наоборотъ, трудность для пахоты и т. п. Никакой классификаціи на основаніи этого, конечно, нельзя было построить. Термины, употребляемые крестьянами, — «суглинокъ, песчаная, подзолъ, наилокъ», — представляли чрезвычайно грубое, часто ошибочное опредѣленіе. Что же касается того, какую часть полей даннаго селенія занимаетъ суглинокъ, какая часть песчаная, то тутъ возможны были только такія огульные обозначенія, какъ половина, четверть, треть; а когда говорятъ: «у насъ подзолъ скрозь; примѣрно, на каждой полосѣ двѣ-три плѣшинки, а то добрая земля», — то уже нѣтъ никакой возможности добыть даже и такія круглыя количества. Поэтому, когда я читаю какой-нибудь статистическій сборникъ, въ которомъ важно заявляется, что на основаніи «мѣстнаго изслѣдованія» подобнаго характера оказалось суглинка столько-то десятинъ, супеси столько-то и т. д., я могу только увиляться слѣпой вѣрѣ въ цифры даже со стороны профессиональнаго статистика. Я охотно вѣрю, что уѣздъ по преимуществу суглинистый, что такіе-то и такіе-то районы его отличаются такими-то почвенными особенностями, но затѣмъ же еще эти сомнительныя количества десятинъ, даже чуть ли не съ дробями для пущаго шика?

При такой постановкѣ изслѣдованія вопросъ о почвахъ былъ изъ непопулярныхъ между статистиками. Находились, конечно, одинъ-два любителя, которые, не довольствуясь перечнемъ почвъ по мѣстной терминологіи, еще болѣе или менѣе подробно описывали почвы cadaго селенія и иногда добывали весьма интересныя хозяйственныя наблюденія; другіе же съ мрачною краткостью только отмѣчали — «супесь», «подзолъ», «суглей» и т. д. А дѣй-

ствительно ли это супесь, подзолъ или суглей, для разрабатывавшаго являлось совершенно неизвѣстнымъ. Нельзя было и негодовать на это; каждый земскій статистикъ привыкъ сознать, что онъ разобралъ данное явленіе и увѣренно его описываетъ. А тутъ приходилось бродить въ темнотѣ и вѣрить на слово. Затѣмъ, по образованію статистики представляютъ настолько разнообразный подборъ, что совсѣмъ нельзя требовать отъ cadaго знаній по почвовѣдѣнію.

Рельефъ полей и ихъ направленіе, удобство и неудобство расположенія относительно селенія, различныя особенности въ зависимости отъ физическихъ условій, отъ сосѣдства съ чужими землями, мы описывали довольно подробно. Въ N—ской губерніи надѣлы государственныхъ крестьянъ часто состоятъ изъ множества кусковъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ, иногда верстъ за 30 и болѣе отъ селенія, иногда «кто его знаетъ гдѣ». Конечно, это крайне неудобно для крестьянъ; сѣно съ участка за 30 верстъ преспокойно скашиваютъ «тамошніе» крестьяне и настояшіе владѣльцы ничего не могутъ подѣлать. Они могутъ вознаграждать себя только тѣмъ, что сами то же дѣлаютъ съ такими же отбившимися отъ другихъ деревень кусками, лежащими близъ ихъ селенія. Во многихъ селеніяхъ это вызвало мирный обмѣнъ пустошей; какая-нибудь деревня Тарасково беретъ въ свое пользованіе пустошь Заверюхину, лежащую поблизости и принадлежащую деревнѣ Никулкину, до которой отъ Тараскова нужно считать добрыхъ двадцать пять верстъ; Никулкино же беретъ тарасковскую пустоша Зуевъ Клинь; хотя дѣло не оформлено и каждой деревнѣ приходится уплачивать повинности за всю числящуюся за нею землю, однако кое какъ все таки уживаются.

Конечно наши толки съ крестьянами объ этомъ отличались самымъ живымъ характеромъ.

Мѣстонахожденіе участковъ опредѣлялось, собственно говоря, раньше, при составленіи экспликаціи, но потомъ

приходилось снова толковать о нихъ, спрашивая о способахъ пользованія.

Въ Малороссіи тоже иногда встрѣчаются случаи, когда значительное количество надѣльной земли лежитъ далеко отъ села. Такъ, напримѣръ, въ Ко-скомъ уѣздѣ большое количество земли, принадлежащей селу Новымъ-Сенжарамъ, находится верстъ за тридцать слишкомъ отъ этого села, за рѣкою. Фактически этою землею пользуются другіе, образовавшіе на чужой землѣ даже рядъ хуторовъ подъ звучнымъ названіемъ — хутора Великаго-Степа. Намъ досталось много возни, когда мы переписывали эти хутора, чувствовавшіе, что основа ихъ существованія весьма шатка. Новосенжаровцы тоже съ живѣйшимъ интересомъ отнеслись къ выясненію ихъ землевладѣнія. Вообще, если бы когда-нибудь пришлось возстановить въ этой мѣстности во всей чистотѣ принципъ *summi cuique*, девизъ межевыхъ плановъ, много было бы хлопотъ, труда, усилій, озлобленія, горя и слезъ.

Затѣмъ въ Малороссіи иногда и безъ того, въ предѣлахъ самаго села, вопросъ о «рукахъ» или «смѣнахъ», т. е. о трехъ клинахъ, представлялъ большой интересъ для селянъ. Дѣло въ томъ, что часто находились богатые козаки, которые стремились «окопать» свою землю, т. е. выдѣлить ее, обгородивши канавою, изъ общаго пользованія во время пара и «по стерні». Это было крайне невыгодно для остальныхъ, такъ какъ стѣснялся выпасъ скота. И вотъ въ селѣ иногда существуетъ упорная борьба. Такимъ же стремленіемъ обособиться отличаются и хуторяне, принадлежащіе къ одному съ селомъ обществу и имѣющіе землю въ одномъ планѣ; вообще между хуторянами и селянами всегда есть нѣкоторый антагонизмъ; хуторяне добиваются возможности безотчетно распоряжаться своею землею, уклоняются отъ всякихъ «отбутковъ», селянамъ совсѣмъ не по душѣ эти сепаратистскія стремленія хуторянъ. Для нихъ хуторяне являются иногда серъ-

езнымъ тормазомъ. Напримѣръ, казенные крестьяне мѣстечка Царичанки, владѣющіе землею на общинномъ началѣ, хотѣли сдѣлать передѣлъ, ибо давно уже чувствовалась потребность въ новомъ перераспредѣленіи земли; хуторяне воспротивились этому и требуемаго большинства такъ и не составилось.

Когда выяснились такимъ образомъ всѣ условія, благопріятствующія и неблагопріятствующія занятію земледѣліемъ, мы переходили къ вопросу о культурѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Вопросы объ обработкѣ, посѣвѣ, уборкѣ полей, о сортахъ господствующихъ растеній были, конечно, мирными вопросами, но часто тѣмъ не менѣе они представляли весьма большой интересъ. Значеніе различныхъ усовершенствованныхъ орудій, лучшихъ сортовъ растеній, новые виды ихъ на крестьянскихъ поляхъ,— все это было крайне любопытно. Часто можно было встрѣтить какое-нибудь новое явленіе или услышать новое и удачное объясненіе чего-нибудь уже извѣстнаго. Поучительны были и отрицательные факты. Напримѣръ, въ одномъ уѣздѣ N—ской губерніи земство дѣлало попытку ввести новый сортъ овса, такъ называемый «арабскій». Къ сожалѣнію, эта попытка не удалась. Оказалось, что новый овесъ не вызрѣваетъ.

— Больно долго нѣжится,—говорили крестьяне,—ну, а наши морозы шутить не любятъ.

Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне перепродавали овесъ, купленный у земства, съ невыгодою для себя, мѣстнымъ кулакамъ.

Эта неудавшаяся попытка сильно охладила стремленіе крестьянъ къ новшествамъ.

Въ то время, какъ я разъѣзжалъ по Малороссіи, новыя орудія проникали въ крестьянскую среду въ крайне рѣдкихъ случаяхъ и почти повсюду приходилось регистрировать традиціонный тяжелый плугъ, иногда, въ болѣе бѣдныхъ мѣстностяхъ, соху. Только изрѣдка, у какого-нибудь единичнаго новатора, можно было встрѣтить усовершенство-

ванное орудіе. Въ N—ской губерніи, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, мы какъ разъ встрѣтили оживленную борьбу плуга съ сохою. Плугъ побѣдоносно вытѣснялъ старую Соху Андревну и пріобрѣталъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Такъ какъ это движеніе представляло для самихъ крестьянъ животрепещущій интересъ, то понятно, что бесѣда объ этомъ не имѣла вялаго характера; часто можно было записать массу живыхъ, мѣткихъ и свѣжихъ наблюденій.

Клеверосѣяніе въ Великоросіи тоже представляло новое явленіе; часто можно было наблюдать постепенное проникновеніе понятія о немъ въ крестьянскую среду. Въ одномъ селеніи крестьяне только слышали, что тамъ-то клеверъ «шибко пошелъ», но сами еще и не думаютъ приступать къ какой-либо попыткѣ; въ другомъ крестьяне поговариваютъ, что «ловко было бы, кабы намъ самимъ посѣять»; уже являются убѣжденные сторонники нововведенія, дѣлающіе попытки въ миніатюрѣ у себя на приусадебной землѣ и склоняющіе остальныхъ ввести реформу; въ третьемъ, крестьяне уже дѣлаютъ первую попытку, отводя какой нибудь запольный участокъ; опытъ только-что сдѣланъ и мнѣніе еще не установилось; выражаются сдержанно: «что Богъ дастъ; кто знаетъ, какъ онъ пойдетъ; можетъ, не по нашей землѣ; тоже всяко бываетъ». Въ четвертомъ, наконецъ, клеверъ уже завоевалъ себѣ прочное право гражданства, и крестьяне охотно говорятъ объ успѣхахъ своего нововведенія.

Никакихъ особенныхъ усилій къ добыванію всѣхъ подобныхъ свѣдѣній не приходилось прилагать съ нашей стороны. Иногда встрѣчалось много неяснаго, встрѣчались странныя, даже нелѣпыя мнѣнія, съ которыми приходилось спорить, но ничего подобнаго трудностямъ при выясненіи землевладѣнія не было. Крестьяне давали свѣдѣнія охотно, рассказывали, нисколько не стѣняясь; что-либо скрывать или искажать для нихъ, видимо, не было никакихъ основаній. Иногда встрѣчались ошибки въ числовыхъ показаніяхъ; напримѣръ, вопросъ о среднемъ количествѣ

удобрения на душевой надѣлѣ въ N — ской губерніи вызывалъ необходимость обсужденія, сравненія, критики; показывая объ этомъ, крестьяне иногда ошибались въ ту или другую сторону, но это было совершенно неумышленно и на ошибочномъ показаніи они не настаивали; то же можно сказать и о количествѣ сѣмянъ на десятину въ Z — ской губерніи.

Статистикъ - агрономъ можетъ при такихъ условіяхъ и съ своей стороны сообщить крестьянамъ много интереснаго. Къ сожалѣнію, иногда въ составѣ статистической партіи нѣтъ ни одного лица, владѣющаго спеціальнымъ агрономическимъ образованіемъ. Почва иногда бываетъ благодарная, но сѣятели не всегда находятся.

Разъѣзжая однако тамъ и сямъ, спрашивая и разслѣдуя, мы часто имѣли возможность сравненія и иногда могли сдѣлать какое-нибудь интересное замѣчаніе, могли сообщить, какъ ведется то, что въ настоящее время занимаетъ крестьянъ, въ другой мѣстности. Это, конечно, еще болѣе оживляло бесѣду, какъ ни было случайно и не полно. Но и безъ этого для крестьянъ земледѣльческіе вопросы настолько близки къ сердцу, что они охотно толковали о нихъ.

Въ Малороссіи бесѣда объ этихъ вопросахъ, если, благодаря рѣдкости новшествъ, и не была иногда такъ интересна, то, трудностей, повторяю, не представляла. Кромѣ того тамъ у многихъ стариковъ были еще свѣжи въ памяти тѣ благодатныя времена, когда земля не была еще выпажана и щедро вознаграждала трудъ человѣка; являлось сравненіе съ настоящимъ, слышалось много интересныхъ сельскохозяйственныхъ наблюденій и характеристикъ.

Вопросъ объ урожайности уже требовалъ бѣльшей критики. Здѣсь могли быть невольныя и вольныя уклоненія. Это было и потому, что вездѣ, гдѣ является необходимость въ цифрѣ, крестьяне, какъ и слѣдовало ожидать, затрудняются въ отвѣтѣ; и потому, что было боязно,

«какъ бы наша деревня не показалась богаче другихъ». Если и частные владѣльцы иногда даютъ такія скромныя цифры, при опредѣленіи производительности своихъ земель, что, пожалуй, могутъ вызвать жалость къ ихъ тяжкому положенію, то такая же скромность вполнѣ понятна и въ крестьянахъ.

Въ Z — ской губерніи свѣдѣнія объ урожайности приурочивались къ десятинѣ; мы спрашивали, сколько копѣ дала десятина такого-то посѣва и сколько мѣръ намолачивалось съ копы.

Въ N — ской, гдѣ счетъ на десятины рѣдко встрѣчается, такого вопроса нельзя было предлагать; тамъ мы опредѣляли урожай «самъ-сколько». Этотъ способъ, какъ извѣстно, далеко не даетъ такой ясной и опредѣленной картины урожайности, какъ предъидущій, ибо на величину чистаго урожая оказываетъ вліяніе разница въ густотѣ посѣва, и мѣстности съ одинаковымъ «самъ-столько-то» могутъ быть на самомъ дѣлѣ весьма неодинаковы по высотѣ урожая на десятину. Иногда въ одномъ и томъ же уѣздѣ встрѣчаются значительныя различія въ густотѣ посѣва по мѣстностямъ.

Добываніе свѣдѣній по методу «самъ-столько» не лишаетъ однако возможности, если есть достаточныя свѣдѣнія о густотѣ посѣва, выразить урожай въ болѣе удобной формѣ счета на десятины, по крайней мѣрѣ для болѣе или менѣе крупныхъ районовъ.

При собираніи же свѣдѣній только и можно было считать «самъ-сколько», ибо вопросъ, сколько даетъ десятина, былъ бы большею частью вполнѣ безуспѣшенъ.

Однимъ изъ затрудненій являлась еще необходимость вычислять средній урожай. Если бы вопросъ былъ въ томъ, сколько получено при послѣднемъ сборѣ, то на это крестьяне отвѣчали бы легко: «посѣялъ столько-то, получилъ столько-то», — и дѣлу конецъ.

Но что такое средній или еще нормальный, какъ его называютъ, урожай для данной мѣстности? Чтобы отвѣ-

тить на это добросовѣстно, нужно очень подумать, нужно посоветоваться съ другими, нужно вспомнить урожаи за рядъ послѣднихъ лѣтъ. И, дѣйствительно, когда мы спрашивали о разныхъ степеняхъ урожая, о томъ, каковъ урожай въ очень хорошій годъ, каковъ урожай посредственнаго качества, крестьяне большею частью отвѣчали колеблясь, нерѣшительно, поправляя другъ друга.

На отвѣты крестьянъ имѣлъ большое вліяніе урожай послѣдняго года. Если годъ былъ благополучный, то мнѣніе крестьянъ о производительности ихъ полей возвышалось; въ случаѣ же плохаго урожая за послѣдній годъ репутація полей оказывалась самая неважная; подъ давленіемъ непріятныхъ воспоминаній и горькихъ разочарованій крестьяне склонны были вообще относиться пессимистически къ своимъ угодьямъ, и это отзывалось на показаніяхъ о среднемъ урожаѣ. Это было такъ психологически понятно, что никоимъ образомъ нельзя было претендовать на такую субъективную оцѣнку.

Поэтому нужно было прежде всего спросить о прошлогоднемъ урожаѣ и о томъ, каковъ онъ былъ по мнѣнію крестьянъ. Если онъ чѣмъ либо отличался отъ средняго, мы его записывали особо, съ отмѣткою.

Въ N — ской губерніи для опредѣленія высоты урожая ржи мы задавали три вопроса: сколько мѣръ высѣвается на душу? Сколько овиновъ получается? Сколько мѣръ намолачивается съ овина. Можно было спрашивать и прямо: самъ-сколько родится рожь. Эти два способа опроса обыкновенно являлись взаимно контролирующими.

Положимъ, что при посѣвѣ въ 4 мѣры на душу, «сидится», по словамъ крестьянъ, 2 овина и съ cadaго овина намолачивается 10 мѣръ; это даетъ урожай самъ-пять. Добывши этотъ выводъ, статистикъ тогда спрашиваетъ прямо:

— Самъ-сколько же у васъ родится рожь, какъ вы думаете?

При такомъ прямомъ вопросѣ очень часто крестьяне

чувствуютъ желаніе дать возможно скромную цифру. Это иногда бываетъ даже не изъ непохвальныхъ соображеній, а просто подъ дурнымъ впечатлѣніемъ, о которомъ я говорилъ. Что сдѣлалъ статистикъ изъ ранѣе данныхъ ими цифръ урожайности, они не знаютъ, поэтому согласовать своего ствѣта съ прежними показаніями не могутъ.

— Да что! Самъ-четверть когда придетъ, — нерѣшительно говоритъ кто-нибудь.

— Гдѣ это ты собиралъ самъ-четверть-то? — болѣе рѣшительно вмѣшивается другой, — дай Богъ самъ-третей получить, и то когда подъ хорошій годъ...

— У насъ, баринъ, — говоритъ третій, — ѣнная полоса и сѣмянъ не вернетъ.

— Ну, то иная полоса, а вообще-то самъ-сколько же?

— Да такъ, пиши самъ-третей, — рѣшаетъ одинъ.

— Самъ-третей, это въ самый разъ, — поддерживаетъ другой.

— Больше ни въ жисть не соберешь, — скрѣпляетъ третій.

Остальные молчатъ. Они иногда видятъ, что цифра чересчуръ скромна, да не идти же противъ своего брата; кромѣ того, можетъ оно такъ и лучше, прибѣднившись-то.

— Какъ же это вы раньше показывали самъ-пять? спрашиваетъ статистикъ.

— Когда это?!...

— А вотъ... и статистикъ приводитъ свое вычисленіе на основаніи ранѣе данныхъ величинъ.

— Н-ну, это наврядъ!... съ непріятнымъ удивленіемъ замѣчаетъ кто-нибудь.

— Ты, баринъ, то разочти, — начинаетъ заглаживать неловкость втораго показанія какой-нибудь сладкорѣчивый старичокъ, — годъ на годъ не похожъ; ѣнный годъ, коли дастъ Господь, она, земля-те, можетъ, самъ-десять дастъ?..

Старичокъ быстро, съ удареніемъ, отрываетъ и смот-

рить на статистика, какое впечатлѣніе произвело на него такое щедрое допущеніе.

— Ну, тоже брякнулъ, дядя Трофимъ, — вмѣшивается кто-нибудь, боясь, чтобы дядя Трофимъ не сказалъ чего несуразнаго, — когда это тебѣ земля самъ-десять-то давала?

— Да рази я говорю, что она давала? Я къ тому говорю, что коли ежели бѣ Господь смилостивился надъ нами, такъ она и самъ-десять уродила бы... Да!.. А инный годъ ржицу-те водой вымоетъ, вотъ ты и получай барыши; эфто слава Богу, ежели сѣмена вернешь. Ну, вотъ на кругъ-то мы такъ и кладемъ самъ-третей...

— Нѣтъ, это вы мнѣ все не то рассказываете. У насъ раньше рѣчь была о среднемъ годѣ, вы такъ и показывайте.

Иногда споръ длится довольно долго; иногда крестьяне соглашаются наконецъ, что они невѣрно показали и что самъ-пять дѣйствительно средній урожай; иногда оказывается, что въ самомъ дѣлѣ въ прежнемъ показаніи было что-нибудь преувеличенное и что самъ-пять слишкомъ много.

Не разъ однако бывало и такъ, что, спросивши по второму способу, мы получали въ отвѣтъ цифру, совпадающую съ ранѣе вычисленной. Иногда же мы сами сообщали результатъ вычисленія.

— У васъ выходитъ самъ-четыре съ половиной; что, это у васъ дѣйствительно такъ?

— А выйдетъ; если годъ ничего себѣ, можно получить.

Затѣмъ, нужно было еще спросить объ урожаѣ на разныхъ почвахъ.

Если количество ржи, высѣваемое на душу у всѣхъ домохозяевъ почти одинаково (разница обыкновенно очень невелика и зависитъ отъ случайныхъ причинъ), то этого, какъ мы уже раньше замѣчали, нельзя сказать объ овсѣ, ячменѣ и другихъ растеніяхъ. Иной сѣетъ больше овесъ, другой предпочитаетъ ячмень, третій отвелъ полоску побольше подъ картофель и т. д. Поэтому-то на вопросъ,

сколько сѣется на душу овса, нѣтъ точнаго отвѣта; однако и приблизительное количество все-таки давало возможность узнавать урожайность. Надо впрочемъ сказать, что относительно ярины приходилось гораздо чаще прибѣгать къ прямому вопросу, самъ сколько родится.

Выяснивши урожайность во время составленія поселеннаго бланка, мы не считали однако дѣла поконченнымъ. Во время подворной переписи приходилось кое у кого расспрашивать о томъ же; иногда эти дополненія вносили существенныя поправки въ ранѣе добытое.

Нѣкоторые изъ статистиковъ и не расспрашивали даже въ началѣ объ урожайности, а накопивши нѣсколько цифръ, прерывали перепись, вычисляли среднія и вступали въ бесѣду съ крестьянами объ интересующемъ предметѣ.

Относительно урожайности различныхъ сѣнокосовъ въ Z—ской губерніи мы спрашивали, сколько копицъ накашивается на десятинѣ и сколько пудовъ имѣетъ копица. Въ N—ской губерніи урожайность сѣнокосовъ уже выяснялась раньше, при вычисленіи сѣнокосныхъ угодій; приходилось однако иногда провѣрять и дополнять.

Какихъ-либо записей объ урожаяхъ, даже у наиболѣе грамотныхъ и развитыхъ крестьянъ, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать. Онѣ отсутствуютъ даже въ большинствѣ помѣщичьихъ экономій; тѣмъ болѣе мало вѣроятія встрѣтить ихъ у крестьянъ.

Вообще свѣдѣнія объ урожайности, добытыя основнымъ изслѣдованіемъ, всегда должны имѣть дополненіе и продолженіе въ текущей статистикѣ. Средній урожай, вычисленный по показаніямъ крестьянъ, конечно, далеко не представляетъ такой гарантіи, какъ средняя арифметическая, полученная изъ многочисленныхъ прямыхъ записей за рядъ лѣтъ. Возможны иногда порядочныя неточности. Помѣщать однако въ основное изслѣдованіе только конкретный урожай послѣдняго года было бы еще болѣе неточно.

Оставались еще нѣкоторые мелкіе вопросы, касающіеся

земледѣлія. Изъ нихъ часто представлялъ большой интересъ и злобу дня вопросъ о вредныхъ насѣкомыхъ и сорныхъ травахъ въ Малороссіи, гдѣ этихъ враговъ земледѣлія очень много.

За отдѣломъ земледѣлія слѣдуютъ отдѣлы арендъ и скотоводства.

Мы начнемъ съ арендъ. Въ поселенный бланкъ записывались только аренды мірскія и товарищескія; изъ единоличныхъ вносились только аренды спекулятивнаго характера, въ которыхъ арендаторъ являлся коммиссіонеромъ, пересдающимъ землю мелкимъ съемщикамъ.

Относительно арендъ требовалось добыть прежде всего слѣдующія главныя свѣдѣнія: число десятинъ арендуемаго угодья, срокъ, плата. Кромѣ того записывалось еще число участниковъ, хотя мы и отмѣчали на подворныхъ карточкахъ участіе домохозяина въ арендѣ; запись числа арендаторовъ въ поселенномъ бланкѣ была контрольнаго характера. Затѣмъ записывалось разстояніе арендуемой земли отъ селенія, урожайность ея, распредѣленіе между съемщиками, особыя условія, опредѣляющія высоту арендной платы, ростъ ея съ теченіемъ времени и т. д.

Все это не требовало особаго труда и добывалось безъ какихъ либо препятствій.

Съемка земли не за деньги, а за отработокъ весьма распространена въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Изъ двухъ вступающихъ въ сдѣлку сторонъ обыкновенно настаиваетъ на этой формѣ владѣлецъ. Этого требуютъ его хозяйственныя соображенія:

— Отдай имъ за деньги-то,—говорилъ мнѣ одинъ землевладѣлецъ,—а потомъ выбирай по полтиннику. А такъ вѣрнѣе...

Вѣроятно, это дѣйствительно вѣрнѣе, ибо свободныхъ денегъ у крестьянъ, какъ извѣстно, всегда весьма скромное количество. Тѣмъ не менѣе это имъ не мѣшаетъ съ своей стороны находить по большей части съемку за отработокъ очень невыгодной. Часто самая форма сдачи показывала,

что за типъ представляетъ сосѣдній владѣлецъ, мирный-ли человѣкъ, дающій жить и другимъ, или же воитель, все свое хозяйство построившій на чужой бѣдѣ и тѣснотѣ.

При перечнѣ хозяйственныхъ работъ, выполняемыхъ крестьянами за снятую землю, мы обязательно спрашивали стоимость каждой работы, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность выразить эту плату отработкомъ въ переводѣ на деньги. При этой оцѣнкѣ нужно обратить вниманіе на слѣдующее. Перечень всѣхъ работъ, показываемыхъ крестьянами, не возбуждалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей полнотѣ. Какихъ только работъ не встрѣчалось! Кромѣ пахоты, сѣва, уборки встрѣчались еще обязательства доставить столько-то сотенъ яицъ, набрать столько-то кошолокъ грибовъ и ягодъ. Какъ пахнетъ отъ этого добрымъ старымъ временемъ, застарѣлою, вкоренившеюся привычкою собирать оброки натурою!

Владѣльцы, при изслѣдованіи ихъ хозяйства, иногда, наоборотъ, обнаруживали нѣкоторую скромность въ перечнѣ отработковъ; они бывали склонны давать показанія «вообще», «круглымъ счетомъ».

— Пишите: хозяйственныхъ работъ круглымъ счетомъ на такую-то сумму,—говорилъ владѣлецъ.

— Какія же именно работы?

— Ну, тамъ сѣвъ, пахота... Вообще, знаете, все, что требуется по хозяйству.

Разбирая бланки частныхъ имѣній, въ очень многихъ такъ и приходилось видѣть это «вообще хозяйственныхъ работъ на столько-то». Въ поселенныхъ бланкахъ, наоборотъ, опредѣленно стояло: «вспахать 3 дес. подъ рожь и посѣять; убрать 2 дес. травы и свезти...» и т. д. вплоть до грибовъ и ягодъ.

Я уже сказалъ, что мы ставили тутъ же въ скобкахъ стоимость каждой хозяйственной работы. При этой оцѣнкѣ крестьяне руководились своими соображеніями и ихъ оцѣнка иногда выходила гораздо выше оцѣнки владѣльца. Они

этого нимало и не скрывали; они часто сообщали и оцѣнку владѣльца.

— Какъ онъ-то считаетъ, оно, дѣйствительно, выходитъ двѣсти рублевъ, а по нашему-то и всѣхъ триста,—говорили они, когда статистикъ указывалъ имъ на такое несоотвѣтствіе въ оцѣнкѣ,—ты разочти, баринъ, что когда у меня у самого рожь сыплется, я можетъ, пяти рублевъ въ день не взялъ бы, а тутъ къ нему иди; какъ же тутъ по семи гривенъ-то считать? Мы и такъ ужъ бѣдно-бѣдно рубликъ кладемъ...

Мы обыкновенно и записывали двѣ оцѣнки рядомъ.

Противъ крестьянской оцѣнки еще многое можно возразить. Суровый законъ рабочей платы говорить: «мало ли, что ты хочешь рубль получать; другіе получаютъ семь гривенъ, ну и ты довольствуйся тѣмъ же; а что у тебя рожь сыплется, до этого никому нѣтъ дѣла и это въ оцѣнку хозяйственныхъ работъ не входитъ...»

Если бы стоимость хозяйственныхъ работъ опредѣлялась только этою скромною среднею рабочею платою! Въ томъ то и дѣло, что въ оцѣнку входятъ часто другіе неожиданные элементы. Есть цѣлый рядъ арендъ, которыхъ я не могу назвать иначе, какъ арендами поневолѣ.

— Рады бы не арендовать,—говорили часто крестьяне,—да что ты подѣлаешь, земля подпорная, къ самымъ огородамъ подошла.

Знаменитая «курица» въ «Плодахъ просвѣщенія» очень часто выступала на сцену при нашихъ вопросахъ объ арендѣ. Этой «курицѣ» иногда рѣшительно нельзя носа высунуть за хозяйскій огородъ, на которомъ даже ей, скромной птицѣ, тѣсно. И вотъ приходится арендовать этотъ плохенькій клочекъ, который на планѣ сидитъ, какъ бѣльмо на глазу, около самой деревни.

— Вотъ кабы не это пятнышко,—говорили иногда крестьяне, указывая на планѣ на бѣленькій участокъ владѣльческой земли,—совсѣмъ бы любешенько жилось.

— А купить нельзя?

— Продастъ онъ его, держи карманъ шире; онъ для него дороже всего имѣнія.

Въ З—скомъ уѣздѣ N—ской губеріи есть одинъ купецъ, самый крупный землевладѣлецъ уѣзда. Онъ началъ свою карьеру съ кабатчика, а затѣмъ сталъ понемногу скупать «обрѣзки» отъ надѣловъ. «Обрѣзокъ» — это часть надѣльной земли, оставшаяся за помѣщикомъ при освобожденіи крестьянъ. Обрѣзокъ обыкновенно лежитъ въ сосѣдствѣ съ надѣльною землею, иногда въ очень неудобномъ для нея сосѣдствѣ. Эта операція оказалась очень удачною, и теперь у купца находится во владѣніи въ трехъ смежныхъ уѣздахъ около десяти тысячъ десятинъ. Карта его владѣній необыкновенно любопытна; нѣсколько волостей искраплены множествомъ принадлежащихъ ему небольшихъ участковъ.

Самъ онъ остался по виду тѣмъ же сѣрымъ кабатчикомъ, въ грязномъ длиннополомъ сюртукѣ, низкопоклонный, заискивающий... Вотъ его-то «обрѣзочки» и приходится пожелѣ арендовать, ибо если не арендовать, то все равно штрафами больше переплатишь.

— Насъ Крысинъ во какъ, въ кулакѣ, держитъ, — говорили крестьяне, — пикнуть не даетъ...

Крысинъ, какъ добрый хозяинъ, пекущійся о землѣ-кормилицѣ, заботится между прочимъ о томъ, чтобы крестьяне тщательно удобряли снимаемые обрѣзки. Крестьяне не имѣютъ права запахивать удобренной арендуемой полосы, прежде чѣмъ Крысинъ не осмотритъ самъ и не дастъ разрѣшенія.

— Такъ иногда и приходится съ надѣла перекладывать; его то землю усдобить, а на своей кое-какъ разбросашь...

Въ перечнѣ работъ, требуемыхъ Крысинымъ, нѣтъ доставки грибовъ и ягодъ, но за то есть много гораздо болѣе существеннаго. И за неуклоннымъ выполненіемъ всего этого смотритъ зоркій, ничего не упускающій, неумолимый глазъ паука.

Обрѣзки Крысинъ не сдаетъ въ долгосрочную аренду, а только погодно. Это тоже предусмотрѣнное.

— Волей - неволей и потрафляй ему, а то на другой годъ и не дастъ, ну, тогда намъ до зарѣза приходится...

— Прежде мы на господъ работали барщину, — вопіетъ округа, — а теперь на Крысина...

И всѣ работы оцѣнены по самой низкой нормѣ.

Чья же оцѣнка работъ вѣрнѣе, скромная фактическая Крысина или неумѣренная потенціальная крестьянская?.. Вотъ тутъ и руководись «точными фактическими данными» и разсуждай о «стоимости» работъ.

Крысинъ, конечно, не одинъ; есть и другіе такого же сорта, большею частью продукты новой формаціи; встрѣчаются и дворянскіе отпрыски, ловко ведущіе свою линію.

Одинъ крупный кулакъ, крестьянинъ К-ш-го уѣзда, удостоился даже того, что о немъ сложена населеніемъ сатирическая пѣсня, въ которой воспѣваются всѣ его хозяйственныя ухищренія; мѣстный герой нашелъ своего баяна.

Аренды составляютъ существеннѣйшую часть крестьянскаго хозяйства. Арендованная земля часто входитъ какъ необходимая составная часть въ площадь крестьянскаго землепользованія. На суммѣ надѣла и аренды построена очень часто вся система хозяйства. Если изъять изъ пользованія данной деревни арендную землю, то потрясеніе во всемъ строѣ хозяйства будетъ такъ велико, что неминуемымъ слѣдствіемъ явится разореніе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, хозяйствовать на одномъ надѣлѣ, если онъ почти весь пахотный и въ немъ заключается только нѣсколько клочковъ сѣнокоса и выгона? И вотъ приходится добывать недостающее на сторонѣ. Сѣнокосныя и выгонныя угодья и составляютъ главнѣйшую арендную статью въ N—ской губерніи. Безъ аренды негдѣ пасти скотину, негдѣ припасти корма на зиму. И пресловутая трехпольная система полеводства только тогда и обнаруживается, когда мы беремъ всю землю въ пользованіи крестьянъ; а безъ

аренды вычисленія даютъ что-то несуразное. Безъ аренды пашни можно кое-какъ обойтись, безъ аренды покоса и выгона «ложись да помирай».

И вотъ когда къ необходимости для крестьянъ арендовать покосъ присоединяется еще то, что покосный участокъ представляетъ «обрѣзокъ», то въ этомъ плохенькомъ небольшомъ клочкѣ часто заключенъ источникъ неизсякаемаго дохода. Пусть лютъ дожди и затопляютъ ржавый сѣнокосъ, пусть солнце въ знойное лѣто выжигаетъ жиденькую чахлую травку, сами стихіи не могутъ уронить крупнаго хозяйственнаго значенія этого покосца; можетъ быть немножко меньше въ одномъ году («по добротѣ спустилъ»), немножко больше въ другомъ («свой ращотъ»), но доходъ все-таки получается.

Виртуозъ, строящій доходность своего хозяйства на такихъ невещественныхъ свойствахъ своей земли, мало того, что вредитъ непосредственно, мало того, что его личныя отношенія съ населеніемъ отвратительны, но онъ пускаетъ свою отраву болѣе глубоко, онъ воспитываетъ такую общую злобу и недовѣріе, такое явное низкопоклонство передъ силою, тайную ненависть къ ней и презрѣніе къ «простотѣ», которыя нерѣдко отражаются и на другихъ владѣльцахъ, людяхъ другаго сорта. Малѣйшая ошибка съ ихъ стороны, и обозленное населеніе смѣшиваетъ ихъ съ Крысиными («всѣ они однимъ миромъ мазаны»). Встрѣчались мнѣ хорошіе люди, сокрушенно говорившіе:

— Ничего не понимаю!... Кажется, не эксплуатирую, а чертъ знаетъ, что за отношенія?...

И дѣйствительно эксплуатаціи не было видно, видна была, наоборотъ, благожелательность, готовность сдѣлать уступки, а недовѣріе, подозрительность, видимо, глубоко сидѣли въ крестьянахъ. Думаю, что такіе неудачники нерѣдко расплачивались за чужіе грѣхи, или своихъ предковъ или сосѣдей.

Иногда создаются категоріи отношеній, не предусмотрѣнныя никакимъ уложеніемъ. Напримѣръ, одинъ обы-

ватель 3—скаго уѣзда изобрѣлъ отработокъ «за вскокъ». Это значить, что крестьяне отработываютъ ему весною извѣстную (весьма немаленькую) работу на случай, если крестьянская скотина забредетъ на его землю; при такомъ отработкѣ онъ не беретъ штрафа за потраву.

— А если ваша скотина совсѣмъ не забредетъ за лѣто? Какъ же тогда?

— Ну, то ужъ его счастье...

Итакъ, наказаніе за возможность совершить преступленіе, наказаніе впередъ, про запасъ! Справедлива хохлацкая пословица: «не на те панъ бѣе, що е, а на те, що буде». И этотъ остроумный «за вскокъ», кажется, не единственный.

Позволю себѣ рассказать еще одну быль.

Жила-была въ одномъ селѣ К-з-го уѣзда одна помѣщица; жила въ сносныхъ отношеніяхъ съ крестьянами, ибо хозяйство вела кое-какъ и, по неумѣнію, многими выгодами своего положенія не пользовалась. Задумала она продать свою землю. Когда услышали объ этомъ крестьяне, они затѣяли купить небольшой участокъ, прилегающій къ ихъ полю. Уже совсѣмъ столковались и готовы были деньги отдать, да не угодили чѣмъ-то амбиціозной барынѣ, которая обидѣлась на мужиковъ, и участокъ, вмѣстѣ со всѣмъ имѣніемъ, продала нѣкому обходительному купцу Бугаеву, прежде чѣмъ неумѣлые мужики успѣли поправить отношенія; продала даже дешевле, чѣмъ сторговалась съ мужиками.

— Карахтеръ-то у барыни есть, — говорили мнѣ огорченные мужики, — а ума нисколько...

Купецъ Бугаевъ водворился, осмотрѣлъ хозяйственнымъ окомъ свою покупку и увидалъ, что перлъ его имѣнія находится именно въ этомъ участкѣ, прилежающемъ къ крестьянскому надѣлу. Сѣвооборотъ прежней владѣлицы соотвѣтствовалъ крестьянскому; коли у нихъ паръ, такъ и на ея сосѣдней землѣ паръ и т. д. Это было очень удобно, особенно для крестьянъ, ибо граница ихъ надѣла

очень извилиста и то вдаётся въ помѣщичью землю, то отступаетъ, позволяя куску помѣщичьей земли, пріобрѣсть который мечтали крестьяне, заходить въ самую середину надѣла. Купецъ же оказался культуртрегеромъ и немедленно ввелъ клеверъ, посѣявъ его именно на этомъ аванпостѣ. Вотъ явилась приманка для глупыхъ крестьянскихъ лошадей, которыя никакъ не могли понять, что клеверъ вовсе не для ихъ насыщенія сѣянъ! Заметались мужики, а подѣлать ничего не подѣлаешь, ибо купецъ Бугаевъ имѣетъ всѣ права вводить усовершенствованія въ своемъ хозяйствѣ. Пробовали заикнуться объ арендѣ участка, но новый сосѣдъ и слышать не хочетъ, неустанно арестуетъ посягающую на его собственность мужицкую скотину и взыскиваетъ убыли за потраву. Мужики думаютъ, что онъ все-таки сдастъ имъ въ аренду участокъ, но цѣну возьметъ ужъ какую ему захочется; все же его теперешнее нежеланіе только одна хозяйственная стратегема съ цѣлью возвысить еще болѣе значеніе драгоцѣннаго клочка.

— Капканъ!.. разводятъ руками остоленѣлые мужики.

Мы нечувствительно съ этимъ знаменитымъ отработкомъ «за вскокъ» и съ «капканомъ» подошли къ отдѣлу скотоводства. Дѣйствительно, эти два отдѣла — аренда и скотоводство — и были тѣсно связаны одинъ съ другимъ.

Я не стану описывать положенія крестьянской скотины раннею весною, когда она истощена до крайности, трудностей пастьбы въ «междупарье», когда скотина «мечется», отыскивая клоки травы по вспаханному пару, по дорогамъ, по разнымъ «сугорбочкамъ» по каменистому «убережью рѣки, вязнетъ въ топкой «омшаринѣ» съ рѣдкою, ржавою травою; какъ приходится пасти на веревкѣ, изъ рукъ, приходится снимать солому съ крышъ, всячески умудряться продержать скотину до болѣе благопріятнаго времени, когда скосятъ траву и уберутъ поля. Все это много разъ описывалось, все это *ist eine alte Geschichte*, которая увы! *bleibt immer neu*.

Опять-таки мы не встрѣчали никакихъ затрудненій при

описаніи условій скотоводства въ данной деревнѣ. Ни описаніе собственныхъ пастбищныхъ угодій, ни условія ихъ найма на сторонѣ, ни условія отдачи скота на выпасъ, ни условія найма пастуха, не представляли никакого затрудненія ни въ N—ской, ни въ Z—ской губерніи. На вопросъ немедленно слѣдовалъ отвѣтъ, слѣдовало подробное описаніе положенія дѣла. Иногда и встрѣчались затрудненія, но они были случайнаго характера и больше зависѣли отъ того, что статистикъ встрѣчался съ какимъ-нибудь новымъ явленіемъ, котораго почему-либо сразу не могъ одолѣть, больше происходили отъ взаимнаго непониманія.

Въ числѣ вопросовъ, касающихся скота, былъ вопросъ о падежахъ. Мы спрашивали какъ о томъ, сколько головъ скота пало въ извѣстномъ году, такъ и о томъ, какія мѣры принимались для прекращенія эпизоотіи.

— Приглашали ветеринара?

— Приглашали.

— Ну что-жъ онъ, помогъ?

— А кто его знаетъ; пріѣхалъ, посмотрѣлъ, прописалъ что-то, съ тѣмъ и уѣхалъ...

— Богъ смилостивился, — поддерживаетъ другой, — и кончилась болѣсть-то...

Нигдѣ, можетъ-быть, не сказывается такъ сильно глубокое недовѣріе народа къ разнымъ мѣропріятіямъ «господъ», какъ въ вопросѣ объ эпизоотіяхъ. Положимъ, часто ветеринаръ только и можетъ «посмотрѣть», когда его призвуютъ въ село, въ которомъ падаютъ послѣднія коровы. Но часто онъ можетъ и не ограничиться только этимъ, часто можетъ энергично бороться съ бѣдствіемъ. А въ глазахъ народа его пріѣздъ только лишній, очень нежелательный визитъ, имѣющій своимъ послѣдствіемъ разныя непріятности. Крайне, крайне рѣдко намъ удавалось слышать одобрительные отзывы о работѣ ветеринара, приходилось слышать признаніе, что благодаря его дѣя-

тельности кончилась бѣда. Обыкновенно вспоминали съ неприязною, съ насмѣшкою.

— Прописалъ вертинаръ телокъ молокомъ съ хрѣномъ поить, — пронизировалъ одинъ крестьянинъ N—кой губерніи, — тоже выдумалъ!

— Онъ бы еще прописалъ, — подхватилъ другой, — виномъ поить! Мы вино-то и сами выпьемъ.

Остальные зло смѣялись.

Если намъ приходилось, по поводу эпизоотій, доказывать необходимость ветеринарныхъ мѣръ, съ нами не спорили, уступчиво соглашались, но оставались при своемъ мнѣніи. Сколько усилій нужно сдѣлать, чтобы завоевать необходимое довѣріе, какъ далека пора взаимнаго пониманія!

Кто не говорилъ о покорности судьбѣ и выносливости мужика? Это стало уже избитымъ мѣстомъ. А между тѣмъ, когда приходится встрѣчаться лицомъ къ лицу съ этими качествами, невольно всякій разъ приходится удивляться.

Въ одну изъ зимнихъ экскурсій по X—му уѣзду Z—ской губерніи мы пріѣхали въ с. Ярки. Намъ еще въ волостномъ правленіи сказали, что въ этомъ селѣ сибирская язва валить скотъ. Ныряя по ухабамъ, уже поздно мы въѣхали въ довольно большое село. Странное впечатлѣніе испытываешь, въѣзжая зимними сумерками въ какое-нибудь неблагополучное селеніе. Кажется, за этими темными плетнями, за этими молчаливо насупившимися клунями и сараями, вотъ-вотъ притаился коварный, жестокій врагъ, то тамъ, то сямъ дѣлающій свои губительные набѣги. Кажется, читаешь тревогу въ этой извилистой линіи хатъ, бѣгущихъ одна за другою, боязливо мигая огоньками, по пригорку на другой сторонѣ «става», въ этомъ длинномъ, одинокомъ «зводѣ», возвышающемся надъ колодцемъ и словно стерегущемъ село отъ вторженія новаго непріятели, тревогу, жалобу, сѣтованіе...

На утро мы собрали крестьянъ и начали перепись. Во

время переписи иногда проскальзывали показанія: «була коривка, та Богъ прибравъ»...

Я внимательно всматривался въ потерпѣвшихъ, я искалъ скорби, досады, сожалѣнія. Нѣтъ! все тѣ же непроницаемыя, каменные лица, то же спокойствіе отвѣтовъ, то же, повидимому равнодушіе. Временами слышались шутки; пришелъ сборщикъ и, пользуясь тѣмъ, что крестьяне въ сборѣ, сѣлъ поодаль около двери и собиралъ платежи; кто имѣлъ деньги, платилъ, другіе отказывались, кое-кто зубоскалилъ: «ты у насъ, Матвій, неначе кліщъ, и не почувешь, якъ причеписья...» Сборщикъ отшучивался...

А между тѣмъ село было не изъ богатыхъ и сибирская язва наносила ему сильный ущербъ. Невольно вспоминался тургеневскій сфинксъ, невольно возникалъ вопросъ: что это, апатія, тупое равнодушіе къ своей судьбѣ или что-то другое?..

Въ поселенномъ бланкѣ мы отмѣчали главные промыслы, господствующіе въ селеніи. Описаніе ихъ иногда можно было сдѣлать во время составленія поселеннаго бланка; но чаще это откладывалось, и во время подворной переписи, когда попадался какой нибудь толковый крестьянинъ, занимающійся извѣстнымъ промысломъ, мы принимались за подробное разспрашиваніе его о занятіи; къ нему присоединялось обыкновенно еще нѣсколько такихъ же промышленниковъ и сообщая требуемое достигалось довольно быстро. Въ N—скомъ бюро для описаній промысловъ служилъ особый бланкъ, но краткія характеристики мы писали и въ поселенномъ бланкѣ.

Часто отмѣтка въ поселенномъ бланкѣ о господствующемъ промыслѣ оказывалась, во время переписи, не совсѣмъ вѣрною и ее приходилось исправлять; такъ, на примѣръ, иногда крестьяне говорили, что въ ихъ селеніи занимаются ткачествомъ, по подворной же переписи выходило, что ткачей только нѣсколько человѣкъ, а главные промышленники это сапожники, которыхъ крестьяне упустили изъ виду. Такія ошибки однако не имѣли почти

никакого значенія, ибо отмѣтка въ поселенномъ бланкѣ служила главнымъ образомъ только для напоминанія, для справки.

Добыть свѣдѣнія о промыслахъ далеко не представлялось легкимъ, но усилія къ выясненію этого вопроса предлагались главнымъ образомъ во время подворной переписи, о чемъ я уже говорилъ.

По вопросу о грамотности мы отмѣчали въ поселенномъ бланкѣ, куда крестьяне даннаго селенія отдаютъ своихъ дѣтей учиться, отмѣчали существованіе школы, если таковая встрѣчалась въ селеніи, записывали отзывы крестьянъ.

Одно скромное, но дѣятельно работающее уѣздное земство—Кромское—собрало любопытныя данныя объ отношеніи крестьянъ къ школѣ, записавши на мѣстахъ ихъ отзывы. Благодаря этимъ отзывамъ можно часто видѣть, чего ждутъ крестьяне отъ школы, почему одна школа пользуется ихъ сочувствіемъ, другая же непопулярна. Помимо изученія интереснаго само по себѣ отношенія крестьянъ къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни, можно изъ этого свода почерпнуть немало и практическихъ указаній.

Намъ тоже приходилось часто записывать любопытные отзывы.

Въ хлѣборобной Z—ской губерніи грамотность сдѣлала еще сравнительно весьма небольшіе успѣхи въ крестьянской средѣ; невысокъ и % мужской грамотности, что же касается женщинъ, то получаютъ почти вездѣ весьма печальныя десятия доли процента. Есть еще до сихъ поръ нѣкоторыя особенно сильно отставшія мѣстности, гдѣ встрѣчаются еще совсѣмъ первобытныя нравы и воззрѣнія, гдѣ народъ относится къ школѣ равнодушно: «на що намъ тая школа? Батьки й диды школы не малы, а жылы такъ, якъ дай Богъ и намъ жыты...» Однако словно мелкія, пока еще разрозненныя, но живыя струйки, протачивающія эту толщу народнаго равнодушія, и въ этихъ мѣстахъ, кое-

гдѣ встрѣчаются уже случаи другаго отношенія, уже слышатся голоса за грамотность. Дальше отъ этихъ глухихъ, затерянныхъ въ степи селъ и хуторовъ, гдѣ народная любознательность только что просыпается, куда съ крайнимъ трудомъ проникаютъ новыя вѣянія, ближе къ большимъ дорогамъ, къ городамъ, и вы находите быстро, что грамота уже въ цѣнѣ, въ чести, что алчутъ и жаждутъ пріобщиться знанія.

Для N—ской губерніи совсѣмъ уже миновали тѣ времена, когда мужикъ спрашивалъ, на что ему школа, и рѣшалъ, что школа ему вовсе не нужна. Есть, можетъ быть, забытые Богомъ углы, гдѣ такое отношеніе еще, пожалуй, встрѣтишь, но они совсѣмъ не идутъ въ счетъ. Какъ правило, повсюду находишь селенія, гдѣ вопросъ о пользѣ грамотности давно уже рѣшенъ, гдѣ понятіе объ этомъ прочно вошло въ народное сознаніе, гдѣ выражаютъ крайнее сожалѣніе о томъ, что въ мѣстной школѣ, по тѣснотѣ помѣщенія, отказываютъ многимъ въ пріемѣ, гдѣ стараются заводить возможно больше своихъ школокъ. Поэтому-то повсюду бесѣда о грамотности имѣла живой интересъ.

Не разъ уже были толки о томъ, какой успѣхъ имѣли бы подвижныя чтенія по нашимъ деревнямъ, популярныя лекціи по естествознанію, сельскому хозяйству, исторіи. Какъ сильно двинули бы они впередъ дѣло народнаго просвѣщенія! Особенно быстрые результаты дали бы такія лекціи тамъ, гдѣ почва вполне подготовлена. Неужели это такъ и останется въ области мечтаній?

Я не стану, конечно, приводить отзывы о школахъ, ибо всѣ они имѣютъ, насколько я помню, мѣстный интересъ. Крестьяне указывали на неудобства расположенія школъ, на затрудненія въ пріемѣ. Указаній собственно педагогическаго характера, конечно, не было, но нерѣдко крестьяне давали весьма мѣткія замѣчанія о томъ или другомъ учителѣ.

Въ 3—мъ уѣздѣ N—ской губерніи земскія школы переносныя; три года школа находится въ сѣверномъ концѣ

волости, затѣмъ она отправляется на три года на югъ и т. д. Конечно, эти странствія отражаются и на состояніи школъ самымъ невыгоднымъ образомъ. Недовольны этимъ и крестьяне.

— Только-что ребятенки начнутъ пріучаться, глядь, школу и переведутъ,—жаловались часто они,—учи потомъ какъ знаешь...

Вообще въ N—ской губерніи запросъ на грамотность далеко превышаетъ предложеніе.

Потому-то такъ часты во многихъ мѣстахъ этой губерніи школы грамотности. Несомнѣнно, земству принадлежитъ главная заслуга распространенія просвѣщенія за послѣднія двадцать пять лѣтъ, но нельзя игнорировать и этихъ скромныхъ школъ. Есть нѣкоторые районы, которые своею грамотностью обязаны во многомъ именно этимъ школамъ, ибо оффиціальныхъ школъ въ этихъ мѣстностяхъ не много и заведены онѣ недавно. Это тѣ районы, изъ которыхъ мужское населеніе идетъ въ Питеръ и Москву, оттуда приносить убѣжденіе, что грамота необходима, и заводитъ свои школки.

Несомнѣнно, процентъ участія въ развитіи грамотности, принадлежащій этой долго непризнаваемой самодѣятельности народа, въ общемъ весьма невысокъ, но надо и его считать, каковъ онъ ни на есть.

Какъ ни симпатичны эти школки по своей идеѣ, но недостатки ихъ все-таки крайне велики. Самое большое зло составляетъ случайность выбора преподавателей. Какихъ только не приходилось регистрировать! И крестьянинъ, самъ едва разбирающій по печатному, лѣтомъ пастухъ, а зимой учитель, и отставной солдатъ, и поповичъ, убоявшійся премудрости и не кончившій духовнаго училища, и выгнанный со службы чиновникъ, и желѣзнодорожный жандармъ, и много другихъ сѣятелей, иногда сѣющихъ совсѣмъ невсхожія сѣмена. Педагогическіе приемы иного «дяди Федора» настолько дики, что отдачей къ нему въ учебу бабы страшатъ ревушихъ ребятъ.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ этихъ учителей занимаются своимъ дѣломъ очень долго. Напримѣръ въ деревнѣ Раменье живетъ одинъ крестьянинъ, учащій уже болѣе сорока лѣтъ. Это очень почтенный старикъ, не отличающійся однако отъ остальныхъ ничѣмъ, кромѣ нѣсколько большей грамотности. Ему помогаютъ въ обученіи двѣ взрослыхъ дочери. Разспрашивая его о томъ, какъ онъ преподаетъ, я обнаружилъ весьма большую бѣдность въ пособіяхъ, чего не скрывалъ и самъ учитель. Я спросилъ его, не хлопоталъ ли онъ, чтобы ему оказали помощь доставленіемъ учебниковъ.

— Просилъ, да что толку, — сказалъ онъ недовольнымъ тономъ, — меня, стало быть, учителемъ не признаютъ. Сказали мнѣ въ отвѣтъ: «выдержи экзаментъ на учителя, тогда пособіе дадимъ». А я ежели выдержу экзаментъ, — прибавилъ онъ съ насмѣшкою, — такъ въ попы лучше пойду...

Вообще типъ вольнопрактикующаго учителя не высокъ; шатко его положеніе, невелико и то просвѣщеніе, которое онъ несетъ. Но, капля по каплѣ, сотни этихъ скромныхъ тружениковъ, вызванныхъ проснувшейся потребностью въ знаніи, все-таки дѣлаютъ свое дѣло, все-таки прививаютъ все болѣе и болѣе вкусъ къ грамотѣ.

Несомнѣнно, что при возможности правильнаго общественнаго контроля, контингентъ этихъ учителей значительно улучшился бы, и мы имѣли бы въ школѣ грамотности настоящую школу, а не суррогатъ, теперь, навѣрное, ставшій еще ниже по качеству.

Крестьяне обыкновенно вовсе не восхищаются своими «вольными» школами. Уже одинъ срокъ ученія заставляетъ критически относиться къ нимъ.

— Надо бы школу, какъ слѣдуетъ, — говорили мнѣ крестьяне одного селенія, — а то это ученье по деревнямъ не настоящее...

Это мнѣніе, что ученье въ школахъ грамотности «не

настоящее», въ отношеніи успѣшности, мнѣ не разъ приходилось слышать.

— Горе наше,—говорили мнѣ въ другой деревнѣ,— до училища далеко, ну и нанимаемъ, кто къ намъ забредеть, только бы ребята дураками не оставались... Иной зимы три учить; ну, читать-писать кое-какъ выучить; разбираетъ съ грѣхомъ пополамъ мальчишка, съ насъ и довольно...

Изъ изложеннаго видно, что ни о какихъ усиліяхъ съ нашей стороны къ добыванію свѣдѣній о грамотности не можетъ быть и рѣчи.

Въ N—скомъ бланкѣ стоялъ вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ. Мы изслѣдовали причины раздѣловъ и бытовыя условія, сопровождающія это явленіе.

Вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ много разъ затрогивался въ нашей литературѣ. Семейные раздѣлы имѣютъ многочисленныхъ противниковъ. «Страшное зло!.. Воспретить!.. Затруднить!..» —такіе крики не разъ раздавались. Защитники, съ своей стороны, привели тоже не мало фактовъ, доказывающихъ, что «страшное зло» не такъ ужъ страшно. Вопросъ о времени раздѣла данной семьи былъ помѣщенъ въ подворную карточку; въ поселенномъ бланкѣ былъ вопросъ о томъ, сколько семей раздѣлилось за послѣдніе пять лѣтъ, какія причины вызвали эти раздѣлы, обстановка раздѣла, формальности и т. д.

Бывали случаи, что крестьяне на вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ отвѣчали вяло, равнодушно; онъ ихъ, видимо, не интересовалъ. Но иногда вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ являлся въ высшей степени интереснымъ, иногда онъ вызывалъ споры и выдѣлялъ изъ крестьянъ двѣ группы. Недовольные «отцы» роптали на непокорныхъ и непочтительныхъ «дѣтей». «Дѣти» энергично защищались. Я живо помню, какой горячій споръ завязался по этому поводу въ нѣкоемъ селѣ Никитскомъ.

— Потому и дѣлятся, что ослушаются, — ворчливымъ тономъ сказалъ одинъ изъ «отцовъ», почтенный длинно-

бородый старикъ, — развѣ теперь родителейъ уважаютъ? Ты ему слово, а онъ тебѣ десять, ты ему погрозишь, а онъ тебѣ тоже кулакъ кажетъ; ну и плюнешь, — иди, Богъ съ тобой. Нѣтъ, прежде, какъ бывало портки спустятъ да розгами-то хвостъ погладятъ, такъ вся дурь и выскочить...

— Такъ по-твоему рѣзать другъ друга лучше, а? — взволнованный, съ горящими глазами, крикнулъ ему одинъ изъ «дѣтей», молодой хозяинъ, у котораго данный вопросъ, видимо, затрогивалъ свѣжую рану, — хотъ вмѣстѣ жить невтерпежъ, по-твоему все-таки живи! Грызись, какъ собака на цѣпи, а разойтись не думай!... Этакъ лучше?...

«Отецъ» насупился, но только пробормоталъ что-то невнятное.

Жалобы «отцовъ», конечно, имѣютъ свои основанія. Растлѣвающая сторона вліянія городовъ часто сказывается при вопросѣ о семейныхъ раздѣлахъ; часто приходилось встрѣчаться съ проявленіемъ возмутительнаго эгоизма, черстваго равнодушія и жестокости со стороны вкусившихъ городской цивилизаціи «дѣтей»; часто внушалъ сожалѣніе какой-нибудь одинокій покинутый старикъ, жаловавшійся съ глубокою скорбью на то, что онъ вскормилъ-вспоилъ сына, а тотъ его теперь и знать не хочетъ.

Однако со стороны молодежи ярко выступала и другая черта: сознаніе своего нравственнаго достоинства, стремленіе устроить свою жизнь по своему личному усмотрѣнію, по правдѣ, уйти отъ вѣчныхъ драмъ въ родительскомъ домѣ, отъ «грѣха». Это стремленіе заставляло приносить матеріальныя жертвы, отказываться отъ своей доли въ имуществѣ, поднимать на себя всю тяготу нищенскаго существованія, только бы завоевать свободу. Оно сквозило и въ уродливыхъ формахъ семейныхъ несогласій.

Это стремленіе было такъ явно и сильно, что если бы на нашемъ мѣстѣ былъ какой-нибудь авторъ запретительныхъ проектовъ, пожалуй, онъ призадумался бы, и его категорическое veto нѣсколько смягчилось бы, если, ко-

нечно, онъ еще не потерялъ способности призадумываться надъ чѣмъ-либо.

Разспрашивая крестьянъ, я часто особенно старался помогать высказываться людямъ безпристрастнымъ, незаинтересованнымъ въ томъ или другомъ рѣшеніи данного вопроса. Со стороны такихъ наблюдателей не рѣдко слышалось: да, раздѣлъ вообще невыгоденъ, часто рискованъ, но причины настолько серьезны, что не дѣлиться нельзя; будетъ хуже, если препятствовать этому; все равно, «склеенная палка не крѣпка».

И вотъ, поэтому-то, я знаю случай, какъ въ одномъ селеніи мѣръ настоялъ, чтобы раздѣлились два ссорившихся брата, изъ которыхъ одинъ не хотѣлъ дѣлиться.

— Такъ-то лучше. — говорили по этому поводу крестьяне, — а то долго ли до грѣха. А что обѣдняютъ, пожалуй, такъ это кто знаетъ; для себя-то каждый старается, а вмѣстѣ все равно врозь тащутъ.

Вообще, за исключеніемъ недовольныхъ стариковъ, большинство крестьянъ всегда стояло за раздѣлъ. видя въ немъ единственный исходъ при натянутыхъ семейныхъ отношеніяхъ. Они ясно видѣли всю неизбѣжность такого исхода, всѣ крупныя и мелкія столкновенія интересовъ, которыя подтачивали и разрушали старую семью.

Надо еще замѣтить, что препятствія не останавливаютъ дѣлящихся. Оффиціально разрѣшенныхъ, признанныхъ и утвержденныхъ раздѣловъ можетъ быть, пожалуй, и немного, но помимо ихъ есть много раздѣловъ, при которыхъ ничьего согласія не испрашивалось, и міру приходилось признавать уже совершившійся фактъ. Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ, конечно, больше смуты, раздора и ожесточенія вносятся въ надтреснутую семью; приходится прибѣгать къ обходамъ, къ уловкамъ, ко всевозможнымъ ухищреніямъ, къ плутовству.

Итакъ, бесѣда о семейныхъ раздѣлахъ часто затрогивала самыя живыя стороны крестьянскаго быта; выясня-

лись ближайшія причины раздѣла, рассказывались различные семейныя исторіи, дѣлались характеристики...

— Почему дѣлимся-то? — объяснялъ одинъ, — а вотъ ты, баринъ, будешь, примѣрно, мой братъ. Ну, хорошо! Жили мы съ тобою въ Москвѣ, али, скажемъ, въ Питерѣ. Я-то домой три-четыре красненькихъ принесъ, а ты съ одной палочкой припожаловалъ, налегкѣ, стало быть, какъ го-пода по Невскому гуляютъ. Ну, тебѣ завидно, а мнѣ обидно, всякому свой кошель дороже. Пошли свары, тутъ бабы сцѣпились, дальше-больше. Ну-те васъ къ Богу, лучше отойтить!

— Въ свою-то избу войдешь, — говорилъ другой, — со-всѣмъ другое дѣло; тихо, хорошо; самъ себѣ голова, ни тебѣ никто не указываетъ, ни тебя никто не ругаетъ. Лестно, что и говорить!...

Правило *chercher la femme* особенно примѣнимо къ семейнымъ раздѣламъ. Въ семейныхъ исторіяхъ или дѣло начиналось съ бабьихъ стычекъ, или же бабы дѣятельно раздували вспыхнувшую искру раздора. Ростъ личности въ крестьянской средѣ не миновалъ и ихъ.

Пора уже кончать нашъ поселенный бланкъ, такъ затянувшійся.

Остаются еще нѣкоторые вопросы: о добываніи топлива, о распредѣленіи повинностей, о медицинской помощи, о призрѣніи убогихъ, о починкѣ дорогъ и пр.

Всѣ эти вопросы не представляли трудностей и не требовали, большею частью, съ нашей стороны никакихъ ухищреній. Когда рѣчь заходила о топливѣ, кое-гдѣ удавалось даже слышать откровенное признаніе въ томъ, что топливо добывается по ночамъ изъ сосѣднихъ помѣщичьихъ лѣсовъ — «крадькома», какъ говорили хохлы.

Бланкъ наконецъ законченъ и откладывается въ сторону, статистикъ вздыхаетъ съ облегченіемъ, крестьяне смотрятъ съ любопытствомъ, что дальше будетъ.

Начинается подворная перепись...

IV. ПОСРЕДНИКИ.

Настоящему, кровному канцеляристу, ревностно посвящающему свое перо на службу отечеству, малорусскія волостныя правленія придутся болѣе по душѣ, чѣмъ эти учрежденія въ N—ской губерніи. Z—ское волостное правленіе занимаетъ всегда просторную хату, часто могущую назваться домомъ; иногда это лучшее зданіе въ селѣ или мѣстечкѣ. Надъ крыльцомъ болѣе или менѣе свѣжая вывѣска, объясняющая общественное значеніе этого зданія, иногда даже безъ извѣстнаго каламбура благодаря отсутствію буквы т. Изъ сѣней дверь ведетъ въ главную комнату, гдѣ стоитъ длинный столъ, покрытый порядочно замазаннымъ сукномъ. Около стѣнъ два-три шкафа. Здѣсь вершатся и рѣшаются всѣ дѣла волости, происходитъ судъ, засѣдаютъ власти. Комната рядомъ назначена для архива, для занятій въ то время, когда главная комната не свободна. Большая комната по другую сторону сѣней служить для дежурящихъ десятскихъ, для ожидающаго народа; она представляетъ нѣчто въ родѣ пріемной.

Таковъ обычный типъ волостнаго правленія Z—ской губерніи. Чистотою оно, конечно, не отличается, полы грязны, окна по году ждуть мытья. Но все-таки и въ такомъ видѣ оно обладаетъ всѣми атрибутами канцелярскаго святилища. Нѣкоторыя же волостныя правленія

стараніями старшинъ, желавшихъ возвеличить мѣсто своей дѣятельности, имѣютъ уже совсѣмъ приличный видъ, не уступающій любому присутственному мѣсту въ провинціальномъ городѣ: стѣны безукоризненно выбѣлены, сукно на столѣ чисто, иногда имѣются даже вѣнскіе стулья, чисто вымытые полы устланы дорожками, по которымъ осторожно ступаютъ громадные мазанные дегтемъ хохлацкіе чоботы, повидимому, рассчитанные на слоновую, но какою-то ошибкою попавшіе на человѣческую ногу.

Есть, конечно, и сильно бѣдныя волостныя правленія, но, повторяю, во всякомъ случаѣ всегда можно быть увѣреннымъ, что волостное правленіе достаточно просторно, достаточно удобно для занятій. Мы вели перепись въ этихъ правленіяхъ вдвоемъ, втроемъ и не особенно мѣшали другъ другу.

Совсѣмъ другаго характера N—ская «волосная контора». Иногда мнѣ приходилось встрѣчать и вполнѣ соответствующія своей цѣли помѣщенія, но чаще это обыкновенная изба, съ танцующимъ крылечкомъ, подъ которымъ нерѣдко хрюкаетъ блаженствующая въ грязи свинья. Внутри изба тѣсна, съ низкимъ потолкомъ; небольшой столъ съ разложенными на немъ бумагами и шкафчикъ съ волостными книгами весьма мало скрашиваютъ естественные недостатки помѣщенія; за перегородкой крошечная каморка, въ которой трудно помѣститься троимъ-четыремъ. Иногда къ тому же «присутствіе» раздѣлено пополамъ для вящей внушительности шаткими перилами; тогда, работая за столомъ, чувствуешь себя посаженнымъ въ клѣтку; за перилами же, на пространствѣ какихъ нибудь трехъ-четырехъ квадратныхъ аршинъ набивается такая тѣсная толпа, что пройти даже для гоголевскаго городничаго является немалою задачею; какъ-то даже странно видѣть такихъ большихъ, длиннобородыхъ мужиковъ въ такомъ игрушечномъ помѣщеніи. Иной крестьянинъ глухо отзывается на вызовъ изъ самой глубины этой плотной толпы и тогда начинается порядочная тол-

котня при его усиліяхъ выбраться къ столу; съ трудомъ, выставивъ впередъ плечо, протискивается вызванный чрезъ живую стѣну и, выбравшись, тяжело дышетъ и вытираетъ обильный потъ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ N—ской губерніи волостныя правленія переносныя; какъ только выбираютъ новаго старшину, волостное правленіе перекочевываетъ къ нему на квартиру въ ту деревню, гдѣ онъ живетъ. При такомъ условіи помѣщенія иногда бываютъ уже совсѣмъ неудобныя для занятій.

Въ связи съ лучшимъ помѣщеніемъ малорусскія волостныя правленія солиднѣе и въ другихъ отношеніяхъ. Въ Z—скомъ волостномъ правленіи всегда находится сторожъ и часто кромѣ того очередной десятскій, такъ что, пріѣхавши, можно бываетъ довольно скоро вызвать кого нибудь изъ волостныхъ чиновъ.

При N—скихъ волостныхъ правленіяхъ тоже бываетъ сторожъ, но иногда ихъ одинъ Богъ бережетъ, и тогда довольно трудно добыть старшину или писаря. Однажды мы вдвоемъ пріѣхали въ небольшую деревушку Гачево Z—го уѣзда; волостное правленіе оказалось въ избѣ старшины. Мы вошли; никого не было; заглянули въ сосѣднюю каюту, тамъ тоже только наваленъ какой-то хламъ. Наконецъ подводчикъ нашелъ въ другой жилой избѣ какую-то бабу, вѣроятно жену старшины.

— Гдѣ вашъ старшина?

— Въ городъ уѣхадчи.

— А писарь?

— Тоже куды-то отлучимшись; кто ихъ знаетъ, — служба.

— Значить, такъ-таки никого и нельзя добыть?

— Гдѣ жъ ты ихъ достанешь? Не въ городъ бѣчь...

— Какъ же намъ помѣститься? здѣсь, что-ли?

— А что жъ? Хоть и здѣсь, милости просимъ; которые пріѣзжіе чиновники, здѣсь завсегда останавливаются.

Мы остались въ волостномъ правленіи и засѣли за

чаепитіе. Волостныя текущія книги были тутъ же, на столѣ, и мы могли заняться необходимыми выписками. За этою работою мы пробыли почти весь день; только подъ вечеръ пріѣхалъ изъ города волостной старшина и вовсе не былъ удивленъ, найдя неожиданно двухъ статистиковъ, хозяйничающихъ въ волостномъ правленіи.

Волостной писарь, играющій столь важную роль въ жизни волости, несомнѣнно болѣе солидная особа въ Малороссіи; тамъ у него обязательно всегда есть «підписарь», иногда два; весьма часто волостной писарь много лѣтъ сидитъ на одномъ мѣстѣ. Надо при этомъ замѣтить, что очень рѣдко встрѣчаются волостные писаря некрестьянскаго сословія.

Въ N-ской губерніи я рѣдко встрѣчалъ волостныхъ писарей болѣе или менѣе почтеннаго вида. Очень многіе изъ волостныхъ писарей совсѣмъ еще молодые парни. Встрѣчается иногда и посѣдѣвшій дѣлецъ, но это почти всегда какой нибудь выгнанный изъ службы, «пострадавшій за правду» чиновникъ.

Малорусскій волостной писарь гораздо исправнѣе и исполнительнѣе въ отправленіи своихъ обязанностей; у него гораздо больше порядка, больше правильности въ веденіи книгъ. Вообще хохолъ обнаруживаетъ немалыя способности къ канцелярской механикѣ, и нерѣдко въ писарѣ-хохлѣ можно встрѣтить самага типичнаго бюрократа. Недаромъ, можетъ быть, при Екатеринѣ и были изъ малороссовъ лучшіе чиновники, поставившіе и пустившіе въ ходъ нашу бюрократическую машину.

У писаря-великоросса все поставлено какъ-то легкомысленнѣе, все имѣетъ какой-то преходящій оттѣнокъ. Къ книгамъ своимъ онъ относится нерѣдко спустя рукава, нѣсколько насмѣшливо и пренебрежительно, какъ къ какому то пустому, ненастоящему занятію; дѣла записаны далеко не съ такою точностью, не съ такимъ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ обстоятельствъ, какъ это можно встрѣтить въ книгѣ хорошаго писаря-хохла. Въ

малорусскихъ волостныхъ правленіяхъ дѣла часто хранятся за много лѣтъ, въ великорусскихъ рѣдко можно найти архивъ; «сгорѣвши»,—объясняетъ писарь тономъ, въ которомъ слышится: «туда имъ и дорога!»

Къ пріѣзжему статистику Z—скій писарь относится съ обычною сдержанною и оффиціальною вѣжливостью и уклончивостью хохла. Вы можете работать цѣлый день въ волостномъ правленіи и онъ неподалеку отъ васъ будетъ молча заниматься своимъ дѣломъ, будетъ охотно давать разьясненія и отвѣчать на разспросы, но останется для васъ сфинксомъ. N—скій писарь съ перваго же знакомства обнаруживаетъ разговорчивость, первый начинаетъ рѣчь о томъ, о семъ, спрашиваетъ: «къ чему эта повѣрка?», высказываетъ, получивъ отвѣтъ, свои болѣе или менѣе глубокомысленныя соображенія; если вы обнаруживаете желаніе поддерживать разговоръ, то перо совсѣмъ откладывается въ сторону, и писарь предпочитаетъ заняться лучше живою бесѣдою, чѣмъ сухою канцелярщиною. Писарь-хохолъ держится на сторожѣ и въ близкія отношенія не вступаетъ, писарь великороссъ весьма часто готовъ держать себя съ самаго начала за панибрата. Писарь-хохолъ очень рѣдко, только при какомъ нибудь особенномъ обстоятельствѣ, выдастъ вамъ какую нибудь волостную тайну; писарь-великороссъ, если вы ему понравитесь и разговоритесь съ нимъ «по душѣ», легко можетъ вытащить изъ груды бумагъ какой нибудь интересный циркулярчикъ и подать вамъ, говоря:

— Вотъ вы тоже чиновникъ на службѣ, а смотрите-ка, какая бумажка-то къ намъ объ васъ пришла. Что за исторія?!...

И вы можете наслаждаться чтеніемъ доказательства чьей нибудь нѣжной заботливости о добропорядочномъ поведеніи вашей особы.

Писарь-хохолъ исправно и къ сроку выполнить ваши требованія; писарь-великороссъ наобѣщаетъ вамъ много, но часто исполнить только очень малую долю своихъ

обѣщаній; иногда же и увильнетъ отъ исполненія. Писарь артемовскаго волостнаго правленія 3—го уѣзда, радій, веселый и разговорчивый мужчина, обѣщалъ мнѣ «сею секундою» дать свѣдѣнія о числѣ выданныхъ видовъ на отлучку. Когда я на другой день, по окончаніи переписи, спросилъ ихъ у него, онъ съ самою веселою улыбкою отвѣчалъ:

— Ахъ, виды-то!... Вотъ вѣдь исторія! Заработался и совсѣмъ они изъ головы выскочили; вы ужъ извините, я непременно вамъ ихъ доставлю.

Я долженъ былъ опять заѣхать въ волостное правленіе черезъ три дня и назначилъ ему это какъ послѣдній срокъ.

— Помилуйте, три дня! Мнѣ нужно какія нибудь три минуты съ. Будьте спокойны!

Черезъ три дня я пріѣхалъ, и писарь съ тою же развязностью сожалѣлъ, что не управился.

— Какъ же теперь быть?

— Да не беспокойтесь! Я вамъ ихъ въ Н. вышлю.

— Смотрите-же, непременно вышлите эти свѣдѣнія; они намъ очень нужны.

— Да вы не успѣете домой вернуться, какъ они тамъ будутъ. Что вы съ! Это вѣдь сущіе пустяки!

Глядя на веселую и беззаботную фізіономію писаря, я всетаки нѣсколько сомнѣвался въ томъ, что онъ исполнитъ свое обѣщаніе, но дѣлать было нечего.

Шли недѣли, мѣсяцы, а свѣдѣнія все такъ и не доставлялись. Когда мы приступили къ разработкѣ уѣзда, мы обращались еще раза три за этими свѣдѣніями; въ управскихъ требованіяхъ ставились самые послѣдніе сроки. Отвѣтомъ было полное молчаніе. Такъ сборникъ и вышелъ въ свѣтъ безъ свѣдѣній о видахъ на отлучку по артемовской волости.

Я увѣренъ, что причиною молчанія было вовсе не злостное отношеніе писаря къ статистикѣ, а просто небрежность кровнаго великоросса въ канцелярскихъ дѣлахъ.

Онъ, можетъ быть, нѣсколько разъ самымъ искреннимъ образомъ собирался: «эхъ, давно пора бы отвѣтить управѣ; небось, ругаются...» да такъ и не собрался.

Конечно, и того и другаго, и хохла и великоросса, я характеризую здѣсь такимъ образомъ какъ суммарные типы; встрѣчались отклоненія и исключенія и тамъ и здѣсь.

Уже потому, что за человѣкъ старшина, мы могли иногда видѣть, какъ пойдетъ у насъ перепись волости. Всего непріятнѣе было встрѣтить безтолковаго, запуганнаго и теряющагося старшину. Иногда такому субъекту мы долго не могли растолковать, въ чемъ должно выразиться его нехитрое содѣйствіе; при первомъ же исполненіи нашихъ порученій онъ путалъ. При такомъ невыгодномъ старшинѣ иногда встрѣчалось немало затрудненій. Чѣмъ болѣе удалена отъ цивилизаціи данная мѣстность, тѣмъ чаще можно было встрѣтить такого волостнаго администратора, попавшаго на свой постъ всего скорѣе къ своему несчастью. Въ бойкихъ уѣздахъ N—ской губерніи такихъ старшинъ совсѣмъ не встрѣчалось. Тамашній бывалый мужикъ и вообще-то привыкъ не робѣть передъ господами, а въ старшины часто попадаетъ такой, котораго весьма трудно удивить или запугать даже докамъ и спеціалистамъ въ этомъ дѣлѣ. Такіе старшины не всегда бывали симпатичны, но столковаться съ ними было весьма легко.

Мнѣ при этомъ вспоминается одна сценка мирнаго укрощенія нѣкоего мѣстнаго администратора. Мы были въ селѣ Красномъ Ко—го уѣзда. Старшиною въ этой волости былъ высокій, дюжій крестьянинъ, ранѣе бывший плотникомъ и исходившій по своему ремеслу чуть не всю Россію. Права онъ былъ, повидимому, весьма суроваго и, какъ блюститель волостныхъ интересовъ, по слухамъ, онъ былъ не изъ безупречныхъ, но человѣкъ былъ очень толковый и смѣтливый и за себя умѣлъ постоять.

Мы занимались въ волостномъ правленіи, и старшина давалъ намъ нѣкоторыя разъясненія, когда вошелъ кто-то,

закутанный въ большую шубу (дѣло было зимою); за нимъ ящикъ несъ подушку и небольшой чемоданъ. Прибывшій разоблачился и оказался, судя по форменному сюртуку, становымъ. Это былъ еще молодой человѣкъ низкаго роста, очень упитанный; на пухломъ, безбородомъ лицѣ, украшенномъ заилывшими глазками, выражалось необыкновенное самодовольство. Мы узнали потомъ, что становымъ онъ былъ только - что назначенъ, раньше же прозябалъ въ какомъ-то мелкомъ губернскомъ полицейскомъ чинѣ; поэтому духъ его ликовалъ и весь онъ млѣлъ въ сладостномъ чувствѣ могущества новаго званія.

Старшина спокойно смотрѣлъ, какъ онъ разоблачался, и не выказывалъ ни малѣйшаго признака подобострастія. Въ новенькомъ мундирчикѣ, съ новенькимъ портфельчикомъ подъ мышкою, подошелъ къ намъ новенькій становой и, глядя вверхъ на возвышавшагося передъ нимъ старшину, строго спросилъ:

— Ты старшина?

— Я, — спокойно пробасилъ старшина.

— А недоимка по твоей волости есть? — еще повысивъ тонъ, задалъ становой вопросъ, долженствовавшій, вѣроятно, по его мнѣнію, уничтожить старшину. Онъ, видимо мечталъ при первомъ же своемъ появленіи навести такого страха, чтобы потомъ всѣ старшины передъ нимъ трепетали, какъ блаженной памяти хлестаковскіе чиновники. Онъ и задалъ этотъ вопросъ не потому, чтобы его непременно *ex officio* слѣдовало задавать при первомъ свиданіи, а такъ, чтобы только ошарашить, заставить почувствовать себя виноватымъ.

— Есть, — съ тѣмъ же хладнокровіемъ произнесъ старшина.

— Большая? — Тонъ былъ взятъ еще выше, но въ немъ уже промелькнула фальшивая нотка нѣкотораго удивленія передъ этимъ досаднымъ хладнокровіемъ.

— Порядочная, — послѣдовалъ отвѣтъ все тѣмъ же спокойнымъ тономъ.

Наступилъ кризисъ. Нужно было или разнести вдребзги дерзкаго своимъ спокойствіемъ мужика или же благоразумно отступить. Становой смутился, взглянулъ на невозмутимаго старшину, на писаря, тоже спокойно стоявшаго въ сторонѣ, на двухъ незнакомцевъ, видимо, наслаждавшихся сценою, и рѣшилъ, что выстрѣлъ не попалъ въ цѣль, что лучше отступить.

— Гдѣ бы тутъ помѣститься?—спросилъ онъ, съ дѣланнымъ равнодушіемъ переходя къ другой болѣе мирной темѣ.

— Пожалуйста, вотъ тутъ у насъ комнатка для господъ чиновниковъ...

Старшина съ вѣжливостью настоящаго хозяина повелъ становаго въ сосѣднюю комнату и вскорѣ возвратился опять въ присутственную. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ и становой и, дымя папиросою, сталъ гоголемъ прохаживаться по комнатѣ. Старшина внимательно разсматривалъ его и на его суровомъ рябомъ и скуластомъ лицѣ была легонькая усмѣшка. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; становой не удостоивалъ начать разговоръ.

— Недавно, вѣрно, ваше благородіе назначены въ должность?—спросилъ старшина и въ тонѣ его была ясно, хотя чуть-чуть, слышна насмѣшка.

Становаго покорило и отъ того, что старшина первый осмѣлился съ нимъ заговорить, и отъ тона вопроса, если только онъ его замѣтилъ.

— Нѣтъ, порядочно уже... двѣ недѣли, — процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— То-то мы вашего благородія пока еще не видали, — прежнимъ тономъ замѣтилъ старшина.

Становой ничего ему не отвѣчалъ и, обратившись къ намъ, спросилъ съ самою утонченною полицейскою вѣжливостью:

— Виноватъ съ; позвольте спросить, вы отъ губернскаго земства изволите быть командированными?

— Отъ губернскаго земства.

— На предметъ статистики изволите свѣдѣнія собирать?

— Совершенно вѣрно.

— Оч-чень пріятно-съ. Извините-съ, не смѣю больше мѣшать..

Мы въ это время уже собрались идти къ себѣ на квартиру и поэтому въ тотъ день больше уже не видали, какъ относились другъ къ другу становой и старшина. Когда я на другой день утромъ пришелъ въ волостное правленіе, я увидалъ, что за столомъ, на которомъ шипѣлъ самоваръ и красовались различныя закуски и бутылки съ нѣкоторыми пріятными напитками изъ уѣздныхъ погребковъ, благодушеествовали по-товарищески вчерашніе противники. Все величіе новоиспеченнаго администратора исчезло, онъ былъ простъ больше, чѣмъ слѣдовало бы. Оба они, становой и старшина, красные и потные, съ жирными, лоснящимися лицами, оба въ веселомъ подпитіи, смѣялись отъ души надъ какою-то изможденною бабою, пришедшею къ нимъ съ жалобою на тиранское обращеніе мужа.

— Измучилъ онъ, родимые, меня, горюшу, — жаловалась баба, — рученьки-ноженьки мнѣ перешибъ, измывается надо мною, какъ его душенькѣ угодно...

— Ты, тетка, ужъ не молоденькая, вонъ всѣ зубы съѣла, вотъ тебя мужъ и не любитъ, ха-ха-ха! — грохоталъ старшина.

— Ха-ха-ха! — звонко заливался становой и его крошечные глазки совсѣмъ исчезали.

Да, красновскій старшина оказался великимъ мастеромъ по части укрощенія и прирученія мелкихъ уѣздныхъ администраторовъ.

О скользкомъ пути волостнаго старшины писалось не мало. Дѣйствительно, намъ не разъ приходилось встрѣчать свихнувшихся въ этой должности прежде исправныхъ домохозяевъ. Напримѣръ, мы переписывали мѣстечко Келеберду З---ской губерніи и долго не видали старшины. На наши вопросы о немъ писарь, распорядившійся всѣмъ

въ волости, отвѣчалъ уклончиво: «должно быть, нездоровъ, онъ человѣкъ некрѣпкій». Подъ конецъ работы въ этой волости, когда мы переписывали хутора Горишнеплавлянскіе, явился крестьянинъ съ опухшимъ лицомъ, съ сильнымъ голосомъ, и рекомендовался старшиною. Онъ, видимо, только что чуть-чуть очухался отъ жестокаго перепоя. Я узналъ потомъ, что его дѣятельно спаиваетъ мѣстный воротила-кулакъ, имѣющій какую-то тайную цѣль.

— Развѣ какихъ дней пять-шесть въ мѣсяцъ бываетъ трезвъ нашъ старшина, — говорилъ мнѣ одинъ обыватель, — а то все безъ просыпа. А прежде то крестьянинъ былъ хоть куда. А ужъ дѣла въ нашей волости! Лучше и не приступаться!...

Это былъ настоящій «заклопотанный» старшина изъ «По ревизіи».

Когда мы пріѣхали въ яковлевскую волость Ко—го уѣзда Н—ской губерніи, старшина пришелъ къ намъ какъ будто и трезвымъ, хотя съ подозрительными пятнами на лицѣ; черезъ четверть часа, когда разсѣялось сдѣланное имъ чрезвычайное усиліе воли, онъ оказался безнадежно пьянымъ, но съ пьяною настойчивостью предлагалъ свои услуги, говорилъ, что у него въ волости «все одинъ секундъ и готово!...» Мы съ трудомъ отъ него отдѣлались. Безнадежными пьяницами оказались и другіе члены волостнаго правленія и, кажется, въ этомъ несчастномъ правленіи пьянство было нормальнымъ состояніемъ. Впрочемъ, Ко—скій уѣздъ особенный; въ немъ пьянствуютъ дико, свирѣпо, безумно, въ немъ передаютъ такіе невѣроятные рассказы о пьяныхъ подвигахъ мѣстныхъ дѣятелей, что переносишься въ эпоху за сто-полтораста лѣтъ до нашей, въ самую пучину ничѣмъ не стѣснявшагося самодурства.

И старшина явился къ намъ отъ мѣстнаго кулака туза, у котораго шло веліе пьянство подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ дворянскихъ столповъ, завятаго пьяницы. Какъ же и старшинѣ не быть пьяницею при такомъ лестномъ сліяніи сословій?...

Говорилось много также и о хищеніяхъ старшинъ. И съ этимъ приходилось встрѣчаться.

Въ N—ской губерніи, въ одномъ огромномъ селѣ, чрезвычайно важномъ торгово-промышленномъ центрѣ, былъ нѣкій старшина Губкинъ; благодаря его обширнымъ связямъ и могущественной поддержкѣ со стороны сильныхъ губернскаго міра, всѣ попытки сломить его оканчивались неудачею. Онъ, кажется, въ концѣ концовъ, насытившись, самъ ушелъ изъ старшинъ, какъ отпадаетъ напившаяся досыта пьявка.

Нечего и говорить, что онъ царилъ въ своей волости, не зная никакого контроля надъ собою, и крестьяне, покорно выбиравшіе его изъ года въ годъ, ничего не могли подѣлать съ нимъ. И вотъ когда вы проѣзжаете обширные песчаные пространства, кое гдѣ поросшія чахлыми сосенками, корявыми елками и низкими кустарными породами, подводчикъ вамъ говоритъ:

— Вотъ нашъ лѣсъ-то общественный. Ишь, какъ его Губкинъ счистилъ. А лѣсина-то, лѣсина-то, братецъ ты мой, былъ; сосны такія, что верхушка во-онъ гдѣ; взглянешь — шапка падала.

— Какъ же такъ ему удалось? Что же міръ смотрѣлъ?

— А что жъ ты съ нимъ подѣлаешь? Сила!...

— Такъ и рубилъ, сколько ему хотѣлось?

— Такъ и рубилъ... Тутъ, баринъ, развѣ только лѣнивый не грабилъ; сродственники то Губкина завсегда, гдѣ хошь, рубили, ровно въ своей вотчинѣ, а другой кто поклонится ему пятеркой али красенькой, ну и руби, гдѣ укажетъ. У него это въ родѣ какъ такця была положена. И сколько онъ съ этого самаго лѣса себѣ въ карманъ положилъ, этого онъ ужъ и самъ, пожалуй, не сосчитаетъ.. Плоты цѣлые гонялъ... Такъ-то, милячокъ!...

И обширные пространства великолѣпнаго лѣса, принадлежавшаго нѣсколькимъ десяткамъ селеній, вырублены безпощадно.

Съ однимъ изъ старшинъ-хищниковъ мнѣ пришлось по-

знакомиться лично. Мы вдвоемъ пріѣхали въ одинъ подгородный поселокъ N—ской губерніи. Въ этомъ поселкѣ, въ усадьбѣ старшины, и находится волостное правленіе. Здѣсь прежде была помѣщичья усадьба, а потомъ имѣніе купила компанія крестьянъ, образовавшихъ поселокъ. Старшина былъ однимъ изъ покупателей.

Мы вошли въ небольшую грязную избу, состоящую изъ двухъ комнатъ; вторая, бѣльшая, была «присутственною». Повидимому, никого въ избѣ не было, и мы стали совѣщаться, какъ намъ добыть старшину, который жилъ въ другомъ домѣ, по словамъ подводчика. Выйдя опять въ первую комнату, я замѣтилъ, что на кровати, прикрывшись шубой, кто-то лежалъ. Думая, что это сторожъ, мы начали будить спящаго. Вскочилъ высокій мужикъ лѣтъ сорока пяти.

— Вы кто, сторожъ что ли?

— Нѣтъ, я старшина; а вы кто такіе?

— Мы земскіе статистики...

— Вотъ тебѣ на! Не успѣлъ одного проводить, а тутъ еще Богъ даетъ,—съ неудовольствіемъ воскликнулъ старшина.

Оказалось, что незадолго до насъ заѣзжалъ одинъ изъ нашихъ статистиковъ, изслѣдовавшій помѣщичье хозяйство, и спрашивалъ о живущихъ въ волости помѣщикахъ. Старшина и думалъ, что онъ уже отдѣлался отъ посѣщенія статистиковъ. Я ему сказалъ, смѣясь, что это были цвѣтки, а вотъ теперь-то будутъ ягоды, и просилъ указать квартиру. Старшина грубо отвѣчалъ, что квартиры въ ихъ поселкѣ для насъ нѣтъ, и вообще держалъ себя крайне нелюбезно. Пришлось тогда прибѣгнуть къ исправническому удостовѣренію, требовавшему оказывать намъ содѣйствіе. Прочитавъ его, старшина быстро перемѣнился, и черезъ пять минутъ мы разговаривали уже довольно дружелюбно.

Особой квартиры все-таки не оказалось, и мы помѣстились тутъ же, въ волостномъ правленіи, хотя помѣщеніе было и не изъ удобныхъ. Старшина поставилъ самоваръ,

который подъ его опытною рукою поспѣлъ необыкновенно быстро, и мы засѣли за чай. Старшина принесъ стаканъ и для себя и за чаемъ болталъ не переставая. Былъ онъ человѣкъ весьма несимпатичнаго вида, съ грубымъ, мясистымъ лицомъ, съ неопратною клочковатою бородою, наглыми глазами и сиплымъ голосомъ.

Въ нѣсколько минутъ мы узнали всю его біографію.

— Мы тоже службу хо-хо какъ знаемъ; мы тоже въ Петербургѣ въ должностяхъ служили.

— Въ какихъ же?

— Въ кухонныхъ мужикахъ...

Онъ былъ кухоннымъ мужикомъ при одномъ очень крупномъ учрежденіи и тамъ положилъ начало своей фортунѣ. Въ этомъ учрежденіи всѣ крали, и кухонный мужикъ тоже имѣлъ свою долю, весьма немалую для крестьянина. Объ этомъ Иванъ Андреяновъ, такъ звали старшину, говорилъ нестѣсняясь и считалъ это вполне нормальнымъ явленіемъ, какъ считали, вѣроятно, и всѣ прочіе служащіе этого учрежденія.

Зашла рѣчь о покупкѣ имѣнія крестьянской компаніею. Оказалось, что имѣніе было продано прогорѣвшимъ помѣщикамъ; компаньоны собрались изъ разныхъ деревень и чуть ли не всѣ, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ, принадлежали къ тому же типу, что и старшина, чуть ли и ихъ капиталы не были такого же сомнительнаго происхожденія. Во владѣніе покупателей поступилъ между прочимъ и домъ съ полною обстановкою; землю они благополучно подѣлили пропорціонально внесеннымъ деньгамъ, изъ-за обстановки же возникла распря; оцѣнить и безобидно раздѣлить разные предметы для нихъ оказалось невозможнымъ и вотъ начался грабежъ; каждый хваталъ, что могъ; немало вещей при этомъ было попорчено. Иванъ Андреяновъ въ это время еще доканчивалъ свою карьеру въ Питерѣ и приобрѣлъ свою долю въ имѣніи черезъ одного родственника. Поэтому ему не удалось ничѣмъ пополь-

зоваться во время грабежа и это для него представляло источникъ всегдашняго сожалѣнія.

— Перины какія были! — сокрушенно передавалъ онъ намъ, — словно гора, такъ и тонешь въ пуху, а ихъ подлецъ Парфенъ Егоровъ ночью всѣ въ окно выкралъ; сколько потомъ выручилъ...

Далѣе Иванъ Андреяновъ разсказалъ намъ, что онъ устроилъ въ поселкѣ на свой счетъ помѣщеніе для земской школы.

— На земскомъ собраніи благодарность получилъ и теперича почетнымъ попечителемъ состоимъ-съ. Да-съ! ничего не жалѣемъ, потому стараемся. Школа-то мнѣ вона во сколько обошлась, а мы не жалуемся; еще нужно будетъ, еще дадимъ...

Наконецъ Иванъ Андреяновъ оказался совсѣмъ благодѣтелемъ своей волости.

— Теперь опять сколько мужиковъ къ сроку податей не вносятъ; всѣ ко мнѣ, за всѣхъ вношу, у меня такихъ путаниковъ-то можетъ не одна сотня...

— Изъ за чего жъ вы за недоимщиковъ платите?

— Потому какъ такое есть наше желаніе. Слава Богу, тоже понимаемъ. Отчего бѣдному человѣку не помочь; за то, можетъ, и мнѣ отъ Бога какая награда за мое благодѣяніе будетъ...

Дѣянія оказывались хорошія, но являлось всетаки сильное сомнѣніе, все ли въ данномъ случаѣ обстоитъ такъ благополучно.

Былъ уже поздній вечеръ; Иванъ Андреяновъ притащилъ намъ соломы, и мы, постеливши ее на полу, улеглись на обычномъ статистическомъ ложѣ.

Слѣдующій день былъ воскресный; мы засѣли за выборки изъ волостныхъ книгъ, старшина же уѣхалъ за нѣсколько верстъ въ городъ, гдѣ у него была мясная лавочка на базарѣ. За день намъ успѣлъ порядочно надѣсть писарь, молодой парень, расположившійся со своею

работою и не дававший намъ покоя своими разговорами; только повторное приглашеніе унять потокъ своего краснорѣчія наложило наконецъ печать молчанія на его уста. Подъ вечеръ явился и старшина, какъ оказалось, изрядно выпившій. Прежде всего онъ придрался за что-то къ писарю, раскричался на него и выгналъ вонъ. Писарь швырнулъ волостную книгу, которую онъ держалъ въ рукахъ, на столъ и ушелъ. Вѣроятно, такія стычки были между ними не въ первый разъ. Иванъ Андреяновъ, тяжело отдуваясь послѣ этой сцены, замѣтилъ намъ не безъ важности:

— Нельзя безъ строгостей, на то я начальникъ.

Мы рѣшили созвать въ волостное правленіе нѣсколько ближайшихъ мелкихъ деревень, расположенныхъ въ одной-полутора верстахъ, и я просилъ старшину разослать съ вечера же повѣстки о томъ, чтобы домохозяева явились на слѣдующее утро, въ такіе-то сроки.

— Не сумлѣвайтесь, — ухарски махнулъ рукою старшина, — мы и сами распорядились, завтра вся волость здѣсь будетъ...

Я такъ и ахнулъ при этомъ извѣстіи; если бы дѣйствительно старшина позвалъ на завтрашній день хотя бы далеко не всю волость, мы были бы въ очень печальномъ положеніи. Однако, когда я сказалъ старшинѣ, что онъ является отвѣтственнымъ за такое самовольное распоряженіе, онъ немедленно же ретировался, и оказалось, что онъ прихвастнулъ и совралъ; на самомъ же дѣлѣ онъ никого не извѣщалъ.

Скачки отъ наглой заносчивости къ трусливому низкопоклонству вообще меня крайне удивляли въ этомъ любопытномъ субъектѣ. Онъ дѣлалъ эти скачки замѣчательно легко, сразу, безъ всякихъ посредствующихъ ступеней.

Къ нашему чаю онъ опять примазался безъ приглашенія. Въ этотъ вечеръ онъ намъ надоѣлъ невыносимо, но ни у меня ни у моего спутника не хватило находчивости какъ-нибудь отдѣлаться отъ него. За то мы были

вознаграждены откровенностью. Хмѣль развязалъ языкъ Ивану Андреянову, и онъ разболтался напропалую.

— Въ нашемъ дѣлѣ хо-хо какъ строго нужно ухо держать!—толковалъ онъ,—особливо мнѣ. А почему? Потому нѣтъ хуже служить поблизу начальства. Къ другому старшинѣ непремѣнный членъ али исправникъ въ кои-то вѣки заглянетъ, а ко мнѣ ему рукой подать. Ну, всегда и будь въ струнѣ. Конечно, меня начальники любятъ и отличаютъ, а все жъ таки нужно остерегаться, — ну, какъ вдругъ прорвешься, зачинай потомъ... Н-ну, я, положимъ, знаю,—продолжалъ, ослабляясь, Иванъ Андреяновъ,—какъ начальству потрафлять, я его наскрозъ вижу, — свѣдѣнія какія потребуются — въ одинъ моментъ готово; распорядиться—ну, я на это совсѣмъ собака, — и онъ поднялъ свой волосатый кулакъ.

Рѣчь зашла между прочимъ объ училищѣ.

— Н-да, потратился я на него немало, а все жъ таки, по правдѣ сказать, въ накладѣ не остался...

— Благодарность отъ земства получили, вы говорили...

— И благодарность. Это, конечно пустяки; ежели бъ медаль, такъ оно было бъ виднѣе, но иначе жъ и это хорошо. Главное, страсть всѣмъ господамъ это понравилось... Какъ кончилось мое трехлѣтїе, стали выбирать старшину, Сергѣй Сергѣичъ (это былъ одинъ изъ мѣстныхъ вліятельныхъ дѣятелей) и говорятъ на сходѣ: что вамъ, ребята, ломать голову, кого выбирать! Выбирайте опять Ивана Андреянова, власть держать въ порядкѣ, вонъ школу устроилъ, — чего лучше? Ну, мужики поломались · поломались, а выбрали. Я какъ вижу, что мое дѣло выгорѣло, потомъ мужикамъ и говорю: какъ хотите, ребята, а мнѣ за такое жалованье служить обидно, триста рублей для меня все равно что наплевать, положьте хоть пятьсотъ. И Сергѣй Сергѣичъ мою руку поддержали. Ну, мужики пошумѣли и назначили мнѣ пятьсотъ. Что жъ, все подмога въ хозяйствѣ!...

Я замѣтилъ между прочимъ Ивану Андреянову, что меня

все-таки удивляетъ его готовность уплачивать за недоимщиковъ; при этомъ я прибавилъ, что этакъ онъ, пожалуй, въ накладъ останется. Этимъ замѣчаніемъ я затронулъ одну изъ чувствительнѣйшихъ струнъ его души. Иванъ Андреяновъ ужасно боялся, чтобы не подумали, что его могутъ облапошить, и онъ останется въ дуракахъ.

— Нѣтъ, это вы напрасно-съ! Мы тоже, слава Богу, смыслъ имѣемъ; у насъ все это форменно исдѣлано; на все есть засвидѣтельственныя росписки. Я теперича каждаго должника во-какъ вижу, на ладонкѣ; что у него есть, мнѣ это все преотлично извѣстно; чуть вижу, что у него копѣйка зашевелилась, пожалуйста, прошу должокъ...

— А проценты порядочные?

— Что жъ я за дуракъ, чтобы за пустяки давать! Сходственные... Положимъ, это еще вновѣ, я еще покуда мало съ кого требовалъ, а въ случаѣ чего, глядя по надобности, у насъ всегда полное право; кто добровольно хочетъ отдать, милости просимъ; которые противятся, мы и опися будемъ составлять... Какъ я теперича старшина, такъ что онъ противъ меня сдѣлаетъ?...

На другой день, во время переписи, Иванъ Андреяновъ выказывалъ самое дѣловое настроеніе, держалъ себя безукоризненно и умѣло помогалъ. Въ такомъ видѣ онъ могъ дѣйствительно заслужить репутацію исполнительнаго и смышленаго старшины. Вечеромъ мы уѣхали.

— Старшина-то нашъ,—говорилъ нашъ подводчикъ на вопросъ о личности старшины,—то есть я тебѣ, баринъ, скажу—собака, разбойникъ, какихъ мало; вотъ только голова у него немного со звономъ, особенно ежели выпьетъ, а то хоть совсѣмъ пропадай за нимъ.

Широкіе планы Ивана Андреянова безвременно пресѣклись и поймать всю водость въ разставленную западню ему не удалось: онъ умеръ года черезъ два послѣ нашего посѣщенія.

Встрѣчалось не мало другихъ вороватыхъ старшинъ, о подвигахъ которыхъ приходилось слышать разные рассказы.

Печальный фактъ, но изъ крестьянства выходятъ въ волостные старшины, въ большинствѣ случаевъ, такіе милые дѣятели. Встрѣчается однако кое когда здоровый элементъ и въ сильно испорченномъ волостномъ мірѣ.

Мой близкій товарищъ и другъ, покойный Г., рассказывалъ мнѣ про свое знакомство съ однимъ старшиною, который старшинствовалъ уже болѣе двадцати лѣтъ. Простой, почти неграмотный крестьянинъ, онъ относился къ своимъ обязанностямъ, какъ къ нѣкоторому священному долгу. Между прочимъ, онъ отличался своеобразнымъ аскетизмомъ: водки онъ совсѣмъ не пилъ, не пилъ и чаю ни съ кѣмъ въ компаніи. На предложеніе Г. подсѣсть къ самовару онъ отвѣтилъ:

— Съ вами, баринъ, я, пожалуй, попью чайку, а вотъ съ мужикомъ ни за что не сталъ бы...

— Это почему же такъ?

— А потому, что нашъ мужикъ со старшиною чай спроста пить не станетъ. Онъ знаетъ, что я водки не пью, такъ и норовитъ меня хоть чаемъ угостить; попьешь съ нимъ чайку, онъ ужъ и требуетъ, чтобы я его отличалъ за угощеніе... А по нашей службѣ это ухъ-какъ неспособно!..

Очень интересный новый типъ представляли старшины изъ лицъ, получившихъ извѣстное образованіе и оставшихся въ средѣ крестьянства. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ было гораздо труднѣе, чѣмъ простому, заурядному мужику. Для нихъ, конечно, гораздо легче противустоять водочному соблазну, но все-таки ихъ положеніе требовало очень тяжелой борьбы при отстаиваніи своего личнаго достоинства отъ нѣкоторыхъ посяганій; званіе старшины, какъ извѣстно, нисколько не избавляетъ отъ оскорбительнаго отношенія даже со стороны разной уѣздной мелкоты, и вотъ это-то представляетъ одно изъ серьезнѣйшихъ испытаній для старшины съ развитымъ чувствомъ собственного достоинства. Служебная карьера такихъ старшинъ обыкновенно недолговѣчна. Мнѣ передавали про одного старшину, козака Л—го уѣзда Z-ской губерніи, окончившаго

нѣсколько классовъ гимназіи, что уже черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ вступленія въ должность онъ имѣлъ исторію съ мелкимъ полицейскимъ чиномъ, грубо обратившимся къ нему съ «ты»; старшина попросилъ его быть вѣжливымъ, чинъ взялся на это, и дѣло кончилось весьма крупнымъ разговоромъ при свидѣтеляхъ; результатомъ этого было удаленіе старшины.

Въ одномъ изъ уѣздовъ той же губерніи я самъ встрѣтилъ интеллигентнаго старшину.

Я вошелъ въ волостное правленіе и, подошедши къ столу, спросилъ старшину; передо мною поднялась фигура, показавшаяся мнѣ черезъ мои запотѣвшіе очки гигантскою. Я разсмотрѣлъ потомъ, что передо мною дѣйствительно очень высокій, сильно сложенный мужчина съ умнымъ, хотя и некрасивымъ, лицомъ.

На мои вопросы о квартирѣ, на просьбу выдать волостныя книги старшина отвѣчалъ вполне правильнымъ языкомъ, тѣмъ свободнымъ и смѣлымъ тономъ интеллигентнаго человѣка, который не слышится въ рѣчи простаго крестьянина. Наша первая бесѣда ограничилась однако немногими фразами, и я съ товарищами отправился на приготовленную намъ квартиру.

Однако въ тотъ же день, когда я пришелъ работать въ волость, мы разговорились нѣсколько больше. Сперва наша бесѣда имѣла общій характеръ; мы поговорили о пользѣ статистическихъ работъ, о разныхъ разностяхъ изъ все-россійскаго міра; мой собесѣдникъ оказался интересующимся многими вопросами, читающимъ человѣкомъ.

Какъ-то зашла рѣчь о дѣятельности старшины.

— Нѣтъ поганѣ нашей старшинской должности, — сказалъ мнѣ Павлюкъ (назовемъ такъ старшину), — тутъ или озлобишься или одурѣешь. Я съ радостью сейчасъ же отказался бы, кабы моя воля. И ни о чемъ я такъ не мечтаю, какъ о томъ, что отслужу свое трехлѣтіе и раскланяюсь со всѣмъ здѣшнимъ міромъ.

— А вѣдь вы можете много пользы принести въ этой должности.

— Несомнѣнно. Кто же ближе къ крестьянину? Да только ломать себя не сладко...

Потомъ Павлюкъ посѣтилъ насъ на нашей квартирѣ, и мы съ нимъ больше разговорились.

— Я въ старшины-то случайно попалъ,—разсказывалъ онъ,—я сельскимъ учителемъ былъ, двѣнадцать лѣтъ пробылъ въ этой должности и еще готовъ былъ бы служить, потому что люблю это дѣло и нахожу его по себѣ. Да... а вотъ теперь старшинствую. Надо вамъ сказать, что наша волость за послѣдніе годы проворовалась такъ, что ужъ невтерпѣжъ никому стало; старшина подъ судъ попалъ, за нимъ всякихъ растратъ, злоупотребленій не оберешься; писарь выкрутился, хотя у него рыло сильно въ пуху. Вотъ когда пришлось выбирать новаго старшину, Семенъ Петровичъ и предложилъ меня, такъ какъ онъ меня давно знаетъ; а онъ у насъ человѣкъ всесильный. Я и ногами и руками, всячески упирался, всячески упрашивалъ уволить меня отъ этой чести, да ничего не помогло; Семенъ Петровичъ твердо стоялъ на своемъ, и меня выбрали. Скажетъ иной, что я могъ бы какъ нибудь отдѣлаться, добывъ свидѣтельство о неспособности къ службѣ по нездоровью. Конечно есть такіе способы, но прежде всего кто же выдастъ мнѣ это свидѣтельство при моемъ вольемъ здоровьи? Никакой болѣзни не придумаешь. А если бы какой врачъ и далъ, такъ Семенъ Петровичъ мнѣ прямо заявилъ на этотъ случай, что тогда онъ меня лишитъ должности учителя, какъ неспособнаго отправлять ее по слабости здоровья. Ха ха! какъ видите, ультиматумъ очень серьезный. Можетъ быть, это одна угроза, а все-таки... Волей-неволей пришлось согласиться. Такъ я и попалъ въ старшины...

— Но теперь вы сколько-нибудь свыклись съ своимъ положеніемъ?

— Какъ вамъ сказать? Съ чѣмъ, конечно. человѣкъ не свыкается; такъ и я уже осмотрѣлся и пріобрѣлъ кое-какую опытность. Прежде всего я писаря прогналъ; не мало было возни съ нимъ, но все-таки удалось воспользоваться кое-какими его грѣхами. Положимъ, онъ меня не провелъ бы, какъ какаго-нибудь безграмотнаго старшину, а все-таки, что за пріятность имѣть постоянно своимъ товарищемъ завѣдомаго мошенника и вѣчно быть насторожѣ. Такъ я до сихъ поръ, вотъ уже цѣлый годъ, безъ писаря справляюсь, самъ все дѣло веду. Приучаю одного неглупаго паробка къ этому дѣлу, можетъ быть, и выйдетъ изъ него хорошій писарекъ; онъ у меня за помощника. Немало затѣмъ было возни съ нашими козаками; прежній-то старшина и самъ развратился и ихъ испортилъ; они и привыкли въ старшинѣ видѣть какую то винную бочку. Смѣшно сказать, а какъ они на меня негодовали: «що це за старшина, що горилки не пье; ичь якій гордый!...» Ну, потомъ, понемножку, все-таки привыкли обходиться безъ угощеній. А затѣмъ, вы знаете, конечно, всякія приношенія, посулы, взятки... Все это, страхъ, коробить. Опять наши козаки въ страшной обидѣ, что старшина взятокъ не беретъ; они такъ и сжились съ тѣмъ, что въ волость съ пустыми руками идти не слѣдуетъ и, конечно, не вѣрятъ, чтобы я спроста отказывался отъ взятокъ. Немало я этимъ враговъ себѣ нажилъ. Понемножку однако отвыкають...

— Ну, вотъ вы сами видите, сколько вы пользы приносите,—замѣтилъ кто-то изъ насъ.

— Конечно, это я самъ вижу; я хорошо знаю, что моя дѣятельность можетъ быть очень полезною. А только я вамъ скажу, что въ нашей должности самолюбія не слѣдуетъ имѣть. Безъ самолюбія разлюбезное дѣло, можно какими угодно дѣлами ворочать и начальству очки втирать самымъ успѣшнымъ образомъ, а съ этимъ качествомъ иногда туго приходится. Надо вамъ сказать, что Иванъ Ивановичъ былъ противъ моего избрація. Онъ меня и раньше не-

множко зналъ и недолюбливалъ. Противъ Семена Петровича онъ однако не рѣшился пойти и волей-неволей согласился. Ну, а потомъ при первомъ свиданіи съ нимъ, уже въ санѣ старшины, я надлежащаго трепета не выказалъ, и онъ меня еще болѣе не взлюбилъ. Отсюда вѣчныя придирки. Онъ ждетъ не дождется предлога засадить меня за какое-нибудь упущеніе въ кутузку. Пока меня Богъ миловалъ, но все-таки вѣдь не гарантированъ же я на будущее время отъ этого позора. Впрочемъ я уже заявилъ, что въ такомъ случаѣ я во что бы то ни стало выйду въ отставку; пусть ужъ они сами тогда разбираются. А затѣмъ, конечно, при каждомъ свиданіи шумить, кричить, издѣвается. Слава Богу, вотъ только мой ростъ меня еще спасаетъ; самъ-то Иванъ Ивановичъ едва отъ земли виденъ; ну, и невольно нѣсколько укрощается... Это ужъ такая психологическая черточка...

Павлюкъ зло разсмѣялся; онъ былъ блѣденъ и говорилъ воднуясь; видимо, въ немъ уже много накупѣло.

— Вы не можете себѣ представить, до какихъ мелочей доходятъ придирки. Вотъ, напримѣръ... Вы знаете, конечно, что каждая волость ассигнуетъ извѣстную сумму на выписку газетъ. Громкое слово, не правда ли! На дѣлѣ, если что и выписывается, такъ губернскія вѣдомости. Я и выговорилъ себѣ у крестьянъ право выписать газету по своему усмотрѣнію. На первый разъ выписалъ, что полегче, поневиннѣе — «Ниву». Узнали объ этомъ; батюшки мои! вотъ заварилась каша. Затѣяли цѣлое слѣдствіе; меня, раба божьяго, сейчасъ потянули къ отвѣту. Зло меня взяло, сталъ я огрызаться. «Что же, — я говорю, — вы меня поставили старшиною да хотите, чтобы я отупѣлъ окончательно; посидѣли бы вы за разными волостными бумажками, такъ узнали бы, что онѣ значать! Иной разъ отъ нихъ не то, что «Ниву», сонникъ какой готовъ читать, только бы очухаться. Не на свой же счетъ мнѣ выписывать, жалованье не Богъ знаетъ какое, а я человѣкъ семейный». Ну, кажется, сами увидали, что

слишкомъ высокій тонъ былъ взятъ. Такъ «Ниву» наша уѣздная цензура мнѣ и разрѣшила. А зубъ противъ меня послѣ этого еще больше возымѣли.. А потомъ наѣзжаетъ всякій другой служащій людъ, все это требуетъ, кричитъ, лютуетъ... Нѣтъ, знаете ли, нервы у меня, слава Богу, крѣпкіе, а иногда едва выдерживаю....

Больше я Павлюка не видалъ. Не знаю его дальнѣйшей судьбы, удалось ли ему удержаться въ старшинахъ въ послѣдствіи, когда наступило господство мѣстоименія «ты»...

Я поэтому понимаю отвѣтъ одного развитого крестьянина:

— Вы спрашиваете, почему я не добиваюсь избранія въ старшины. А потому, что я не хочу въ себѣ человека ронять, потому что униженія вынести не могу. Конечно «могій вмѣстити да вмѣститъ», но если я не могу, въ правѣ ли вы съ меня спрашивать?..

Можетъ быть, кто-нибудь найдетъ его черезчуръ щепетильнымъ, кто-нибудь — недостаточно сильнымъ душою... Можетъ быть... А все-таки, въ правѣ ли мы, дѣйствительно, налагать на него бремя неудобноносимое?..

Мы перейдемъ теперь къ старостѣ. Какъ особый типъ, староста едва ли встрѣчается; мнѣ приходилось встрѣчать оригинальныхъ и интересныхъ старостъ, но они обращали на себя вниманіе, какъ личность, какъ субъектъ, а не благодаря своему званію. Это и понятно, ибо должность старосты является своего рода повинностью, которую часто несетъ по очереди каждый правоспособный хозяинъ. Поэтому-то въ сѣрой толпѣ селянъ староста и выдѣлялся для насъ только своимъ знакомъ, помимо жъ этого онъ былъ обыкновенно такимъ же зауряднымъ мужикомъ, какъ и другіе.

Обязанность старосты весьма тяжела, и каждый крестьянинъ большею частью весьма не радъ, когда на его долю выпадаетъ эта честь.

— Я казавъ обществу, — жаловался мнѣ одинъ ста-

роста, — визъмѣть съ мене сорокъ карбованцивъ, тильки ослобонить...

Понятное дѣло, особенно недовольны своею участію тѣ старосты, которые служатъ безъ жалованья, «за отбутокъ». Если общество назначаетъ старостѣ извѣстное вознагражденіе, это послѣднее все-таки служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ, хотя размѣры его часто ничтожны.

Далеко не каждое общество можетъ справиться съ налогомъ на содержаніе старосты. Встрѣчаются крошечныя общества изъ десятка-двухъ домохозяевъ, которыя тѣмъ не менѣе должны выбирать старосту. Въ такихъ хожденіе въ старостахъ является повинностью во всей своей полнотѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ обществъ придумываютъ все-таки сносный *modus vivendi*; они выбираютъ старосту официально на три года, но черезъ годъ подъ предлогомъ болѣзни или домашнихъ обстоятельствъ обязательно освобождаютъ отъ должности; это тоже составляетъ значительное облегченіе. Но есть и такія общества, которыя не знаютъ милосердія къ своему сочлену и заставляютъ служить даромъ всѣ три года. Это большею частью въ обездоленныхъ, разоренныхъ деревняхъ, въ которыхъ обыкновенно наблюдается апатія, равнодушіе, какъ къ разнымъ общественнымъ дѣламъ, такъ даже къ своему личному положенію. Равнодушно относится общество къ положенію своего старосты, не протестуетъ и самъ староста, и все обстоитъ тихо и спокойно.

Приведу еще одно любопытное объясненіе, которое мнѣ дали крестьяне с. Ржавца, Z—ской губерніи, на вопросъ, почему же они не положить жалованье своему старостѣ, если всѣ находятъ, что эта служба тяжела, если каждый недоволенъ выборомъ его въ старосты.

— Э! — сказалъ одинъ крестьянинъ, — положиты ёму жалованья! А я старостовавъ безъ жалованья, дакъ мени и обыдно. Ни, я терпѣвъ, нехай и винъ потерпыть...

Прочіе согласились съ этимъ; мѣстный *circulus vitiosus* такъ и не можетъ разорваться.

Главное неудобство званія старосты состоитъ въ томъ, что служба отрываетъ отъ хозяйства.

— Прийдешь до дому, — жаловался мнѣ одинъ староста, — подывысься, те не такъ, це погано, полаешь сына, поскубешь ёму чупрыну та й самъ бачышь, що ничего не зробишь...

Не удивительно поэтому, что нѣкоторые стремятся избавиться отъ выбора въ старосты какою бы то ни было цѣною.

— Вы вдова? — спросилъ одинъ нашъ статистикъ бѣдно одѣтую хохлушку.

— Ни, е чоловікъ.

— Гдѣ же онъ?

— У острожи.

— За что? — сорвалось у статистика.

Баба замаялась, не желая говорить, за что ея мужъ попалъ въ острогъ, и статистикъ уже хотѣлъ перейти къ другому вопросу, какъ одинъ изъ крестьянъ предупредительно сообщилъ:

— Осыку (осину) укравъ; та й осычына тая не бильшь, якъ злотъ (15 к.), стоить, а теперъ за злотъ и сидыть...

— Зачѣмъ же это онъ сдѣлалъ?

— Та дурный; ёго старостою наставылы, а винъ, щобъ не служыты, и укравъ.

Вотъ какъ у насъ иногда отъ почетныхъ должностей уклоняются! Такая радикальная мѣра является однако рѣдкостью.

Я уже сказалъ, что если платится жалованье, то дѣло обстоитъ лучше; иногда это обстоятельство даже совсѣмъ примиряетъ съ прочими неудобствами званія старосты. Такъ, напримѣръ, мнѣ пришлось встрѣтить въ одной волости N — ской губерніи старосту, должность котораго была для него своеобразнымъ промысломъ; онъ ходилъ въ старостахъ уже лѣтъ двадцать, свыкся со службою и вполнѣ былъ доволенъ опредѣленнымъ доходомъ, ко-

торый она ему приносила; крестьяне же были довольны тѣмъ, что имѣютъ опытнаго и умѣлаго старосту.

Иногда и среди старостъ можно встрѣтить развитыхъ людей. Такъ я зналъ одного старосту въ д. Кобылинѣ Н—ской губерніи, который раньше былъ бухгалтеромъ въ какой-то конторѣ въ Москвѣ и получалъ солидное жалованье. Отецъ его умеръ, младшій неженатый братъ не могъ одинъ справиться съ хозяйствомъ, и нашъ москвичъ промѣнялъ свою бухгалтерскую контору на соху. Онъ воротился въ деревню, вскорѣ былъ выбранъ старостою и съ честью несетъ свою должность. У него я видѣлъ книги и газеты. И здѣсь та же борьба, то же отстаиваніе личнаго достоинства отъ грубыхъ посягательствъ...

Я выказалъ бы большую неблагодарность, если бы не упомянулъ объ одномъ скромномъ труженикѣ пера. Это сельскій писарь. Въ Великороссіи этотъ типъ неизвѣстенъ; Н—скій староста весьма часто владѣетъ грамотой и самъ справляется съ разными общественными дѣлами, или же ему помогаетъ кто нибудь изъ домашнихъ, поэтому отдѣльной должности сельскаго писаря, кажется, нигдѣ нѣтъ; я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ.

Въ Малороссіи же почти въ каждомъ обществѣ сельскій писарь является необходимымъ помощникомъ старосты; онъ ведетъ всѣ письменныя дѣла, являющіяся непосильнымъ бременемъ для неграмотнаго старосты и сборщика.

Этотъ скромный сельскій грамотѣй представляетъ нѣкоторыя весьма симпатичныя черты. Сельскій писарь въ большинствѣ случаевъ далеко не такъ оторванъ отъ родной среды, отъ земли, какъ волостной, онъ не такой еще бюрократъ, какъ этотъ послѣдній. Нѣтъ, онъ живетъ такою же трудовою крестьянскою жизнью, какъ и всѣ другіе домохозяева его селенія; онъ только болѣе грамотный, чѣмъ другіе. Иногда эта грамотность такъ примитивна, что невольно приходилось смѣяться, разбирая разные документы, составленные сельскимъ писаремъ;

смѣялись и крестьяне надъ своимъ грамотѣмъ и наконецъ и онъ самъ начиналъ смѣяться.

— Це таке наше вченя, — говорилъ онъ, махнувъ рукою.

Увы! нерѣдко благодаря такой низкой степени грамотности и самъ писарь запутывается въ письменной отчетности и другихъ запутывается.

Сельскій писарь былъ намъ крайне полезенъ. Прежде всего онъ оказывалъ крупныя услуги при составленіи списка домохозяевъ. Иной писарь зналъ всѣхъ селянъ наперечетъ и при составленіи списка говорилъ другимъ:

— Стривайте бо, мовчыть, я самъ выкажу.

И дѣйствительно, «выказывалъ» часто совершенно безошибочно громадное село. Крестьяне одобрительно замѣчали:

— О, нашъ писарь голова! Такого ще треба пошукаты.

— Чому тамъ не выказать; слава Богу, усихъ знаю, — говорилъ сельскій писарь, довольный своимъ скромнымъ триумфомъ.

Когда намъ приходилось особенно спѣшить съ работою, мы иногда посылали въ слѣдующее селеніе, куда должны были переѣхать, подробное наставленіе, какъ составить списокъ, и просили приготовить этотъ списокъ къ нашему приѣзду. И вотъ, когда мы являлись на мѣсто, писарь приносилъ намъ уже готовый списокъ, написанный крупнымъ, нетвердымъ почеркомъ. Часто, просмотрѣвъ списокъ, можно было только сказать:

— Ну, спасибо вамъ; все какъ слѣдуетъ.

И немедленно начиналась работа.

Во время составленія поселеннаго бланка писарь часто давалъ тоже драгоцѣнныя свѣдѣнія. При этомъ онъ своимъ мнѣніемъ не стѣснялъ другихъ, какъ это иногда случалось при участіи волостныхъ властей. Повторяю, онъ не начальствующее лицо, въ немъ не заискиваютъ, онъ только умственная сила селенія.

Когда же мы приступали къ переписи, сельскій писарь

нерѣдко являлся нашимъ первымъ помощникомъ. Бывало такъ, что посадивъ его рядомъ и объяснивъ, въ чемъ дѣло, мы давали ему искать по экспликаціи или уставной грамотѣ земельные участки опрашиваемыхъ крестьянъ. И вотъ, пока мы опрашивали крестьянина по другимъ рубрикамъ, заскорузлый палецъ сельскаго писаря уже лежалъ на отысканной цифрѣ; затѣмъ слѣдовала наша справка, въ одну минуту выяснялось землевладѣніе домохозяина, и цифра ставилась въ соотвѣтствующую графу карточки. И главнѣйшая польза этого сотрудничества была, конечно, не въ отысканіи цифры, а въ томъ, что писарь, зная прекрасно хозяйство каждаго, тутъ же сообщалъ всѣ измѣненія въ его землевладѣніи противъ экспликаціи.

— Тутечки записано за нимъ семь десятинъ, — говорилъ онъ, указывая въ книгѣ, — та потимъ ще сколько ты прыкупывъ, Лазоре, чотыре або пять?

Или же писарь говорилъ:

— Ось тутъ стоитъ девять десятинъ пятьсотъ сорокъ сажень; изъ цего четъ одійшла Юрку Байдузи, а восьма часть Уляни Вакуленчиси ..

Оставалось только сдѣлать простое ариѳметическое вычисленіе. Благодаря такому способу ошибки были почти немыслимы и перепись шла необыкновенно быстро. Благодаря помощи писаря мы иногда въ одинъ день кончали то, на что при другихъ условіяхъ потребовалось бы полтора, два дня. Такимъ образомъ умственная сила деревни избавляла своихъ односелецевъ отъ излишняго статистическаго поста.

Встрѣчались такіе знатоки положенія дѣлъ въ своемъ селѣ, что по всѣмъ вообще вопросамъ они являлись контролерами.

— А рыжаго стрыжака и забувъ показаты, Нычипоре. — замѣчалъ иногда такой знатокъ какому нибудь крестьянину, перечислявшему свой скотъ.

— О! и справди забувъ,— смѣясь отвѣчалъ забывшій,— такъ, маленькій ще коныкъ, такъ воно й не въ догадъ...

При помощи сельскаго писаря намъ удавалось также установить болѣе искреннія и прямыя отношенія съ опрашиваемыми крестьянами; онъ являлся посредствующимъ звеномъ, при видѣ и содѣйствіи котораго крестьяне отвѣчали болѣе свободно и охотно.

Сравнительно рѣдко въ роли сельскаго писаря встрѣчался посторонній, не крестьянинъ мѣстнаго общества. Это однако бывало; иногда попадался крестьянинъ-чужакъ, иногда поповичъ, а одинъ разъ я встрѣтилъ дворянина съ иностранною, очень звучною фамиліею, чуть-ли не послѣдняго представителя какого-то древняго княжескаго дома. Этотъ потомокъ знаменитыхъ предковъ, высокій сѣдой старикъ, глухой и съ безумными, странно бѣгающими глазами, послѣ долгихъ скитаній по житейскому морю, забрелъ лѣтъ десять тому назадъ въ село, застрялъ въ немъ и занялъ должность сельскаго писаря; общество выплачивало ему маленькое жалованье и держало его больше изъ жалости, потому что онъ велъ дѣла самымъ невозможнымъ, какъ видѣли и сами крестьяне, образомъ.

Сельскій писарь въ Малороссіи является первичнымъ статистическимъ органомъ для различныхъ учрежденій. Получается, наприим., въ волости изъ какого-нибудь учрежденія обширная вѣдомость съ множествомъ графъ, которыя нужно заполнить «точными» свѣдѣніями. Волостной писарь даетъ помощникамъ переписать эту вѣдомость по числу обществъ, и волостное правленіе разсылаетъ копіи со строжайшимъ приказомъ доставить отвѣты тогда-то. Получаетъ сельскій писарь такую копію и мучается... Въ немногихъ изъ нихъ успѣло уже развиться легкомысленное отношеніе къ вѣдомостямъ, сопровождаемымъ такимъ внушеніемъ, и вотъ бѣдный писарь потѣетъ надъ ними, усиливаясь понять иногда очень хитрые заголовки и не зная, какъ добыть нужныя свѣдѣнія.

— Отъ-це не знаю, що мени робыты, якъ одвичаты а воны требуютъ, щобъ найскоришъ, — говорилъ мнѣ одинъ сельскій писарь, — багато такого, що ніякъ не уто-ропаешь (поймешь); растолкуйте мени, будьте ласковы, що воно таке обозначае...

И недоумѣвающій писарь подалъ мнѣ цѣлую тетрадь съ разлинованными графами и надписанными заголовками. Я объяснилъ, что требовалось, но признаюсь, если-бы мнѣ пришлось отвѣчать, относительно многихъ вопро-совъ я былъ-бы въ такомъ-же недоумѣніи, какъ и пи-сарь, откуда мнѣ добыть такія хитрыя свѣдѣнія.

Выѣхавъ изъ волостного села, мы производили перепись въ Z—ской губерніи обыкновенно въ сельскихъ сборняхъ, составляющихъ тамъ необходимую принадлежность почти каждаго селенія; иногда, если сборня была ужъ очень тѣсна («погана», по признанію самихъ крестьянъ), со-бирали крестьянъ и у себя на квартирѣ, по соглашенію съ хозяиномъ.

Въ N—ской губерніи нелюбовь къ бюрократическимъ началамъ сказывается и въ отсутствіи сборенъ; тамъ мы работали въ той избѣ, гдѣ находили себѣ пріютъ.

У. ВНѢ ПРОГРАММЫ.

Сидѣли какъ-то подъ вечеръ два Z—скихъ статистика, пріѣхавшіе ранѣе другихъ въ уѣздный городъ, на крыльцѣ своей квартиры, ожидая пріѣзда товарищей. Глухой, ничтожный городишка находится верстахъ въ пятнадцати отъ станціи желѣзной дороги.

— Гей, Кузьма!—услышали они голосъ одного туземца, только что пріѣхавшаго съ вокзала и слѣзавшаго съ тѣлѣги неподалеку отъ ихъ квартиры.

— Чого?—послышалось съ одной прызьбы, гдѣ сидѣлъ, наслаждаясь медленнымъ куреніемъ люльки, хохоль-извощикъ.

— Что на вокзалъ сегодня не ѣздилъ?

— А якого биса бѣ я видтиля привизъ? Чого дурно йиздыть?—флегматично спросилъ Кузьма вмѣсто отвѣта.

— Эхъ, ты! Сидишь тутъ, а тамъ человѣкъ двадцать актеровъ пріѣхало, багажа сколько; всѣ подводы расхватали.

— Ну?—воскликнулъ Кузьма, оживляясь.

— То-то ну! Кабы поѣхаль, заработилъ бы копѣйку.

— Кто жъ ихъ знавъ, бисовыхъ дитей,—основательно отвѣчалъ недовольный Кузьма.

— Навѣрное, это наши пріѣхали, — замѣтилъ одинъ изъ статистиковъ своему товарищу.

Дѣйствительно, черезъ четверть часа пріѣхали статистики. Ихъ небольшую компанію въ шесть человѣкъ туземная фантазія увеличила слишкомъ въ три раза.

За актеровъ уѣздные обыватели насъ не разъ принимали. Принимали также иногда за членовъ судебной сессіи. Случалось, что въ дверь номера, занимаемаго нами въ гостинницѣ, слышался осторожный стукъ. На приглашеніе войти, въ отворяющуюся дверь просовывалась прежде всего чья-то умильная и сладкая фізіономія. Затѣмъ вѣжливенько и осторожно входилъ и обладатель фізіономіи и оказывался, судя по длиннополному сюртуку и манерамъ, мѣстнымъ мелкимъ коммерсантомъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, на вопросъ, чѣмъ можемъ служить, посѣтитель проникновеннымъ голосомъ говорить:

— Какъ, значитъ, мы наслышаны, что къ намъ прібыла сессія-съ, уповательно думать, что изволите состоять промежду нихъ-съ...

И посѣтитель доставалъ уже изъ кармана толстую пачку документовъ.

— Нѣтъ, что вы, помилуйте! Какая тутъ сессія! Мы совсѣмъ по другимъ дѣламъ, — испуганно перебивалъ статистикъ.

— Виновать-съ! Значитъ, мы ошиблись. А у насъ тутъ дѣльце есть, такъ я хотѣлъ-съ... Прощенья просимъ... Ошибки въ фальшь не поставьте...

И мѣстный дѣлецъ, видимо обремененный множествомъ тяжбъ, уходилъ. Бывали и такіе, что сразу не отступали, а, помявшись, продолжали:

— Те-екъ-съ! Намъ бы совѣтца спросить... Всячески юридическіе порядки вамъ извѣстны...

Отъ такого господина иногда было не легко отдѣлаться. Такимъ образомъ, наше пребываніе въ уѣздномъ городѣ имѣло иногда нѣсколько водевильный оттѣнокъ.

Сельское населеніе не знаетъ пріѣздовъ актеровъ или

судейскихъ, поэтому ни за тѣхъ ни за другихъ насъ не принимали. За то часто высказывались предположенія, что наше посѣщеніе «на счетъ налога». Этого толкованія не чужда была и сельская «интеллигенція»; когда же оказывалось, что мы неприкосновенны ни къ какому налогу, не рѣдко обыватели приходили къ заключенію, что вся наша перепись ничто иное, какъ ни къ чему не ведущее «баловство».

Я пришелъ однажды къ нѣкому отцу Павлу собрать свѣдѣнія о ружной землѣ. Онъ оказался уже пожилымъ человѣкомъ, съ козлиною бородкой, съ лицомъ, выражавшимъ все, что требовалось изобразить въ данную минуту. Я, право, никогда еще не встрѣчалъ болѣе счастливаго лица. Мускулы его были необыкновенно подвижны, и при разговорѣ отецъ Павелъ положительно игралъ лицомъ; оно то и дѣло пзмѣнялось въ зависимости отъ предложеннаго отцомъ Павломъ вопроса, отъ полученнаго имъ отвѣта. То умиленіе, то внимательность, то строгость, то игривость, то благодушіе, — словомъ, какая-то зыбь выраженій не покидала его лика. Преобладали при этомъ выраженія, пріятныя въ общжитіи.

Я увѣренъ, что отецъ Павелъ одинъ изъ самыхъ равнодушныхъ людей въ мірѣ, но его необыкновенно развитые лицевые мускулы никогда не выражали равнодушія къ словамъ собесѣдника, и всегда лицо его было готово играть самымъ проникновеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Нечего и говорить, что улыбка почти никогда не покидала его устъ; существительныя онъ любилъ употреблять больше въ уменьшительной и ласкательной формѣ и говорилъ сладкимъ теноркомъ. Какой великій талантъ прозябалъ въ безвѣстномъ захоlustьѣ!

На мгновеніе лицо его блеснуло пугливымъ недоумѣніемъ, когда я вошелъ въ его чистенькое зальце, но немедленно же оно засіяло радушіемъ.

Я объяснилъ ему цѣль своего визита. Отецъ Павелъ

съ пріятнѣйшею улыбкою предоставилъ себя въ мое полное распоряженіе. Я сталъ раскладывать свои бумаги.

— Слыхалъ-съ, слыхалъ-съ, — началъ отецъ Павелъ разговоръ, — мужички говорили, что изволите все переписывать.

И перегнувшись черезъ столъ и, понизивъ голосъ, хотя мы были только вдвоемъ, отецъ Павелъ спросилъ меня съ таинственнымъ выраженіемъ лица:

— Что же сія перепись знаменуетъ? Новое финансовое мѣропріятіе?...

Я кратко объяснилъ ему, что такое она знаменуетъ. Лицо отца Павла было воплощенное вниманіе, но когда я кончилъ, оно ясно выразило разочарованіе.

— И только-съ? — спросилъ онъ меня.

— Да, только; вотъ то, что я вамъ сказалъ.

Мышцы лица отца Павла дрогнули, и выраженіе моментально перемѣнилось; глаза игриво засіяли, широкая улыбка открыла гнилые зубы, и козлиная борода затряслась отъ легонькаго, вѣжливаго смѣшка.

— Даетъ земство заработокъ своимъ служащимъ, хе-хе-хе! Чего только не выдумаютъ! Ничего-съ, хе-хе! Вамъ то что? Лишь бы платили, а то отчего не переписывать...

Это вѣдь крупная дерзость, пожалуй, но надо принять во вниманіе, что насмѣшливое отношеніе отца Павла вовсе не касалось меня. Онъ насмѣхался надъ непонятными для него затѣями земства, а меня лично вовсе не имѣлъ въ виду; ему ни въ какомъ случаѣ не приходило въ голову, что если статистика пустая затѣя, то безнравственно и заниматься ею. Онъ бы, вѣроятно, удивился, если бы кто-нибудь сказалъ ему это. Ко мнѣ онъ, видимо, почувствовалъ даже большую теплоту и симпатію: «вотъ, молъ, ловкачъ какой, къ какому теплему дѣлу съумѣлъ примазаться!»

Подъ легонькій смѣшокъ отца Павла я копался въ своемъ портфелѣ.

Съ выраженіемъ крайней заботливости о моей особѣ отецъ Павелъ спросилъ меня немедленно:

— Сколько изволите получать?...

— Столько-то.

— Что жъ, ничего! Жить можно, — и лицо отца Павла выразило полное участіе къ моему житью-бытью.

— Можно, — согласился и я.

— А изъ какого званія изволите происходить, позвольте спросить?

Я удовлетворилъ любознательности отца Павла и въ этомъ отношеніи. За симъ послѣдовалъ нѣкоторый перерывъ. Мой собесѣдникъ почувствовалъ, что вести допросъ непрерывно, вопросъ за вопросомъ, нѣсколько неловко, поэтому испустилъ протяжный вздохъ, къ чему то произнесъ раздумчиво: «дѣла, дѣла!» и нѣсколько секундъ молча барабанилъ пальцемъ по столу, я же рылся въ портфель и, къ своей досадѣ, никакъ не могъ найти необходимаго бланка.

Наконецъ отецъ Павелъ почувствовалъ, что перерывъ, требуемый приличіемъ, истекъ, поэтому послѣдовалъ быстрый вопросъ:

— Обучаться гдѣ изволили?

— Въ университетѣ.

— А! — протянулъ отецъ Павелъ и изобразилъ на своемъ лицѣ, что онъ чрезвычайно высокаго мнѣнія объ университетѣ.

— Въ брачномъ состояніи изволите быть или еще не сочетались бракомъ?

И ласковый отецъ Павелъ въ теченіе какихъ-нибудь пяти минутъ предложилъ рядъ опредѣляющихъ мою личностъ вопросовъ, съ краткими перерывами, состоявшими изъ вздоховъ, легонькихъ зѣвковъ, прикрытыхъ вѣжливо рукою, различныхъ неопредѣленныхъ междометій, которыми такъ богатъ русскій человѣкъ; такимъ образомъ мое *curriculum vitae* сдѣлалось ему вполнѣ извѣстнымъ. Я еще не успѣлъ собрать свѣдѣній объ его хозяйствѣ, какъ

онъ собралъ свѣдѣнія обо мнѣ. А ликомъ своимъ отецъ Павелъ при каждомъ вопросѣ изображалъ полную готовность влѣзть въ вашу душу или васъ помѣстить въ своей ласковой и обходительной душѣ, если это вамъ угодно.

Потомъ ликъ его принялъ серьезное выраженіе и онъ освѣдомился, что новаго слышно въ губерніи по духовному вѣдомству. Я однако оказался крайнимъ невѣждою въ этомъ, въ чемъ откровенно и признался. Послѣ этого отецъ Павелъ нѣсколько охладѣлъ ко мнѣ и на лицѣ его выразилось даже нѣкоторое осужденіе, хотя въ самой умѣренной, чуть замѣтной дозѣ.

Давая свѣдѣнія, отецъ Павелъ началъ было рисовать въ самыхъ мрачныхъ краскахъ почвенныя условія ружной земли, состоящей въ пользованіи причта. «Хотя къ налогу это касательства не имѣетъ, — вѣроятно, рассуждалъ онъ, — а все-таки...»

— Песочекъ-съ! — съ сокрушенно-ласковымъ видомъ характеризовалъ онъ, — самый желтенькій песочекъ-съ! Такъ развѣ кое-гдѣ проглянетъ участочекъ, болѣе благодарный для землепашца...

По дорогѣ въ село, я случайно видѣлъ проѣздомъ ружную землю, слышалъ также и отзывы о ней, поэтому и сказалъ отцу Павлу, что онъ черезчуръ пессимистически относится къ этой землѣ. Отцу Павлу, видимо, это было непріятно, но онъ любезно согласился, прибавивъ съ пріятною улыбкою, что моему «просвѣщенному наукою глазу» это виднѣе.

Прощаясь со мною, любезный батюшка спросилъ:

— Такъ повсюду въ нашихъ палестинахъ и будете странствія совершать?...

— Повсюду.

— Хе-хе-хе! Отчего не попутешествовать-съ для развлеченія! Счастливаго пути! Очень, очень пріятно было познакомиться...

Свѣдѣнія я добылъ весьма удовлетворительныя, но все-таки вернулся къ себѣ въ самомъ мрачномъ расположеніи

духа. Съ отцомъ Павломъ, благодаря его обаятельной любезности, мы, какъ видитъ читатель, покончили успѣшно. Бывали приключенія похуже, приходилось встрѣчать совсѣмъ нелюбезный пріемъ или же упорное недовѣріе. Это бывало и среди представителей наиболѣе просвѣщенныхъ мѣстныхъ сословій. И въ этой средѣ встрѣтить сочувствіе къ своему дѣлу или же убѣдить, что земская статистика не ловушка и не пустая затѣя, удавалось не всегда.

Не удивительно поэтому, что и крестьяне при пріѣздѣ статистиковъ весьма часто прежде всего соображали, не къ карману ли ихъ относится этотъ экстраординарный визитъ. А это, конечно, обуславливало недовѣрчивое отношеніе къ собиранію свѣдѣній.

Чѣмъ болѣе глуха данная мѣстность, тѣмъ чаще можно было встрѣтить въ ней недовѣріе къ заѣзжимъ гостямъ. У насъ есть такіе дикіе углы, населеніе которыхъ представляетъ поражающую пучину невѣжества. Въ такихъ пропастныхъ мѣстахъ пріѣзду постороннихъ приписываются иногда совсѣмъ душепогубительныя цѣли.

Мнѣ пришлось читать, что въ какомъ-то глухомъ уѣздѣ одной изъ поволжскихъ губерній статистика возвели въ совсѣмъ неожиданный рангъ, а именно онъ сочтенъ былъ за самого князя тьмы, антихриста, перепись же ознаменовывала приближеніе страшнаго суда. Бѣдный статистикъ спокойно велъ свое дѣло и не подозрѣвалъ о своемъ высокомъ чинѣ; только какая-то случайность открыла ему, какими глазами смотрятъ на него крестьяне. А сочли его за антихриста изъ-за того, что онъ переписывалъ, не скидая почему-то черныхъ перчатокъ, и такимъ образомъ скрывалъ, по мнѣнію крестьянъ, свои адскіе когти. Чѣмъ развитѣе населеніе, чѣмъ болѣе оно видало и испытало, тѣмъ рѣже оно придавало нашему дѣлу значеніе какого-то подвоха. Въ N—ской губерніи есть и глухіе углы, но есть также много бойкихъ мѣстностей, населенныхъ крестьянами, хорошо знающими Москву и Питеръ. Тамъ вести изслѣдованіе было гораздо легче, ибо народъ смѣтливѣе,

толковѣе, безбоязненно разговариваетъ съ прїѣзжимъ, спорить какъ равный, догадывается самъ: «эта перепись, чтобы, значить, узнать наши порядки; что жъ, пиши!...»

Если можно было разглядѣть, хотя бы чуть-чуть видно, хотя бы далеко, въ туманѣ, тотъ берегъ громадной умственной пропасти, раздѣляющей народъ и интеллигенцію, все-таки можно было сколько нибудь понять другъ друга; если же тотъ берегъ уходилъ въ такую страшную, невѣдомую даль, въ область легендъ объ антихристѣ, всякая возможность взаимнаго пониманія исчезала. Въ N — ской губерніи чаще можно было установить хотя бы весьма несовершенное пониманіе другъ друга, а это очень выгодно отзывалось на работѣ. Отношенія становились правдивѣе, легче становилось столковаться, иногда можно было добиться настоящаго, безкорыстнаго довѣрія. Я говорю, конечно объ общемъ тонѣ, объ общемъ характерѣ N — ской и Z — ской губерній; и въ первой, повторяю, были забытыя Богомъ захолустья, населеніе которыхъ поражало своею неразвитостію; особенно это слѣдуетъ сказать о корелахъ; также и въ Z — ской губерніи встрѣчались болѣе просвѣщенныя мѣстности, гдѣ условія нашей работы были соотвѣтственно легче.

Не однѣ только язвы трактирной цивилизаціи прививали N — скимъ мужикамъ ихъ путешествія по градамъ и весямъ въ поискахъ за заработками. Какъ ни много соблазновъ въ городѣ, какъ ни много жертвъ погибаетъ въ водоворотѣ городской жизни, все-таки изъ города идетъ свѣтъ. Несомнѣнно, этотъ свѣтъ крайне скуденъ, несомнѣнно, свѣточъ, дарующій его, часто чадитъ, но пока нѣтъ болѣе сильнаго свѣта на мѣстѣ, пока сѣтъ школъ такъ рѣдка, что иногда въ петли ея проскакиваютъ громадные районы, до тѣхъ поръ нельзя ставить въ счетъ городу только одно дурное вліяніе, нельзя забывать его развивающаго воздѣйствія.

Но и помимо городского вліянія въ предѣлахъ самой деревенской жизни есть въ Великороссіи развивающія условія.

Ненавистники крестьянской общины обвиняли ее между прочимъ въ томъ, что она принижаетъ своихъ сочленовъ, убиваетъ въ нихъ духъ предприимчивости, препятствуетъ развитію сознанія своего личнаго достоинства; подворное владѣніе выставлялось при этомъ какъ неперемѣнное условіе разцвѣта личности. Однако изслѣдованіе малорусскаго подворнаго владѣнія показало отсутствіе какихъ-либо преимуществъ за этою формою въ смыслѣ вліянія на развитіе личности. Несомнѣнно, что хуторянинъ, живущій особнякомъ на своемъ клочкѣ, больше индивидуалистъ, сравнительно съ общинникомъ, но индивидуализмъ его невысокаго качества. Этотъ индивидуализмъ создаетъ замкнутую, обособленную жизнь, внѣ связи съ широкимъ кругомъ мірскихъ интересовъ. Общинникъ въ другихъ условіяхъ; онъ постоянно долженъ считаться съ сосѣдями, долженъ вести войну за свои интересы или улаживать мирно свои отношенія.

Изучая сѣверно-русскую общину хотя бы за одно послѣднее десятилѣтіе, можно убѣдиться, что она живетъ далеко не спокойною жизнью. Движеніе въ пользу передѣловъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, «питерщики», явившіеся требовать назадъ свои сваденныя когда-то души, сопротивленіе остававшихся дома и вынесшихъ на себѣ всю земельную тяготу въ болѣе ранніе годы, требованіе земли на подросшихъ работниковъ, стремленіе выкупившихся выдѣлиться изъ общинной жизни, — все это глубоко волновало мужицкія души, заставляло работать мужицкіе мозги, вызывало дебаты на шумныхъ сходкахъ.

А тамъ, на благодатномъ югѣ, тишь и гладь подворнаго владѣнія.

Несмотря на эту тишь и гладь дифференцированіе сельскихъ классовъ и обезземеленіе крестьянской массы идетъ тамъ быстрымъ шагомъ и не мало является «собирателей земли». Дѣлается это скромно, аккуратно, на законномъ основаніи; является только одна недолгая борьба дыряваго кармана бѣдняка съ толстою мошною «багатыря» и

въ результатъ купленный или заложенный клочокъ перваго попадаетъ въ вѣчное и безспорное владѣніе втораго.

Увы! и на сѣверѣ сельскій капитализмъ часто является уже вліятельною персоною, его заgreбистыя руки часто уже не выпускаютъ того, что въ нихъ попало. Но онъ все-таки встрѣчаетъ гораздо большее сопротивленіе, все-таки онъ пока долженъ быть еще насторожѣ отъ попытокъ напасть на него и отнять награбленное, все-таки сторонники поравненія земли иногда, послѣ отчаянной борьбы, берутъ верхъ, все-таки пока еще нужно считаться съ міромъ, все-таки право каждаго члена общины на землю пока еще не заглохло въ сознаніи общинниковъ. И въ общинѣ идетъ постоянная борьба, то и дѣло прорываясь, то и дѣло будя и шевеля мысль общинниковъ.

Обратите вниманіе на то, что больше дало матеріала для нашей народнической литературы, что позволило глубже заглянуть въ народную жизнь, — сѣверъ или югъ, великорусская ли община или малорусское подворное владѣніе. Писатели, берущіе свои темы изъ малорусской народной жизни, часто не далеко ушли отъ блаженной памяти «Наталки-Полтавки» и усердно эксплуатируютъ все то же стереотипное «коханья», не умѣя выйти на болѣе широкую дорогу; только въ немногихъ произведеніяхъ встрѣчаются блѣдныя попытки. Это во всякомъ разѣ совсѣмъ не случайное явленіе.

Для наблюдателя народной жизни великорусская деревня, по моему мнѣнію, гораздо интереснѣе; въ своихъ общинныхъ волненіяхъ она иногда открываетъ глубокіе тайники народной жизни и позволяетъ видѣть много неожиданнаго, много совсѣмъ несоотвѣтствующаго установившемуся мнѣнію.

Въ членахъ же общины постоянное столкновеніе противоположныхъ интересовъ, «мірская» жизнь скорѣе можетъ развивать сознаніе личности, чѣмъ подавлять его.

На сѣверѣ было еще одно маленькое обстоятельство,

облегчавшее наши отношенія съ народомъ. Въ Малорос-
сіи мы строго держались мѣстоименія «вы», ибо един-
ственно съ «вы» обращалось къ намъ и населеніе; хохлы
не рѣдко употребляютъ это мѣстоименіе и между собою,
тѣмъ паче пужно было соблюдать его въ нашихъ бесѣ-
дахъ; «ты» для иного «заможнаго» хозяина показалось бы
немалою обидою. Въ N—ской губерніи сплошь и рядомъ
крестьяне намъ говорили «ты», поэтому и мы больше упо-
требляли это мѣстоименіе. Этотъ *façon de parler*, конечно,
не особенно важная вещь, но все-таки это нѣсколько
сближало, не вносило, по крайней мѣрѣ, оффиціальности,
устанавливаемой вѣжливо-холоднымъ «вы».

Замѣчу еще о величаніи насъ «благородіемъ» и тому
подобными почетными прибавками. Чѣмъ смиреннѣе и не-
развитіе населеніе, тѣмъ чаще онѣ слышались; разъяснять
крестьянамъ, что мы не чиновныя благородія, которымъ,
по правиламъ російской казенной вѣжливости, приличе-
ствуетъ это величаніе, въ такихъ мѣстностяхъ было без-
полезно. Въ болѣе счастливыхъ мѣстностяхъ обходились и
безъ него.

Иногда въ бесѣдѣ о цѣли нашего пріѣзда крестьяне-
великороссы высказывали свои замѣчанія, не изъ пріят-
ныхъ для насъ. Великороссъ экспансивнѣе и гораздо от-
кровеннѣе малоросса въ выраженіи своихъ чувствъ; оди-
наково легко слышать отъ него похвалу или осужденіе.
Догадаться же, нравитесь ли вы стоящему предъ вами
молчаливому и сдержанному сфинксу-малороссу или онъ
отъ души проклинаетъ васъ, бываетъ иногда крайне за-
труднительно. Малороссъ часто не выражаетъ своего не-
сочувствія къ вамъ и не изъ боязни, а изъ деликатности,
изъ нежеланія обидѣть васъ своимъ замѣчаніемъ. Вели-
короссъ лишенъ такого тонкаго чувства деликатности, но
за то, если онъ высказался, вы можете быть увѣрены,
что это его дѣйствительное убѣжденіе, чего не даетъ уклон-
чиво выраженное мнѣніе хохла, за которымъ, можетъ быть,

скрывается совсѣмъ не то, что можно понять изъ буквального смысла словъ.

Много хорошаго и въ малорусской политичности, но я все-таки предпочту грубоватую откровенность великороссовъ.

Одинъ мой товарищъ рассказывалъ однажды, какъ онъ былъ глубоко задѣтъ замѣчаніемъ одного N—го крестьянина. Рѣчь шла о цѣли переписи. Статистикъ съ увлеченіемъ отдавался своему дѣлу и горячо объяснялъ крестьянамъ пользу земской статистики. Мужики были тоже согласны, что дѣло хорошее, давно пора господамъ знать, какъ мужикъ живетъ. Вдругъ раздался голосъ одного внимательно слушавшаго крестьянина:

— Все это одни пустяки. Накинули для этой самой переписи лишнихъ копеекъ по двадцати на нашего брата-мужика, а толку изъ нея для насъ никакого не будетъ...

Это, конечно, обидно слышать земскому человѣку, но не полезнѣе ли такая откровенность для обѣихъ сторонъ?

Бывали другія замѣчанія въ такомъ же родѣ. Когда я только что пріѣхалъ въ N., были получены лѣтомъ свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ свирѣпствуетъ льняной червь. Бумага, извѣщавшая о появленіи этого гостя, благополучно пройдя всѣ инстанціи, достигла наконецъ, губернской управы. Въ управѣ ее прочли и оставалось выставить номеръ полученія, подшить къ толстому дѣлу о народномъ продовольствіи и въ свое время доложить земскому собранію, что волею Божіею истреблено червемъ столько-то десятинъ въ такихъ-то уѣздахъ. Явилась однако у кого-то изъ членовъ управы мысль разослать, по примѣру другихъ земствъ, наставленіе, въ которомъ рекомендовались бы мѣры борьбы съ червемъ. Составить это наставленіе предложили мнѣ. Я добылъ, какіе могъ, печатные источники и составилъ компиляцію. Моя работа была одобрена, напечатана и разслана въ разные концы N—ской губерніи. Хотя у меня и шевелилось сомнѣніе въ пригодности предлагаемыхъ мѣръ, но все-таки явля-

лась мысль: «а что если что-нибудь гдѣ-нибудь да выйдет!...» Особенно меня соблазнялъ рецептъ какой-то керосиновой эмульсии.

Осенью мы отправились въ одинъ изъ наиболѣе пораженныхъ червемъ уѣздовъ, и я забралъ съ собою кипу наставленій для раздачи крестьянамъ. Раздавая, я говорилъ, что вотъ тутъ, въ этой бумагѣ, объяснено, что это за червь и какъ его уничтожать, что теперь, конечно, уже поздно, но что онъ можетъ явиться и на слѣдующій годъ и т. д. Крестьяне бережно принимали наставленія и говорили: «покорно благодаримъ».

Въ нѣкоей деревнѣ Шапинъ одинъ изъ крестьянъ, внимательно прочитавши наставленіе и возвращая его мнѣ, сказалъ:

— Очень благодарны, баринъ, за ваше усердіе, только это намъ неспособно.

— Почему?

— Да такъ ужъ; по бумагѣ то оно гладко выходитъ, а только это всячески не для насъ писано и никакой пользы отъ этого не будетъ...

Послѣ этого охота къ распространенію наставленій у меня совсѣмъ пропала. Мѣсто было живому агрономическому смотрителю, а не бездушной бумагѣ...

Типъ крестьянина-пессимиста, добывшаго свой пессимизмъ, видимо, цѣною долгихъ размышленій, обманутыхъ надеждъ и разочарованій, не рѣдкость теперь встрѣтить, особенно въ N—ской губерніи. Его насмѣшливое отношеніе уже не рутинная недовѣрчивость первобытнаго земледѣльца.

Итакъ въ мѣстностяхъ съ болѣе развитымъ населеніемъ работать было легче; но тѣмъ не менѣе статистикъ долженъ былъ особенно остро держать свое ухо, чтобы не промахнуться, чтобы не уронить себя передъ народомъ, чтобы заставить уважать себя какъ дѣльнаго работника. Одинъ навыкъ въ одолѣніи техническихъ трудностей своего дѣла еще недостаточенъ, очень важенъ былъ тактъ, умѣнье ладить, поставить себя на надлежащую ногу. Я знаю нѣ-

сколько случаевъ, когда Н—ское населеніе очень критически относилось къ своимъ гостямъ.

Наивный и простодушный человѣкъ, охотно вѣрящій всякимъ розказнямъ, легко можетъ сдѣлаться предметомъ самой коварной мистификаціи.

Однажды у насъ, въ Н — скомъ бюро, пропали посесенные бланки цѣлой волости. Было это очень огорчительно и досадно, но дѣлать было нечего, пришлось ѣхать второй разъ въ эту волость составлять снова описанія селеній. Первый разъ часть волости описывалъ мало опытный изслѣдователь изъ народныхъ учителей, переизслѣдовать же отправились три старыхъ статистика, цвѣтъ нашего бюро. Этотъ вторичный визитъ весьма удивилъ крестьянъ, но тѣмъ не менѣе дѣло шло недурно.

Одинъ изъ статистиковъ, составляя поселенный бланкъ какой то деревни, былъ крайне изумленъ тѣмъ, что свѣдѣнія, получаемыя имъ, совершенно не соответствовали тому, что, какъ онъ помнилъ, заключалось въ утерянномъ описаніи; припомнивши два-три факта, онъ объ этомъ заявилъ мужикамъ.

— Да что жъ, — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, — мы видимъ, что ты, баринъ, дѣло пишешь, мы дѣло и говоримъ; а тотъ-то все писалъ, что ему ни плели, а у насъ тоже охотниковъ-то поврать, сколько хошь, наберется.

— Такъ вы ему и ввали въ прошлый разъ?

— И ввали, еще какъ здорово ввали! Потомъ смѣху сколько было; уѣхалъ, точно и путное что сдѣлалъ...

Статистикъ не машина, которую можно привести въ дѣйствіе какою нибудь хорошо составленною программю. Онъ долженъ отдавать себѣ отчетъ въ цѣлесообразности каждаго вопроса, знать конечную цѣль собираемыхъ свѣдѣній. При такомъ условіи является увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ, способность ориентироваться въ затруднительныхъ случаяхъ. Временные регистраторы не могли, конечно, обладать такими качествами; для нихъ дѣло статистики все таки остается чужимъ дѣломъ, какъ бы добро-

совѣстно ни выполняли они его. Эта неувѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ отражается конечно, и на личныхъ отношеніяхъ, ибо ничто такъ не роняетъ заѣзжаго человѣка въ глазахъ крестьянъ, какъ этотъ недостатокъ; въ этомъ отношеніи они замѣчательно чутки. Въ первые годы своего существованія N—ское бюро собирало свѣдѣнія главнымъ образомъ при помощи народныхъ учителей. Разбирая бланки, составленные учителями, я нѣсколько разъ наткался на отмѣтки: «не могъ собрать свѣдѣній, ибо мужики отказались говорить».

Въ Z—скомъ бюро все дѣло съ самаго начала было сосредоточено въ рукахъ постоянныхъ служащихъ; тотъ же принципъ приняло потомъ и N—ское бюро; однако болѣе обширная программа и недостатокъ наличныхъ силъ требовали приглашенія временныхъ регистраторовъ; приглашались большею частью изъ году въ годъ одни и тѣ же лица, такъ что въ сущности они являлись запасными статистиками, а не посторонними людьми.

Конечно, одна формальная принадлежность къ составу постоянныхъ служащихъ еще ничего не значитъ. Бывали неподходящіе работники и изъ этихъ послѣднихъ, бывали у постоянныхъ статистиковъ промахи, да еще какіе, случались и съ ними курьезныя исторіи. Но въ общемъ согласно спѣвшійся отрядъ постоянныхъ статистиковъ представлялъ гораздо больше гарантіи. Въ такомъ отрядѣ и не совсѣмъ удачный сотрудникъ все-таки въ концѣ концовъ болѣе или менѣе выравнивался. Вообще же личность самого изслѣдователя всегда значила очень много въ отношеніи крестьянъ къ собиранію свѣдѣній.

Въ болѣе просвѣщенныхъ странахъ попытки обмануть насъ, дать невѣрные показанія вообще были довольно рѣдки. За то, если онѣ встрѣчались, бороться съ ними было гораздо труднѣе. Это относится и къ югу и къ сѣверу. Нерѣдко въ такихъ мѣстностяхъ попадался какой-нибудь продувной обыватель, мѣстный кулакъ и торговецъ, привыкшій вѣчно хитрить и надувать; съ такимъ субъектомъ

возни было страшно много. За то какъ поднимался престижъ статистика, когда послѣ всѣхъ своихъ уловокъ и изворотовъ дѣлецъ все-таки принужденъ былъ дать настоящіе отвѣты на всѣ вопросы и удалялся, провожаемый насмѣшками толпы и красный отъ стыда и досады. Если ужъ такому ловкачу, который деретъ и съ живаго и съ мертваго, а за хвостъ его все таки не поймашь, не удалось обмануть статистика, гдѣ ужъ тутъ пытаться сдѣлать это другимъ, менѣе прожженнымъ селянамъ! Страхъ, насмѣшки великая сила и намъ эта сила часто оказывала громадныя услуги.

Затѣмъ относительно сѣвера нужно подчеркнуть еще одно обстоятельство. На югѣ индивидуализмъ хохловъ сказывается и во враньѣ, и каждый, если вретъ, старается соврать на свой ладъ, что то и дѣло вызывало разные промахи и давало намъ сильное оружіе въ этой борьбѣ. Сѣверные же мірскіе люди и врани міромъ. Я знаю нѣсколько случаевъ, когда Н — скіе мужики заподозрѣвали какую-нибудь каверзу въ нашей переписи. Какой-нибудь деревенскій политикъ, прослышавъ о томъ, что по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ идетъ перепись, что спрашиваютъ о томъ-то и о томъ-то, что вотъ-вотъ нагрянутъ и въ ихъ деревню чиновники, истолковывалъ этотъ визитъ въ весьма неблагопріятную сторону и сообщалъ свое мнѣніе сосѣдямъ. Собиралась сходка, долго судили-рядили и наконецъ рѣшали всѣмъ врать въ одномъ направленіи. Такое постановленіе касалось, напримѣръ, количества высѣва на душу; въ данной деревнѣ сѣютъ, положимъ по 4—6 мѣръ ржи на душу, а постановлено было говорить, что сѣется только по 2—3 мѣры.

Пріѣзжалъ статистикъ и, не подозрѣвая заговора, приступалъ къ дѣлу. Мужики отвѣчали, повидимому, охотно и складно. Когда, при составленіи поселеннаго бланка, пришлось вычислять количество пашни, пошла путаница. Принимая во вниманіе количество высѣва, выходило пашни совсѣмъ немного.

— Какая у насъ пашня, — хоромъ подтверждали мужики, — самая малая малость, только названіе одно...

— Одно слово, ложись да помирай, — выдѣлялся голосъ какого-нибудь задняго, — наше житье — что всталъ, то за вытье!

Лѣса тоже не было.

— Такъ паростничекъ махонькій...

— Хворостина одна, — подхватывалъ другой, — робенка постегать, ежели забалуешь...

Статистикъ предлагалъ вопросъ о количествѣ накашиваемаго сѣна:

— По сколько возовъ на душу накашиваете?

— Возовъ?! — сладкимъ теноромъ, съ крайнимъ удивленіемъ, восклицалъ какой-нибудь деревенскій ораторъ, разводя руками и весь сіяя улыбкою на благообразномъ лицѣ.

По толпѣ проходилъ легкій смѣшокъ.

— У насъ, ваше благородіе, — строго говорилъ какой-нибудь почтенный старецъ съ иконописнымъ ликомъ, — дай Богъ, ежели кто по возочку на душу накосить.

— Вѣрное слово, — подхватывали другіе, — это ты, дѣдушка Стигнѣй, правильно говоришь.

— А великъ возъ? Пудовъ двадцать пять будетъ въ немъ?

— Двадцать пять? — съ прежнею строгостью переспрашивалъ старецъ, — нашъ возъ, баринъ, такой, что ежели хорошій мужикъ на него сядетъ, такъ весь возъ и прикроетъ.

Выходило, что и сѣнокосовъ немного. Выгона спеціальнаго нѣтъ. Вычисленные количества угодій далеко не сходились съ общимъ количествомъ земли.

— Вы, братцы, что-то путаете, — говорилъ статистикъ, измаравъ цѣлую четвертушку разными вычисленіями, то, что вы говорите, совсѣмъ не сходится съ планомъ.

— Не можемъ знать, а только что мы тебѣ правильно показываемъ.

— Нѣтъ, что то не то; высѣваете вы, вѣроятно, больше.

— Какъ, значить, мы высѣваемъ по двѣ мѣры, такъ и говорили.

— Такъ укосъ у васъ больше...

— Гдѣ ты его больше-то возьмешь? Радъ бы взять да негдѣ!

Происходилъ очень долгій споръ.

— Да вѣдь вы сами раньше говорили, что у васъ неудобной земли немного; такъ и по плану, всего пять десятинъ показано; а по вашимъ словамъ выходитъ десятинъ семьдесятъ такой земли, что ее никуда не приткнешь.

— Да наша земля вся неудобіе, — возражали мужики.

— Холманія ¹⁾, одно слово, — поддерживали другіе.

— Да вы тамъ косите?

— Ну что тамъ! Такъ развѣ какой клочъ косою урвешь...

Опять производилась повѣрка вычисленій, опять получались несообразныя цифры, опять статистикъ начиналъ торговаться. Иногда удавалось убѣдить крестьянъ въ очевидной несообразности ихъ показаній и добиваться того, что они сознавались въ ихъ невѣрности. Чаше всего этого можно было достигнуть, прямо заявивши мужикамъ:

— Да вѣдь вы мнѣ все это плетете, Богъ знаетъ для чего; ну, говорите по совѣсти, вѣдь наврали?

— Чего намъ врать-то тебѣ, — ворчливо возражалъ какой-нибудь старикъ, — намъ за это денегъ не платятъ.

Однако въ этомъ отвѣтѣ чувствовалась нетвердая нота.

— Какъ хотите, братцы, мнѣ на бумагѣ то все отлично видно, — говорилъ статистикъ, — хотите врите, хотите нѣтъ, я у васъ тутъ до ночи буду сидѣть, а ужъ правды добьюсь. Даромъ только время теряете.

Мужики колебались.

— Я тоже человѣкъ служащій, не могу же я вашей чепухи представлять; не для своего удовольствія я съ вами толкую.

¹⁾ Холманія — низменное мѣсто, покрытое многочисленными кочками.

— Оно, дѣйствительно, — начиналъ кто-нибудь нерѣшительно, — можетъ, и есть у насъ какая-нибудь ошибочка...

— Да вы чего боитесь-то? — продолжалъ убѣждать статистикъ. — Налога что ли?

И онъ начиналъ доказывать, что эта боязнь неосновательна. Крестьяне наконецъ сдавались и признавались, что они показали невѣрно.

Новое вычисленіе давало наконецъ настоящія величины.

— Ну вотъ, теперь совсѣмъ дѣло другое. Что же вы раньше-то путали?

— Да такъ, маленечко недодумѣли...

А были случаи, когда такъ-таки распутать и нельзя было, и статистикъ, побившись напрасно, переходилъ къ переписи, рѣшивъ, что, авось, встрѣтится какое-нибудь благопріятное обстоятельство. Иногда во время переписи предубѣжденіе крестьянъ разсѣивалось, и можно было опять приступить къ исправленію бланка.

Иногда же намъ являлись невольными помощниками... глухіе. Глухой, какъ человѣкъ убогій, на сходку не являлся, а если и былъ, то общаго рѣшенія могъ не слышать. А ужъ до такой тонкости исполненія, чтобы «настрожить» и глухихъ согласно показывать, міръ никогда не могъ дойти. И вотъ во время переписи въ то время, какъ всѣ согласно показывали, что они сѣютъ по 2 мѣры на душу, глухой хозяинъ показывалъ, что онъ сѣетъ 4.

— Какъ такъ? — привязывался статистикъ, — ты сѣешь четыре?

— Что городишь, мелево, — останавливалъ глухаго какой-нибудь сосѣдъ, дергая его за рукавъ, — каки таки четыре мѣры ты сѣялъ!

— Ты что къ нему пристаешь? Тебѣ какое дѣло? — останавливалъ статистикъ вмѣшавшагося, — оставь его, онъ самъ отвѣтитъ.

Глухой дико и потерянно озирался, не понимая происходящаго.

— Такъ четыре мѣры сѣялъ?

— Четыре.

— Ну, гдѣ онѣ, четыре-те, — возражалъ кто-нибудь, по-видимому, равнодушнымъ тономъ, даже позѣвывая.

— Онѣ, ваше благородіе, какъ, значить, подверженъ убожеству, такъ врядъ ли вамъ и выкажетъ, — предупредительно замѣчалъ какой-нибудь сладкій теноръ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, за него. И всегда такъ сѣялъ?

— Всегда.

— А сосѣди какъ сѣютъ, тоже по четыре?

— Значить, какъ сосѣди, такъ и я; у насъ всѣ одинаково.

Мужики молчали. Благообразный мужичекъ со сладкимъ теноромъ, вздохнувъ, умильно посматривалъ по сторонамъ, показывая своимъ видомъ: «Богъ знаетъ, что убогій говоритъ, а ихъ благородіе вѣрять...»

— Какъ же, братцы, — говорилъ статистикъ мужикамъ, — по его-то словамъ вѣрнѣе выходить.

Начинался споръ, но мужики уже чувствовали себя сбитыми съ позиціи и статистикъ одерживалъ побѣду довольно скоро.

Однако случаи такого общаго недовѣрія, насколько могу судить по своей личной практикѣ, были не часты.

Мы всегда принимали мѣры, чтобы о нашей переписи заранее извѣщалось, и нашъ пріѣздъ не являлся бы неожиданностью. Это было тоже выгоднымъ условіемъ, подготовляло заранее крестьянъ, избавляло насъ отъ лишней потери времени, отъ лишнихъ разъясненій.

— Извѣщали васъ о переписи?

— Извѣщали.

— Ну, такъ собирайтесь.

И дѣло немедленно закипало.

Особенно это было выгодно въ глуши, гдѣ заѣзжій челоѣкъ представляетъ крайнюю рѣдкость.

Въ N — ской губерніи исправность волостныхъ и сельскихъ чиновъ далеко не такъ блестяща, какъ въ Z — ской,

какъ я уже говорилъ. Иногда мы являлись въ деревню и неожиданно, но обыкновенно и въ такомъ случаѣ дѣло улаживалось. Вообще съ Н—скими мужиками часто можно было вести дѣло совершенно запросто. Я особенно хорошо помню свое посѣщеніе одной деревни.

Весна была страшно мокрая; почти цѣлый мѣсяцъ каждый день по нѣскольку разъ лилъ дождь. Въ это время какъ разъ намъ и пришлось разѣзжать по К-з-му уѣзду. Въ одно очень непрекрасное утро я выѣхалъ изъ деревни Клухина; деревня эта очень бѣдная и мнѣ съ трудомъ могли снарядить подводу. Когда я вышелъ изъ избы, я невольно вздохнулъ при видѣ приготовленнаго экипажа. Телѣга была приспособлена къ вывозкѣ навоза, ея передокъ былъ выше задка. Тощая лошаденка уныло опустила голову и всѣмъ своимъ видомъ умоляла о желанномъ покоѣ послѣ каторжно-трудоу жизни. Дѣлать однако было нечего, другой подводы, очевидно, на достанешь. Я положилъ свои вещи и кое-какъ примостился, сѣвши задомъ къ передку и свѣсивши ноги; старикъ-подводчикъ какъ-то ухитрился помѣститься спереди, задергалъ возжами, зацмокалъ, лошаденка потянула, и наша колесница двинулась въ путь. Скоро мы вѣхали въ лѣсъ; дорога была страшно вязкая, глубокія колеи были полны воды; къ крайнему огорченію, заморосилъ еще дождь, затянувши частою сѣткою весь унылый и холодный сѣвернорусскій пейзажъ...

— Неспособно, господинъ, — замѣтилъ подводчикъ.

— Ничего, какъ-нибудь доплетемся.

— Достатки наши самъ видѣлъ, баринъ; эхъ, жисть!..

Я распустилъ зонтикъ, но онъ мало помогалъ; скоро намокла вся спина, намокла подушка, на которой я и сидѣлъ, словно въ лужѣ. Накратъ было нечѣмъ, ибо единственнымъ рядомъ былъ укрытъ портфель съ бумагами и связка карточекъ.

Настроеніе было ужасно тяжелое. Угнетала угрюмая сѣверная природа, эти мокрая сосны и ели, словно

издрогшія, изстрадавшіяся и изболѣвшія подъ сѣрымъ непривѣтливымъ небомъ, угнетали впечатлѣнія крестьянской бѣдности. Кромѣ того, я боролся тогда за свою систему изслѣдованія, я многое поставилъ на карту, а между тѣмъ тамъ и сямъ видны были крупныя прорѣхи, тамъ и сямъ по разнымъ швамъ слышался зловѣщій трескъ; мучила боязнь за успѣхъ любимаго дѣла, гасла вѣра въ возможность что либо сдѣлать, душа ныла и нервы были мучительно напряжены.

А телѣга томительно медленно подвигалась, раскачиваясь, скрипя и треща въ выбоинахъ, иногда застрѣвая и останавливаясь.

Восемь верстъ до деревни Матюшина мы ѣхали почти три часа.

Дождь наконецъ пересталъ. Стали рѣдѣть деревья, и мы выѣхали на большую поляну, гдѣ стояла деревня. Матюшино деревня довольно порядочная, дворовъ тридцать пять.

Посреди улицы ставили колодезный срубъ и было довольно много народа. Я подѣхалъ и слѣзъ съ телѣги. Весь я былъ мокръ и забрызганъ грязью, и видъ мой, навѣрное, былъ весьма печаленъ. Поздоровавшись съ толпою, я спросилъ старосту. Оказалось, что староста уѣхалъ въ сосѣднее торговое село. Десятскаго тоже не было въ деревнѣ.

— А вамъ тутъ объявляли, что будетъ перепись?

— Какая такая перепись? Никто ничего не говорилъ.

Мною овладѣла было полная анатія и я готовъ уже былъ покориться участи и ждать возвращенія старосты, ибо не хватало духа начинать работу при такихъ невыгодныхъ условіяхъ. Но вскорѣ я устыдился своего малодушія и рѣшился сдѣлать попытку собрать народъ.

— Такъ вотъ что, господа: собирайтесь ка въ какуюнибудь избу попросторнѣе; пусть изъ васъ человѣка два обойдутъ всю деревню и соберутъ всѣхъ хозяевъ.

— Да по какимъ дѣламъ ты сюда пріѣхалъ?

— Что жъ я тутъ на улицѣ, мокрый, буду съ вами толковать! Собирайтесь поскорѣе куда нибудь, тамъ и узнаете.

Два добровольца стали рядиться, кому въ какую сторону идти «народъ сгонять».

Какой-то разбитной босоногій человѣкъ услужливо подскочилъ ко мнѣ.

— Пожалуйте, баринъ, вотъ тутъ изба почище.

— Это ваша? — спросилъ, я подходя съ нимъ къ большой новой избѣ.

— Никакъ нѣтъ, да это все единственно. Алексѣй Прохоровъ! — крикнулъ онъ стоявшему у воротъ хозяину, — приברי-ка у себя тамъ, небось захламощено.

— Пожалуйте, — засуетился хозяинъ, — снесите-ка вещи, робята.

За мною уже шелъ цѣлый конвой, и мигомъ мои вещи были перенесены. Хозяинъ взялъ мое пальто, напитанное водою, какъ губка, и положилъ на печку сушить.

Я сѣлъ за работу и скоро растолковалъ крестьянамъ, чего мнѣ отъ нихъ нужно.

— Что жъ, пиши. Коли пріѣхалъ, стало быть нужно... Намъ что!... — слышались голоса мнѣ въ отвѣтъ.

Работа съ самаго начала пошла самымъ прекраснымъ образомъ; крестьяне отвѣчали свободно и непринужденно. Чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ ко мнѣ все больше и больше возвращалась бодрость, тѣмъ яснѣе становилось на душѣ.

Свое дѣло въ Матюшинѣ я кончилъ благополучно; въ концѣ работы явился староста.

— Получили повѣстку?

— Получить-то получилъ, да, признаться, забылъ сказать мужикамъ-то. По хозяйству много хлопотъ было...

Сначала подъ давленіемъ тяжелыхъ мыслей, потомъ занятый дѣломъ, я позабылъ спросить, можно ли приготовить что нибудь на обѣдъ, и приготовлялся подкрѣпиться однимъ чаемъ. Босоногій человѣкъ, оказалось

уже подумалъ за меня и зажарилъ мнѣ курицу. Курица была какъ щепка, но въ дорогѣ не приходится быть прихотливымъ, да и потчивали меня отъ души.

— Кушайте, баринъ, съ устатку-то; экое сколько за письмомъ просидѣли... Мы тоже понимаемъ службу-то, сами въ Москвѣ живали...

Когда я выѣзжалъ изъ Матюшина, сыпалъ попрежнему мелкій дождь, еще печальнѣе, подъ надвигавшимися сумерками, являлись окрестности, но прежняго унынія уже не чувствовалось, не такимъ уже мрачнымъ казалось положеніе дѣлъ...

Въ нашихъ разъѣздахъ мы часто встрѣчали, и въ Малороссіи и въ Великороссіи, проявленія такого сердечнаго отношенія, такого безкорыстнаго радушія, которыя вознаграждали за всѣ тяжелыя впечатлѣнія, а ихъ приходится не мало воспринимать повсюду.

Но черточка болѣе простаго, болѣе естественнаго отношенія къ намъ сказывалась на сѣверѣ все-таки гораздо сильнѣе.

Въ горячее рабочее время мы, конечно, не выѣзжали въ экскурсію, но выѣхавши въ тотъ же К-зскій уѣздъ второй разъ для окончанія его. въ самомъ концѣ августа, мы захватили еще періодъ работъ, затянувшійся благодаря дождливой веснѣ и лѣту. Деревни были пусты и приходилось съ трудомъ созывать крестьянъ, иногда чуть не по одному, иногда пользоваться вечеромъ, по возвращеніи крестьянъ съ поля. Это было крайне непріятно, но дѣлать было нечего, возвращаться домой было уже нельзя.

— Черти принесли тебя, баринъ, въ такое время, — говорили съ неудовольствіемъ крестьяне деревни Нагорской одному статистику, — видишь, какая намъ и безъ тебя маята.

— Что жъ, братцы, дѣлать, — отвѣтилъ онъ, вполне сознавая основательность крестьянскаго неудовольствія, — я и самъ это вижу, да вѣдь и у насъ тоже служба; по своей-то волѣ я бы къ вамъ не поѣхалъ.

— Оно, положимъ, такъ, — смягчились крестьяне при видѣ его смиренія и цѣлый вечеръ, несмотря на усталость, на одолѣвавшую ихъ зѣвоту, давали показанія.

Въ глухихъ медвѣжьихъ углахъ N—ской губерніи мнѣ мало привелось побывать; мнѣ болѣе пришлось познакомиться съ мѣстностями, расположенными по берегамъ великой русской рѣки или же искрещенными бойкими дорогами, съ населеніемъ, «испорченнымъ трактирною цивилизаціею». Въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ, можетъ быть, бывало и не такъ, но я не рѣшусь объ этомъ судить.

Бывали однако случаи, когда мы тщательно избѣгали посѣтить не во время какое-нибудь селеніе, хотя бы о нашемъ пріѣздѣ тамъ было извѣстно послѣднему мальчишкѣ.

— Ну, счастливъ ты, баринъ, что нонѣче пріѣхалъ, а не третеводни, — говорилъ мнѣ староста д. Савостева, умный, веселый и дѣятельный мужикъ.

— Что такъ?

— А то, что храмовой праздникъ у насъ былъ; вотъ только два дня, какъ прикончился. Ну, ужъ въ это время тебѣ не удалось бы переписывать, всѣ пьяны были.

— А ты-то на что?

— Я то? А развѣ я лучше другихъ былъ? Тоже и у меня, братъ, во-какъ шумѣло...

Староста былъ правъ. Я уже говорилъ, какъ мы составляли маршрутъ по волости. Кромѣ свѣдѣній объ естественныхъ препятствіяхъ, въ N—ской губерніи мы всегда освѣдомлялись также у старшины, нѣтъ ли въ текущее время въ предѣлахъ волости храмоваго праздника. Если таковой гдѣ нибудь оказывался, мы тщательно избѣгали празднующаго прихода, иногда дѣлали большой кругъ, оставляли этотъ приходъ подъ конецъ и т. д.

Храмовой праздникъ въ N—ской губерніи продолжается дни три, четыре и болѣе; въ это время выпивается огромное количество водки, къ празднующимъ наѣзжаютъ родичи и знакомые, и пиръ охватываетъ всѣ пять, десять,

пятнадцать селеній, составляющихъ приходъ. Въ это время невозможно добиться чего-либо путнаго, поэтому-то мы такъ и избѣгали пріѣзда въ пьяную деревню.

Въ Малороссіи такого широкаго разгула во время «храма» не бываетъ, поэтому праздничный вопросъ тамъ насъ и не беспокоилъ.

Спорить и доказывать, разсѣивать предубѣжденіе, конечно, наиболѣе симпатичный способъ воздѣйствія, но было бы весьма большой наивностью очень полагаться на него; прежде всего на это убивалось бы, иногда совершенно даромъ, много времени; затѣмъ частое повтореніе одного и того же становится такимъ шаблономъ, который надоѣстъ повторять самому убѣжденному человѣку. Лучше всего, конечно, достигнуть довѣрія, но если нѣтъ его, нужно добиться все-таки, чтобы толпа подчинилась, чтобы она не рѣшалась вратъ, хотя бы и желала. Выгоднѣйшею гарантіею полученія правдивыхъ показаній являлась наша репутація всезнающихъ людей, мастеровъ своего дѣла.

Уже одна наша техническая ловкость часто приводила крестьянъ въ восхищеніе. Особенно часто это бывало въ глухихъ мѣстахъ Малороссіи, гдѣ «дуже письменный» человѣкъ иногда представляетъ немалую рѣдкость.

— Ну й писари! Можно сказаты—настоящи писари!—выражалъ мнѣніе села какой-нибудь хозяинъ нашей квартиры, когда послѣ перелиси мы являлись къ себѣ,—тильки що вымовышь, бачь, воны вже позаписувалы! И усе знаютъ, усе розуміють!... Отъ колы бь такого въ нашу волость, винь бы добре розибравъ, а то нашому писареву далеко! ..

Можетъ быть, почетная репутація не одного «пана писаря» значительно умалилась въ глазахъ населенія по сравненію съ нашимъ искусствомъ.

Помимо этого, мы обыкновенно старались еще ранѣе посѣщенія деревни узнавать что-либо изъ жизни ея. Запасаться всевозможными предварительными свѣдѣніями обыкновенно быстро входило въ привычку у статистика.

Я уже сказалъ, что пріѣхавши въ волостное правленіе, мы знакомились съ особенностями данной волости изъ распросовъ старшины, писаря и т. д. Это уже давало иногда возможность за что-нибудь уцѣпиться при случаѣ. А затѣмъ давала матеріаль еще бесѣда съ подводчикомъ при переѣздахъ. Нѣкоторые изъ статистиковъ вели эти бесѣды систематически и часто добывали драгоцѣнныя свѣдѣнія. Таковы, напр., свѣдѣнія о промыслахъ. Я уже говорилъ, что крестьяне иногда неохотно показывали о какихъ нибудь подсобныхъ занятіяхъ; запасъ свѣдѣній и бывалъ особенно полезенъ въ такихъ случаяхъ. Бесѣда съ подводчикомъ начиналась обыкновенно съ банальнаго вопроса о зажиточности селенія, въ которое мы ѣхали, а тамъ уже слѣдовали и другіе вопросы.

Показанія такихъ свѣдущихъ людей вообще требуютъ весьма критическаго отношенія къ себѣ. Въ словахъ обывателя о сосѣднемъ селеніи часто бываетъ много преувеличеннаго и невѣрнаго. Тѣмъ не менѣе два-три цѣнныхъ факта все таки можно было заполучить. Оказывалось напр., что въ данномъ селеніи недавно «пущали землю въ разнобой» или что тамъ дѣлаютъ грабли или занимаются ткачествомъ, что Павелъ Климовъ хорошій плотникъ и т. д.

Такія же свѣдѣнія добывались и не отъ однихъ подводчиковъ; иногда и хозяинъ квартиры сообщалъ что-нибудь о сосѣднемъ селеніи.

Съ этими свѣдѣніями мы иногда и блистали своимъ знаніемъ мѣстной жизни и производили должный эффектъ всезнайства.

Вотъ, наприм., одинъ изъ случаевъ. Z—скій статистикъ, находясь въ одномъ селеніи, увидалъ на столѣ въ своей квартирѣ, очень красивый «кылымъ» — скатерть плотной ковровой работы съ разными украшеніями, узорами и цвѣтами. Посыпались вопросы, откуда, дорого ли, кто дѣлаетъ и т. д. Изъ отвѣтовъ хозяевъ выяснилось, что занимается этимъ мастерствомъ нѣкая Марья, невѣстка Мирона Лысокобылки въ селѣ Строкачахъ.

Дня черезъ три статистикъ пріѣхалъ въ Строкачи и началъ перепись. Въ числѣ первыхъ былъ вызванъ Миронъ Лысокобылка. Подошелъ къ столу еще нестарый домохозяинъ, чисто одѣтый, видимо зажиточный, сдержанный, себѣ на умѣ, хорошо владѣющій русскою рѣчью. На всѣ вопросы были получены осторожные, но весьма удовлетворительные отвѣты, и наконецъ статистикъ спросилъ:

— Мастерствомъ какимъ нибудь, можетъ быть, занимаетесь?

— Нѣтъ, гдѣ тутъ мастерствомъ заниматься; такъ только по крестьянству.

— Изъ сыновей, можетъ быть, кто-нибудь занимается?

— Ну, гдѣ имъ! Теперь молодые такіе пошли, что имъ ни до чего нѣтъ охоты,—и Миронъ махнулъ рукою, сокрушаясь о нравахъ молодаго поколѣнія.

«Э, постой же ты!» — подумалъ статистикъ и продолжалъ:

— Можетъ быть, изъ женщинъ кто-нибудь?

— Да помиуйте, вотъ у меня жена-старуха, ну чѣмъ ей заниматься, развѣ невѣстокъ полагаетъ, вотъ и все занятіе,—и Миронъ даже смѣялся неосновательному предположенію статистика. Улыбались и другіе крестьяне.

— Ну, не старуха ваша, такъ кто нибудь изъ молодыхъ, дочь или невѣстка,—не унимался статистикъ.

— Да никто, ни, Боже мой!..—и Миронъ Лысокобылка рѣшительно махнулъ рукою: «отвяжись, молъ, вотъ присталь».

— А вотъ Марья-то у васъ килимы тчетъ, вы объ ней что-же не говорите, — открылъ наконецъ свои подходы статистикъ. По хатѣ пошелъ шепотъ удивленія. Миронъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности.

— А тчетъ,—сказалъ онъ растерянно, послѣ минуты молчанія.

— Вотъ вы и расскажите объ ея мастерствѣ, что жъ тутъ скрывать.

Весь сходъ послѣ этого проникся такимъ почтеніемъ

къ всезнающему прїѣзжему, что перепись шла какъ по маслу.

Не всегда, конечно, есть охота спрашивать подводчика. Часто, выѣзжая въ «степь» послѣ продолжительнаго пребыванія на людяхъ, послѣ долгой бесѣды, особенно цѣнишь молчаніе и одиночество; особенно сильное впечатлѣніе производитъ тогда тишина полей. Порою съ какого-нибудь хутора, стоящаго въ сторонѣ отъ дороги, доносится по вѣтру пѣніе пѣтуховъ, лай собакъ, но эти звуки тонуть, замираютъ въ мощномъ, поглощающемъ пространствѣ. Гдѣ-то высоко звенитъ жаворонокъ, и его пѣсня, все слабѣя и слабѣя, тоже тонетъ въ синей глубинѣ. Телѣга катится почти безъ толчковъ по гладко укатанной дорогѣ; сидишь, согнувшись и покачиваясь, отдаешься набѣгающимъ смутнымъ, туманнымъ и неопредѣленнымъ думамъ, и слова не идутъ съ языка. Иногда подводчикъ самъ заговариваетъ, но отвѣтишь ему неохотно и односложно, и онъ опять захолкаетъ.

При чтеніи волостной литературы часто было можно также запомнить много случаевъ изъ жизни отдѣльных крестьянъ и пользоваться этимъ не безъ успѣха. Однажды, наприм., мнѣ пришлось прочесть въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ, какъ бездѣтный крестьянинъ одного общества д. Семеновки Степанъ Великій «пріймавъ за дитыну» т. е. усыновлялъ десятилѣтняго Омелька, одного изъ сыновей многосемейнаго бѣдняка Петра Юхименка изъ другаго общества. Было это какъ разъ въ годъ нашей переписи. Когда намъ пришлось быть въ Семеновкѣ, однимъ изъ обществъ занялся мой товарищъ, я же переписывалъ въ той же избѣ за другимъ столомъ другое общество. Занимаясь своимъ дѣломъ, я услыхалъ, какъ мой компаньонъ вызвалъ Степана Великаго. Искушеніе блеснуть своимъ всезнайствомъ овладѣло мною, и я ждалъ случая, производя опросъ, но прислушиваясь въ то же время къ переписи за сосѣднимъ столомъ.

Степанъ Великій показалъ, что вся его семья состоитъ

изъ него да старухи-жены и больше никого нѣтъ; мой товарищъ уже хотѣлъ перейти къ другимъ вопросамъ.

— Пойдите, — громко сказалъ я изъ-за своего стола, — а что же вы, Великій, не показываете Омелька?

— Якого Омелька? — не понимая спросилъ Великій. Вся хата притихла, заинтересованная моимъ вмѣшательствомъ.

— А котораго вы отъ Петра Юхименка за дитыну приняли; вѣдь онъ у васъ живетъ?

— Та у насъ же; хибѣ и его треба казаты?

— Конечно; вѣдь онъ вамъ все равно, что сынъ.

— Та воно такъ; зовсимъ якъ ридный. Забувъ, выбачайте.

На вопросъ моего товарища о лѣтахъ Омелька Великій замялся и нерѣшительно сказалъ:

— Годъ дванадцать, чи що...

— Какое двѣнадцать! Ему всего десять лѣтъ, — снова блеснулъ я всезнайствомъ.

Удивленію присутствовавшихъ не было конца, и я слышалъ, какъ одинъ паробокъ спрашивалъ своего сосѣда:

— Хибѣ винъ его бачувъ?

— Кто его знае, — отвѣчалъ не менѣе удивленный сосѣдъ, — воны усе бачуть.

Другой разъ мнѣ пришлось въ N-ской губерніи прочитать въ книгѣ сдѣлокъ раздѣльный актъ одной семьи, трехъ братьевъ Голубевыхъ, иначе Каменскихъ; все подѣлили они, какъ слѣдуетъ, только рыжую корову не могли никому «предѣлить»; рѣшили поэтому ее продать и вырученныя деньги раздѣлить между собою поровну. Братья присутствовали при составленіи списка и назвали себя только одной фамиліей — Голубевыми. Дошла очередь до одного изъ нихъ.

— Гаврило Ивановъ Голубевъ, — вызвалъ я.

— Здѣсь, — отвѣчалъ ражій мужикъ.

— Вы еще Каменскимъ прозываетесь?

— Каменскимъ, — отвѣчалъ онъ немного удивленно,

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ я сказалъ ему:

— Вы въ прошломъ году съ Петромъ и Михѣемъ подѣлились?

— Въ прошломъ.

— Ну, а рыжую корову за сколько продали?

— Какую рыжую корову?—вытаращилъ глаза спрашиваемый.

— А которую подѣлить не могли при раздѣлѣ.

— Машку-то? за двадцать пошла.

— Что такъ дешево?

— Такъ ужъ; чтобы раздѣлаться скорѣе.

Надлежащій эффектъ эта рыжая корова произвела.

Одинъ изъ Н-скихъ статистиковъ, опытный изслѣдователь, нерѣдко удивлявшій свою аудиторію tours de force'ами своего всезнанія, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ однажды былъ польщенъ признаніемъ за нимъ полного авторитета по этой части. Покончивъ перепись, онъ разспрашивалъ крестьянъ о дорогѣ въ сосѣднее селеніе.

— Да что дурака-то изъ себя ломаешь, баринъ,—замѣтила неожиданно одна старуха, очевидно недовольная разыгрываемою, по ея миѣнію, комедіею разспроса,—все ты лучше насъ знаешь, чего еще спрашивать-то дарма!..

Итакъ, когда на столѣ передъ статистикомъ лежали разныя документальныя данныя, когда на первыхъ же порахъ при помощи перекрестныхъ вопросовъ попытки надуть обнаруживались, когда, наконецъ, оказывалось, что хотя этотъ пріѣзжіи и въ первый разъ явился въ деревню, а какими то путями онъ знаетъ и то, о чемъ еще не говорили, тогда самые недовѣрчивые рѣшались показывать правду. И непріятно пойматься на чемъ-нибудь и оказаться въ глупомъ положеніи передъ односельчанами, которые не преминутъ поднять на смѣхъ и, «пожалуй, еще отвѣтишь за вранье; ну ихъ къ чорту, все равно не отвертишься, пушай ужъ пишутъ, что есть». Когда такое настроеніе явилось у первой группы крестьянъ, оно передается и слѣдующимъ, и статистикъ можетъ уже быть спокоенъ: толпа ему подчинилась.

Отмѣчу одно любопытное обстоятельство.

Не разъ бывало такъ, что кто-нибудь изъ сельской интеллигенціи, напр., священникъ, говорилъ намъ:

— Какъ ни старайтесь, а правды вамъ не добиться.

— Почему такъ?

— Врутъ вамъ мужики, жестоко врутъ.

— Вы ошибаетесь; я думаю, не такъ ужъ сильно врутъ.

— Да помилуйте, сами мнѣ признавались. Вотъ сегодня ко мнѣ приходили переписанные; спрашиваю: ну, какъ дѣла, какъ показывали? «Дуже набрехалы», говорятъ и сами смѣются. Такъ, говорю, всѣ и брешете? «Э! хибѣякій дурень правду скаже, а то уси брешуть». Вотъ вамъ...

Такія сообщенія cadaго статистика на первыхъ порахъ его дѣятельности повергаютъ въ сильную тревогу и уныніе. Однако на самомъ дѣлѣ это не такъ страшно. Я нѣсколько разъ просилъ еще разъ справиться и указать мнѣ, кто и въ какомъ направленіи «набрехалъ», просматривалъ и провѣрялъ полученныя свѣдѣнія и убѣждался, что мужики сами на себя наклеветали. Ихъ слова являлись одною похвальбою; въ этой похвальбѣ, вѣроятно, сказывалось безсознательное стремленіе отомстить хоть такимъ образомъ за то, что пришлось показать вѣрно, хотя и сильно хотѣлось соврать, а затѣмъ и тщеславное желаніе похвастать: вотъ, молъ, какой я ловкій; какъ пана-то я провелъ...

Я упоминалъ уже, что экскурсія иногда сильно отзывалась на нашихъ нервахъ. Когда я въ первый разъ выѣхалъ въ уѣздъ, я былъ потрясенъ новизною и силою впечатлѣній. Вечеромъ, послѣ цѣлаго дня напряженной работы, казалось, что вотъ-вотъ только добратся до постели и заснешь какъ убитый. Не ту то было! Едва тушилась свѣчка, какъ накидывался безпорядочный рой дневныхъ впечатлѣній, начиналась дикая пляска какихъ то смутныхъ, неопредѣленныхъ фигуръ, лѣзли въ голову безостановочно отрывки фразъ, разрозненные слова; расходившіеся нервы нельзя было ничѣмъ удержать, и сонъ

далеко бѣжалъ отъ глазъ, крѣпко сжимаемыхъ въ тщетныхъ попыткахъ заснуть. А тутъ же въ хатѣ спали уже закалившіеся товарищи, и ихъ мѣрное дыханіе и здоровый храпъ раздражали слухъ и еще болѣе разгоняли напрасныя старанія заснуть. Только подъ утро удавалось забыться безпокойнымъ сномъ, полнымъ кошмаровъ. Послѣ такой скверной ночи я вставалъ со свинцовой головою, съ тяжестью въ членахъ. Но, какъ пьяницѣ рюмка водки, стоило отправиться въ сборню, какъ нервы взвинчивались опять, усталости какъ не бывало, и я опять могъ работать цѣлый день, а вечеромъ та же исторія.

Вообще первая экскурсія мнѣ досталось такъ тяжело, что по окончаніи ея я долго не могъ ничего читать, находился въ какомъ то странно-возбужденномъ состояніи и не скоро могъ придти въ норму. Потомъ я привыкъ и такъ уже не расклеивался, хотя каждая экскурсія нѣсколько расшатывала. Также не легко онѣ доставались и другимъ.

Главную роль въ этомъ расшатываніи статистическихъ нервовъ игралъ этотъ ежедневный турниръ, обостренно скептическое отношеніе къ тому, что приходилось выслушивать. Неудачи, промахи, ошибки и пробѣлы волновали, повергали въ глубокое уныніе, подрывали вѣру въ дѣло. Нерѣдко овладѣвало нами глубоко угнетенное настроеніе. Не разъ приходилось видѣть, что кто нибудь изъ товарищей работаетъ не спѣша, отчетливо, хладнокровно, по видимому, но лицо блѣдно, глаза смотрятъ тускло и устало, улыбки нѣтъ и слѣда, голосъ звучитъ сухо, ровно и безучастно. Въ такія минуты лучше не заговаривать, лучше пусть самъ «отойдетъ». Сколько разъ каждому изъ насъ приходилось говорить: «нѣтъ, конечно, это послѣдняя экскурсія! Не могу больше вынести; всѣ наши изслѣдованія ничего не стоятъ, обманываешь только себя и другихъ, пріѣду домой, откажусь отъ статистики!..» Но проходило, по пріѣздѣ домой, нѣсколько дней отдыха, все укладывалось, устанавливалось на свое мѣсто, горечь со-

мнѣній и разочарованій теряла свою остроту, слабыя стороны дѣла переставали такъ жестоко колоть, тяжелыя картины тускнѣли, воспоминались и удачи и побѣды, воспоминались новыя завоеванія въ области знанія народной жизни, постепенно складывалось впечатлѣніе общей стройности и законченности изслѣдованія, крѣпла увѣренность, что земство, довѣрившее намъ живое дѣло изслѣдованія народнаго хозяйства, можетъ въ своихъ мѣропріятіяхъ безбоязненно опираться на собранныя нами свѣдѣнія, что въ нашихъ матеріалахъ дѣйствительно заключается «сущая правда жизни», насколько ее возможно добыть при данныхъ условіяхъ человѣческаго наблюденія, что кирпичи, которые доставляемъ мы, простые черно-рабочіе, для великаго зданія родиновѣдѣнія, прочны и надежны, что строящіе это зданіе помянутъ, вѣроятно, и насъ добрымъ словомъ, что, наконецъ, нашъ «праздникъ жизни, молодости годы» посвященъ живой, плодотворной работѣ.

И опять было бы трудно и больно оторваться отъ любимаго дѣла...

Вообще отнюдь нельзя сказать, чтобы мы всегда пребывали въ состояніи вѣчныхъ сыщиковъ и слѣдователей, крестьяне же коснѣли въ упорномъ запертѣ. Случалось и такъ, но къ счастью далеко не всегда. Если бы можно было приложить статистическій же методъ и къ отношеніямъ крестьянъ, если бы можно было подсчитать сумму довѣрія, откровенности, радушія, готовности помогать въ дѣлѣ и сумму недовѣрія, упорства, скрытности, — я глубоко убѣжденъ, что первая сумма во много разъ превысила бы вторую. Острую шпагу скептицизма и критики нужно было всегда имѣть при себѣ, но часто въ этомъ оружіи не оказывалось ни малѣйшей нужды, и оно спокойно могло почивать въ ножнахъ довѣрія.

Хотя за судейскихъ въ деревняхъ насъ и не принимали, но довольно часто обращались за разными совѣтами по разнымъ тяжбымъ дѣламъ.

Юристъ, сдѣлавшійся крестьянскимъ адвокатомъ, несомнѣнно нашелъ бы для себя обильную практику въ деревнѣ. Конечно, эта практика была бы гораздо менѣе выгодна, чѣмъ городская, но что дѣла было бы много и дѣла крайне интереснаго, это не подлежитъ никакому спору, какъ мнѣ кажется.

Помимо прямой пользы кліентамъ, дѣятельность эта была бы вообще просвѣтительнаго характера. Сколько разъ намъ приходилось слышать о разныхъ дѣлахъ, которыя были выиграны неправою стороною благодаря ея ловкости и знанію всѣхъ формальностей.

— Перекрутивъ дило,—вздыхая, говоритъ правая, но неумѣлая сторона.

И убѣжденіе, что въ судебныхъ дебряхъ сильный и богатый можетъ «перекрутить» по своему, что онъ легко добьется успѣха, «всунувъ» и «подсыпавъ» кому слѣдуетъ, еще очень крѣпко держится въ народѣ, и намъ часто приходилось это слышать.

Къ сожалѣнію, просвѣщенные юристы недоступны для народа и поле дѣятельности предоставлено темнымъ и невѣжественнымъ ходатаямъ.

Во многихъ случаяхъ добросовѣстный адвокатъ принесъ бы пользу, хотя бы только убѣдивъ тяжущихся бросить тяжбу. Таковы напримѣръ случаи, когда двѣ общины тягались изъ-за какого нибудь ничтожнаго клочка земли, не стоящаго той бумаги, которая уже изведена на прошенія.

Я знаю двѣ деревни, Воыново и Селище, много лѣтъ спорящихъ изъ-за какой-то запутанной болотины. Крайне трудно рѣшить, какой деревнѣ она принадлежитъ, и возстановить владѣніе можно, вѣроятно, только съ большими затратами.

— Что вамъ за охота вести дѣло изъ-за такихъ пу-

стяковъ? — спрашивалъ я волиновцевъ, — ну пусть владѣютъ селищане, вѣдь не корыстная земля.

— Гдѣ корыстная! Осока одна! И скотина не ѣсть, — хоромъ отвѣчали мужики.

— А денегъ-то вы не одну сотню просадили?

— Охъ, ужъ и говорить не хочется. Одно слово, хребетъ трещить.

— Такъ чего жъ вы судитесь? Вѣдь убыточно...

— Такъ -то такъ. А все жъ таки, господинъ, лестно, ежели намъ присудятъ. Намъ аблакать говорилъ, что наше дѣло вѣрное...

То же говорили и селищане, когда я бесѣдовалъ съ ними по тому же дѣлу. И вотъ двѣ-три десятины негодного болота кормятъ проходимцевъ, обнадеживающихъ мужиковъ.

Особенно много тяжebъ въ Малороссіи; существованіе мелкаго подворнаго владѣнія вызываетъ массу дѣлъ, иногда тянувшихся подолгу по разнымъ инстанціямъ и стоящихъ очень дорого для тяжущихся.

Поэтому-то много разъ бывало такъ, что хозяинъ скажетъ, внося раннимъ утромъ въ хату шипящій самоваръ:

— До васъ тутечки, пане, люде прійшли...

— Зачѣмъ?

— Та, видно, дило якесь е, дакъ, мабуть, щось роспытаты.

— Ну, позовите ихъ сюда.

И вотъ, неловко пролѣзая въ дверь, входятъ три-четыре челоѣка въ новыхъ свитахъ и свѣже-вымазанныхъ дертемъ чоботахъ, отвѣшиваютъ поклонъ и устанавливаются въ рядъ.

— Что скажете, господа?

Одинъ изъ пришедшихъ, видимо главный дѣятель и голова всей компаніи, выгаскиваетъ изъ-за пазухи толстый пакетъ съ бумагами и дѣлаетъ шагъ впередъ.

— Хотемо мы, поздоровъ Боже вашу милость, щось у

васъ спытаты... колы можно, дозвольте, колы не можно, выбачайте (извините)...

На приглашеніе изложить, въ чемъ дѣло, ораторъ продолжаетъ:

— Якъ, значить, мы ведемъ дило судебнымъ порядкомъ и по своей темности просымо у вашей мылости совита...

Начинается длинная, заранѣе приготовленная рѣчь, при чемъ говорящій изо всѣхъ силъ старается подбирать изысканныя выраженія.

Иногда въ теченіе дня мы имѣли нѣсколько такихъ посѣщеній.

Бывало и такъ, что по какому-нибудь дѣлу являлась посѣтительница съ курицей подъ мышкой. На обычный вопросъ, что ей нужно, посѣтительница прежде всего протягивала съ поклономъ курицу.

— Это курица-то зачѣмъ же?

— Просю вашу мылость, не одкажыть, — пришедшая дѣлаетъ шагъ впередъ, еще разъ отвѣшиваетъ поклонъ и опять протягиваетъ тревожно настроенную курицу.

— Говорите такъ, что вамъ нужно; я не возьму вашей курицы.

Это мое заявленіе посѣтительница понимаетъ такъ, что я или отказываюсь подать совѣтъ или же нахожу приношеніе недостаточнымъ, поэтому продолжаетъ упрашивать.

— Нуте бо визьмить, сдилайте мылость; що можемо по нашому убожеству...

Я опять рѣшительно и категорически заявляю, что ни въ какомъ случаѣ не приму этого неподобающаго мнѣ презента, и наконецъ курица прячется подъ мышку.

— Въ чемъ ваше дѣло?

Такъ какъ строй мыслей посѣтительницы совершенно разбить моимъ отказомъ отъ курицы, то обыкновенно она не сразу могла сколько-нибудь связно изложить дѣло.

Не разъ бывало и такъ, что только что соберешь крестъ-

янтъ, какъ изъ молчаливой толпы выдѣлится какой-нибудь болѣе развитой домохозяинъ и обратится ко мнѣ:

— Якъ мы наслышаны, що ваше благородіе повѣренный членъ, и находясь въ угнетеніи по причинѣ судебного дѣла, то просимо у вашей милости совѣта...

И начинается длинное изложеніе.

Бывали также иногда случаи, что во время переписи вызванный хозяинъ прежде всего подавалъ бумагу.

— Что это такое?

— Прошеніе до вашей милости.

— Я никакихъ прошеній не имѣю права принимать.

— Не откажите; просимо посовитовать...

«Прошеніе» заключало въ себѣ обыкновенно изложеніе дѣла; не надѣясь на свое краснорѣчіе, бѣднякъ повѣрялъ свои судебныя злключенія бумагѣ.

Приходилось также встрѣчать, хотя и рѣже, разные запросы и въ N — ской губерніи.

Къ сожалѣнію, намъ рѣдко приходилось чѣмъ-нибудь помочь нашимъ просителямъ. Нуженъ большой навыкъ, большая юридическая опытность и много времени, чтобы распутать болѣею частью страшно запутанныя крестьянскія дѣла и дать какой-нибудь совѣтъ. Навыкомъ и опытностью юриста никто изъ статистиковъ не обладалъ, времени свободнаго, какъ извѣстно, у насъ не было; поэтому болѣею частью мы бывали принуждены отвѣчать, что не можемъ дать никакого совѣта по настоящему дѣлу. Проситель вздыхалъ, мялъ въ рукахъ шапку и уходилъ, уныло говоря:

— Благодаримъ покорно; извиняйте, ваше благородіе...

Статистикъ же оставался съ крайне непріятнымъ чувствомъ смутнаго стыда и неловкости.

Для разныхъ справокъ по этимъ запросамъ мы возили съ собою «Положенія о крестьянскомъ сословіи» Данилова и нѣкоторыя другія книги, но и онѣ мало помогали.

Часто однако крестьянскія дѣла были дѣйствительно безнадежны и никакого совѣта нельзя было дать. Не

помню, кто изъ вольнопрактикующихъ врачей писалъ, что при его поселеніи въ деревнѣ къ нему прежде всего стали обращаться безнадежные «хроники». Такіе «хроники» по судебнымъ дѣламъ часто обращались и къ намъ. Дѣло проиграно окончательно во всѣхъ инстанціяхъ, но надежда выиграть еще теплится, и вотъ крестьянинъ идетъ къ пріѣзжему: «авось, что-нибудь и присовѣтуетъ...»

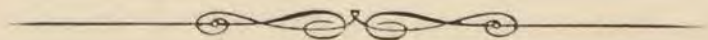
— Вы ничего по своему дѣлу не можете выиграть...

Крестьянинъ вздыхалъ и уходилъ, но едва ли искра надежды въ немъ окончательно погасала. Къ новому пріѣзжему—врачу, податному инспектору, страховому агенту, онъ опять пойдетъ съ тѣмъ же запросомъ.

Помимо судебныхъ дѣлъ къ намъ обращались иногда и по какимъ-нибудь другимъ деревенскимъ нуждамъ. Рѣдко однако мы могли удовлетворять. Не всегда и мѣстному жителю удастся стать въ положеніе полезнаго совѣтника, знать досконально запросы своей мѣстности и умѣть отвѣтить на нихъ; тѣмъ болѣе трудно это для временнаго посѣтителя.

Затѣмъ специфическія условія существованія земской статистики заставляли вообще бывать весьма осторожнымъ во всѣхъ разговорахъ, не входящихъ въ кругъ дѣловыхъ отношеній. Статистикъ часто самъ представляетъ объектъ своего рода статистики, иногда не совсѣмъ безпристрастной.

За то, если удавалось дать какой-нибудь дѣльный совѣтъ, я не знаю болѣе глубокаго чувства нравственнаго удовлетворенія, какъ при отвѣтѣ на запросъ толпы, жадно ищущей просвѣта въ своихъ потемкахъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Введение.	3
I. Первые шаги	9
II. Подворная перепись	27
III. Поселенный бланкъ	84
IV. Посредники.	138
V. Внѣ программы	169

